

A, 88' K@FFH *H

Q+9?%+7 A+C+) 930?; 19!

Мир героев романа Александра
Солженицына В круге первом

Esitetään Jyväskylän yliopiston humanistisen tiedekunnan suostumuksella
julkisesti tarkastettavaksi yliopiston vanhassa juhlasalissa (S 212)
heinäkuun 28. päivänä 2001 kello 12.

E F@: "F4b ' J<">4HD@@ L"8J: \HH
I >4& DF4HH _ &f8 : b BJ\$ 4R>"b 2'V 4H' *4FF, DHP44
>" F@f8">4, JR >@6 FH B, >4 *@HD' L4: @A 44 F@H4Hf
28-(@ИЮЛЯ 2001 (@" &12 R'F@&
&EHD@ "8-@< 2':, I >4& DF4HH (S 212)

UNIVERSITY OF JYVÄSKYLÄ

JYVÄSKYLÄ 2001

Q+9?%+7 A+C+) 930?; 19!

Мир героев романа Александра
Солженицына В круге первом

JYVÄSKYLÄ STUDIES IN THE ARTS 74

A, 88' K@FFH *H

Q+9?%+7 A+C+) 930?; 19!

Мир героев романа Александра
Солженицына В круге первом

UNIVERSITY OF JYVÄSKYLÄ

JYVÄSKYLÄ 2001

Editors

Matti Vainio

Department of Musicology, University of Jyväskylä

Olli Ahonen

Publishing Unit, University Library of Jyväskylä

URN:ISBN:9513912183

ISBN 951-39-1218-3 (PDF)

ISBN 951-39-0958-1 (nid.)

ISSN 0075-4633

Copyright © 2001, by University of Jyväskylä

"% FJV>@FH 8@*" <N R4H, < 4:4 F@DP', <
BJ*@\$, FH& >>@ BD@12& *, >4, @F>@>@6 &@BDF,
&@>48" V46&>"H, 6*JH,, &F, (" H'8@& '1J-8', RH@HN
2'R: @& 8' 3 R, < @H4R', H\Fb @H&F, B: ` * , 6 8@H@NBb
2" , 4RH@<@\$, H\ <>, F8'2'H >@@@H@, 8'8>"*@
F<@DH >" >"HJ \$42\?...'"

(9, & ; @ FH@ 32 "AD*4F: @&4b 8 F@R4>, >4b< ' 4 * ,
; @B'FF">")

ABSTRACT

Forsstedt, Pekka

Man in the Face of Evil. The World of Heroes in Aleksandr Solzhenitsyn's Novel *The First Circle*.

Jyväskylä: University of Jyväskylä, 2001, 171 p.

(Jyväskylä Studies in The Arts,

ISSN 0075-4633; 74)

ISBN 951-39-1218-3

Summary

(Diss.)

The study is concerned with the worlds of heroes in Aleksandr Solzhenitsyn's novel *The First Circle*. The main methodological principle is tracing and analysing the point of view of the hero and the ways in which it is narrated ('close reading'). The work consists of two parts, titled *Power* and *Man and the System*. Approaches vary from socio-critical and historical ones to psychological and philosophical enquiries. On the basis of such multi-faceted criticism, the poetical canvas of the novel is constructed. The analysis proceeds along the lines of the plot of the novel. One of the most important aspects of this particular novel, and of the author's whole artistic work, is its grounding in facts. The novel is structured as a kind of collage of elements of reality, where the relations between the parts play a central role.

On the ethical measure, the main problem of the novel is the problem of evil and its relation to the individual, on the other hand, and to society as a whole on the other. The context is Russian history, one of its darkest times of Soviet power, the late Stalinism. What kind of people then lived in Russia, what did they do, how did they feel and think? The purpose of this work is to constitute the universality of the concept of man in the context of this particular novel. The characters in it are the 'same' as humans anywhere and anytime, but they are subjected to incredibly harder conditions than people usually are. Thus Solzhenitsyn's novel is like a laboratory of human ethics, where the motivation behind people's actions is divided between the spirit and the pleasure, and the many combinations they form. The novel is also considered in relation to the great tradition of Russian literature and thought.

Keywords: "The First Circle" by Aleksandr Solzhenitsyn, characters, history, system, power, conscience, evil

Author's address

Pekka Forsstedt
Tyyppäläntie 2 A 5
40250 Jyväskylä
E-mail: pekka_forsstedt@hotmail.com

Supervisor

Professor Erkki Peuranen
Department of Russian
University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland

Reviewers

Professor Erkki Peuranen
Department of Russian
University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland

Professor Vladimir Zaharov
Department of Russian Literature
Petrozadovsk State University
Petrozadovsk, Russia

Opponent

Professor Vladimir Zaharov
Department of Russian Literature
Petrozadovsk State University
Petrozadovsk, Russia

?; ! % ? Q

; @ 4>HDF 8 H&R, FHJ E@ \$, >4PN>" &@>48 &>"R": , 70-B (@& B@F: ,
BD@RH>4bD'FF8'2' "?*4>*, >\ 3&'>") , >4F@4R'" 4>, @F: "\$, &', HB@F, 6*, >\.
E: , *FH&4, <RH@>4>HDF' b&4: @\ 8'842R, >4, DIFF8@<b2N8' 48J: \HJDN, H'8
420-: , Hbb \$ 42>\ &C@FF44.

%@ , 6F: JR'bb\$ 4: >, B@": , 8J @HH@<, FH' (*, BD@FB@bH@B4FN&', <N,
&D@>">, "%8DJ(, B, D&@" F@NH4b, 4, &@<@>@ RH@<FH@H: \FH&&<, FH F
J\$, \$*, >4, < &R>P48 @B, *4R>@FH 4 (: J\$4>, , " H'8\$, R HB@6 FHDJ8JD>@FH
B@, FH&@>4b, B@&@ 4&H, 6 '. . .: : ` >"&'H RH@D@>"> "F@<D@< FD*4
D@>">@, 4FH: 4B, D&N< H@ R@< 8D'\$@H >"* *">>@6H<@6 A@B@J D'\$@H b
FH'D': Fb H'8\$, 4FB@ \2&'H & 4FF: , *@>'>44 F8@6 @BNH \$ 42>4 & C@FF44 4
&@FD4bH, D": 46 F@& HF8@6 4 F@&D <, >>@6 DIFF8@6 \$ 42>4 4 4FH@D44.

U \$ "(@"D &F, B <@4B DIFF84B 4 L4>F84B 8@: , (, @3'2'&H4B <>,
B@*, D\$ 8J & D'\$@H >"* *4FF, DHP4, 6, <@ F, <\` 4 D@4H: , 6, " H'8\$,
I >4& DF4H_H_ &bF8 : b 2' BJ\$ 48'P4' >"FH@V, 6 8>4(4.

_ &bF8 : b, 4 : \2001 (.

A, 88' K@FFH)*H

СОДЕРЖАНИЕ

ABSTRACT ОТ АВТОРА

1	ВВЕДЕНИЕ	13
2	ОБЩИЙ ОБЗОР РОМАНА	23
2.1	К истории создания романа	23
2.2	Главная тема романа	24
2.3	Два сюжетных центра повествования	24
2.4	Драматизм повествования	25
2.5	Главная идея романа	26
2.6	Классическое единство времени, места и действия. Хронотопы. Композиция романа	26
2.7	Жанр романа	28
2.8	Смысл названия	29
2.9	Энциклопедичность романа	29
3	ВЛАСТЬ	30
3.1	Атака на власть. Один в поле воин. Звонок Иннокентия - завязка романного действия	30
3.2	Система государственной безопасности как опора власти. Исполнитель и инструкция. АНесовершенство человека@. Роль случая в жизни и истории	32
3.3	История шарашки. Развенчание мифов. АЗрячая любовь@ к России - тайный двигатель солженицынского творчества. Руководители и система	33
3.4	Номо apparatus Мамурин. Секретная телефония. Хронотоп шарашки	35
3.5	Многоликость системы. Симочка - Серафима Витальевна. Биография как средство показа советского общества изнутри. Конкретность и точность фактов и деталей В важная черта солженицынского реализма. Функция сюжета. Раздвоенность человека у Достоевского и Солженицына	39
3.6	Лицо власти может быть и человеческим. Информативная нагруженность текста романа. Приёмы скрытого воздействия на читателя. Засекреченность работы органов безопасности. Боязнь гласности. Власть по отношению к близким заключённых	43
3.7	Опора власти - Асамодовольная, непробиваемая порода@. Лейтенанты Смолосидов, Шустерман и генерал Бульбанюк	48

3.8	Третья власть. Шикин - Мышин. Механизм вербовки осведомителей. АПрофессия@ оперчекиста. Моральное превосходство заключённых	49
3.9	Высшие эшелоны власти. Факты и фикция. Кабинет Абакумова. Иерархия власти. Ритуальный язык. Абакумов - игрок или пешка? Внутрироманная смена жанров	53
3.10	История инженер-полковника Яконова. Психологический механизм конформистского отношения к действительности	59
3.11	Клара. Пробуждение сознания	64
3.12	В системе ли зло?	66
4 ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА		70
4.1	Нация и индивид. История Льва Рубина. Идеология коммунизма как вера. Кольцо обид Адама Ройтмана	70
4.2	Глеб Нержин как alter ego автора. Нержин и Рубин В сходства и различия судеб и характеров. Загадка истории: на чем люди заблудились	74
4.3	Спор Нержина и Рубина о счастье. Их методы наблюдений над жизнью	76
4.4	Проекты Ройтмана и Яконова. Конформизм или жизнь по совести. Веренёв. Вариация темы Фауста. Выбор Нержина	81
4.5	Пересечения человеческих судеб. Ночные мысли Нержина. Разговор с Руськой В типичный для русской литературы поиск правды. Техника ремарок	84
4.6	Разговор Сологодина с Нержиным Ана дровах@ - скептицизм Нержина и христианство Сологодина. Разница с Нержиным в их отношении к системе. Полемичное отношение Солженицына к Достоевскому и его героям	87
4.7	Правила Дмитрия Сологодина - путь в творческую лабораторию писателя Солженицына. Метод узловых точек. Тайна Сологодина. Крайности его судьбы	91
4.8	История Дмитрия Сологодина. Его взгляды на общественную жизнь. АИзобретение и досрочка - или не жить никогда@. Смысл анонимного жертвенного героизма для личности и общества - ключевой вопрос романа	93
4.9	Человек в плену идеологии. Искренний коммунизм Льва Рубина	96
4.10	Значение отдельного Афрагмента текста@ в композиции главы и романа. История инженера Потапова. Свобода выбора. Клише советологов homo soveticus	102
4.11	По пути на свидание. Символичность, образность повествования. Правда детали. Нержин и герои романтизма. Размышление Нержина о своём призвании: Аузнать и понять! откопать и напомнить!	104
4.12	Надя и Глеб. Наталья Герасимович. Свидания	109

4.13 Герасимович. Учёный и общество. Любимая мысль Достоевского и её отголоски в романе. Техно-элита	115
4.14 АХождение@ Нержина Ав народ@. Солженицын contra Толстой. Критерий Спиридона	119
4.15 Литература и искусство в плену идеологии. Галахов и Кондрашёв. АРыцари Грааля@	123
4.16 Иннокентий после звонка	127
4.17 Выбор Иннокентия	128
4.18 Нить Ариадны. Жизнь в затворе - способ неучастия во лжи. Последний шаг Иннокентия - бунт против отца или жертва за отца?	134
4.19 Двойная кольцевая композиция романа. Принятие судьбы. Иннокентий в испытании ГУЛагом	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143
УНТЕЕНВЕТО	149
БИБЛИОГРАФИЯ	154

1 ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования данной работы является мир героев романа Александра Солженицына *В круге первом* как возможность понять идейную проблематику романа, значение, которое имеют отдельные герои романа, их судьбы, чувства, размышления в сюжетной и композиционной структуре романа, а также секрет того эстетического и этического воздействия, которое роман имеет на читателей.

Выбор этой темы объясняется как её неизученностью (в большинстве работ о романе обсуждается шестая неканоническая и очень отличающаяся от последней редакция), так и тем, что в самой сути своего творчества Солженицын остаётся, несмотря на огромное количество литературы, посвященной его жизни и творчеству, вышедшей в основном за пределами России, непонятым как писатель, поставивший в центр своего творчества не только борьбу с советским тоталитаризмом и общественные проблемы, но прежде всего, так же как и великие классики русской литературы 19 века, духовно-экзистенциальное измерение жизни человека.

Запрет на публикацию произведений Солженицына в России и на изучение его творчества привёл к тому, что на долгие годы центр изучения его творчества переместился за рубеж. Там выходят монографии о его жизни и творчестве (Drozda 1966, Lukács 1970, Labedz 1971, Rothberg 1971, Burg 1972, Daix 1973, Grazzini 1974, Moody 1976, Clement 1976, Allaback 1979, Nivat 1980, Краснов-Левитин 1983, Scammel 1984, Шнеерсон 1984, Suchanek 1994, Thomas 1998), о его общественно-политических (Barker 1977, Carter 1977, Коган 1982, Штурман 1988), моральных (Ericson 1980) и религиозных (Nielsen 1975) взглядах. В своей статье *Правило последних вершков*, опубликованной в журнале *Грани* в 1983 году, Мария Шнеерсон сравнивает первоначальный вариант романа и его подцензурную версию, с которой и сделаны все переводы на иностранные языки и которая являлась предметом исследований до опубликования в 1978 году в первых двух томах вермонтского собрания сочинений канонического текста. Она устанавливает, несмотря на предубеждения некоторых исследователей (Краснов-Левитин 1983) перед *АКругом-96* - так сам писатель обозначил последнюю восстановленную редакцию романа - бесспорное преимущество *Атомного* сюжета.

Большинство западных работ о Солженицыне имеют либо явно биографический уклон, либо посвящены полемическому обсуждению

преимущественно мировоззренческих позиций писателя, его политических взглядов, публицистики, исторических концепций и т.д. Художественное своеобразие его творчества является предметом рассмотрения в монографии Дж. Куртиса Solzhenitsyn's traditional imagination. (Curtis 1984) Американский исследователь рассматривает стиль писателя, отталкиваясь от положений, разработанных в трудах Р.Якобсона, и опираясь на оппозицию метафора - метонимия. Он отмечает параллели с Достоевским, Толстым, Лесковым, Чеховым, Замятиным и др.

Наиболее удачная монография о Солженицыне принадлежит перу одного из самых авторитетных западных русистов, тонкому знатоку русской культуры профессору Женевского университета Жоржу Нива. Книга Ж. Нива - попытка дать цельный портрет Александра Солженицына и как человека, и как общественного деятеля, и как публициста, и как мыслителя, идеолога, историка. И - что особенно редко - как писателя, художника слова. Недаром в телеинтервью известному французскому журналисту Б.Пиво Солженицын и сам назвал эту книгу как едва ли не единственную, автору которой его творчество интересно не только как политику, философу или историку, но и как литературному критику и историку литературы. В своей книге Жорж Нива дал необходимую биографическую информацию, характеристику основных направлений творчества А. Солженицына и содержательный анализ его главных произведений во всей их жанровой и художественной специфичности. Останавливается он и на анализе романа АВ круге первом®. Следует отметить, что несмотря на увлечение некоторыми параллелями (Данте - Нержин, Вергилий - Сологдин; узники шарашки - рыцари Грааля; Сологдин - маркиз де Лантенак, Адуша вандейского бунта®, Рубин - Симурдэн, Адуша плебейской борьбы®, Нержин - Говэн, связанный с тем и другим - все трое - герои романа Виктора Гюго АДевяносто третий год®), его монография затрагивает очень важные аспекты.

Во-первых, он ставит роман в ряд других произведений писателя в исследовании Аконцепции русской национальной судьбы®. Жорж Нива считает, что свою концепцию русской национальной судьбы Солженицын начинает испытывать с пьесы АПленники®, которая первоначально называлась АДекабристы без декабря®. Здесь в разговоре Рубина и Воротынцева впервые возникает тема Арождения бунта и духовного обновления в самом ядре каторжного опыта®. (Нива 1992, 56) Это тема Адекабристов без декабря®, то есть бунта без эпизода на Сенатской площади, столь театрального, анахроничного и столь невыносимого при сталинском режиме, являет не красный подвиг на миру, а подвиг незаметный, остающийся неизвестным, подвиг лишь перед лицом своей совести. Рубин в этой пьесе, где он, как и в АКруге первом®, правоверный марксист, мечтает о новых декабристах, Воротынцев же - о восстании народа, преображенного ГУЛагом:

АЕсли ожидает нас переворот, -
 Дай-то Бог! - то не шипучая дворянская игра
 От шампанского, от устриц с серебра,
 Не заемные мечтанья, что там было, где, -
 Но вот этот кряжистый народ,
 Настрадавшийся на баланде.® (8, 146)

Летом в Кок-Тереке, впервые получив передышку от лагеря и болезни, Солженицын раздумывает над литературной формой, которая лучше всего отвечала бы опыту и весте АПЛЕННИКОВ®: весте о бунте в ситуации абсолютной обездоленности. Нива замечает, что смещение от ранних драматических опытов к прозе привнесло в роман не только главную тему, но и некоторые черты драмы: перевес диалога, символизацию действия, соблюдение классических АТРЁХ единств®.

Во-вторых, Ж.Нива отмечает философские аспекты романа, его диалогичность, полифонизм. Исследователь отмечает, что для Солженицына шарашка была своеобразной ААкадемией®. Четыре года писатель вёл диалог с самыми независимыми и просвещенными умами своей страны. АВ этой устной, диалогической форме интеллектуальных споров есть что-то сократовское... Философским отблеском платонизма проникнута главная идея романа.® (Нива 1992, 60) Здесь мы не во всём согласны с Ж.Нива. Хотя роман АВ круге первом® и можно определить как философский, он всё же вырастает и передаёт живой опыт и многочисленные реальные судьбы, и именно эта стихия живой жизни, переданная в точных образах и деталях, является тем испытательным полем, на котором проверяются все головные теории. Последнее слово остаётся не за философией, а за живой жизнью.

В-третьих, исследователь подчёркивает математическую архитектонику романа. Позднее он назовёт поэтику произведений Солженицына до АКрасного Колеса® поэтикой взлёта (Нива 1993, 288) и вычленил два её главных элемента: Аскрытая аллегория башни, вознесения, видение Вечного через щель в своде® и Асвободный диалог, ... коммуникация душ, преодолевающая тяжесть рабства .А (Нива 1993, 288)

Гипнотическое очарование романа, под власть которого попал и Твардовский, когда на Пасху 1964 года читал роман в Аоблегчённой® пятой версии у автора в Рязани¹, имеет своим истоком, по мнению Нива, обилие подлинного материала. Богатство пережитого организуется здесь даром математика, философа и романиста - и в этом сочетании, которое обнаруживает себя в этом произведении с большей очевидностью, чем в других, видит исследователь своеобразие этого романа. АЭто самое вдохновенное его сочинение®, - пишет Нива. (Нива 1992, 64)

На Западе вышли и две диссертации по роману. В диссертации Джона Дунлопа (Dunlop J.P. Solzhenitsyn's First Circle. Yale U. 1973) главный объект исследования - сталинская машина власти. АИнфернальный мир® сталинского времени сравнивается с Аадом® Данте, обсуждаются человеческие факторы, поддерживающие террор, причины, по которым люди выбирали сотрудничество с преступной властью. Также уделяется внимание тем, кто бросает вызов режиму и выбирает Аto pay the price of integrity®; а также отношениям мужчин и женщин при сталинском режиме. Несколько прямолинейное разделение героев на Аdevils® и ®angels® лишает мир героев романа важных психологических оттенков, но может быть объяснено тем, что в

¹ Сравни колоритный рассказ в АТелёнке®, как Твардовский, захваченный чувством реальной опасности, втянутый в исполинскую сталинскую машину Адешифровки® голосов и людей, требует водки, зажигает все лампы и, испытывая симпатию то к жертве, то к палачу, кончает каким-то полубезумием.

окончательной редакции романа многие герои подверглись большой доработке по линии углубления психологизма, некоторые же характеры, как Сологдин, претерпели кардинальные изменения, таким образом, сам писатель не был удовлетворён той версией романа, которая оказалась и наиболее распространена и наиболее изучена.

Диссертация Владислава Краснова - *Krasnov V.G. Polyphony of *The First Circle*: A Study in the Solzhenitsyn's Affinity with Dostoevsky. Ph.D. Univ. Of Washington (Seattle) 1974* - также имеет дело с шестой неканонической редакцией романа. Своей диссертацией исследователь открывает большую дискуссию вокруг полифонизма в творчестве Солженицына. Краснов понимает полифонизм и применяет это понятие в отношении к роману АВ в первом@ в том смысле, в каком его ввёл в научный оборот Бахтин в 1929 году, определив им главное свойство творчества Достоевского. Главную цель полифонического романа Краснов видит в эффекте Астусевавшего@ автора и отмечает это свойство в романе АВ в первом@. Кроме того он настаивает на отсутствии главного героя и равноправном сосуществовании в романе разных мировоззрений.

Мы не согласны с исследователем в том, что роман АВ в первом@ можно считать полифоническим в смысле Бахтина. Несмотря на обилие голосов и представленных точек зрения в романе авторская позиция всегда ясно выражена и идеологически доминирует.

Очень интересны параллели, которые В.Краснов видит между героями АКруга первого@ и героями Достоевского.² Он считает, что как роман АБратья Карамазовы@ Ане только реалистический детективный роман об отцеубийстве в семье русского дворянина прошлого века, но и миф о духовном кризисе России ..., так и роман Солженицына не только описание ... жизни одной из шарашек, но и миф о духовной смерти России после революции и о ростках её будущего возрождения из тех самых евангельских зёрен ..., которые были брошены на прозябание и смерть в самые глубокие круги земного ада@. (Краснов 1977, 168) Как Достоевский изображает братьев конкретными русскими воплощениями общечеловеческих типов, так и Солженицын воплощает в своих героях основные типы поведения в безвыходной, казалось бы, обстановке, в Аежовых рукавицах Сталина, духовного наследника и эпитгона Великого Инквизитора.@ (Краснов 1977, 169) Лев Рубин (как Иван), по мнению исследователя, - человек интеллекта, рационалист, позитивист; Дмитрий Сологдин (совпадает с Дмитрием Карамазовым только отчасти) - это тип человека воли, иррациональной жизненной силы и животного инстинкта самосохранения и самоутверждения; Глеб Нержин (как Алексей) - человек сердца, души и духовной мудрости. На более конкретном уровне они восходят к архетипам Аучёного@, Авоина@ и Асвятого@ (Глеб Нержин становится Асвятым@ в силу избрания жертвенного пути). Главный идейный конфликт романа В.Краснов видит в нетерпимости Сталина ко всем идеологическим Аголосам@, в том числе и к Аголосам@ убеждённых коммунистов, в его предельном гомофонизме. (Краснов 1977, 171)

²

Вспомним, что Сергей Залыгин писал, что Арассказанное Достоевским читается нынче как предисловие к Солженицыну.@ - С.Залыгин. Год Солженицына. Новый мир 1990, т 1, с.236.

В Финляндии роман имел отклики при его издании в 1970 году, правда, в основном, политического характера³. Современные исследования по роману отсутствуют, а восстановленная версия романа не принимается во внимание даже в 1997 году. Так, Леа Тойвола в журнальной статье в АКанава@, вероятно, не читавшая роман по-русски, судит о 6-й версии романа как окончательной. Главная мысль полной канонической версии романа о том, что поступок отдельного человека может влиять на ход истории и имеет нравственное значение, оказалась совершенно ею не понятой. Взамен этого, на основании мысли В.Краснова о полифоническом равноправии идеологических позиций героев романа и об отсутствии в романе авторской позиции, исследовательница считает возможной интерпретацию романа с точки зрения Алиберального социализма@ и отмечает, что во взглядах Рубина и Радовича на социализм подсознательно нашли отражение взгляды автора. Она считает, что в этом романе, так же как и в АРаковом корпусе@, Солженицын даёт Апоследний шанс@ Аобновлённому коммунизму@: *AEellä esitetty Aliberaalien sosialistien tulkinta teoksesta ei tosin ole sinänsä mahdoton ja voisi nyt olla yleisesti hyväksytty, jos kommunismi olisi kyennyt uudistumaan. Saattaa jopa olla, että Solzhenitsyn tarjosi tähän Aviimeistä mahdollisuutta@...* (Toivola 1997, 369). Эта подмена возможна только при незнании контекста всего художественного творчества Солженицына и его публицистики, а также ориентации на англоязычные источники, что является общей слабостью как финской русистики, так и политических оценок в отношении России.

Первые публикации о Солженицыне в России после его возвращения носили в основном обзорный характер и были посвящены не столько анализу его творчества, сколько драматизму гражданской и литературной судьбы писателя. Возможные аспекты изучения его творчества лишь намечались (смотри Борисов 1989, Бондаренко 1989, Воронов 1989). В 90-е годы появляется ряд работ, в которых изучаются художественные особенности творчества Солженицына (статьи Кублановского 1989 - 1996, Лесневский 1989 - 1990, Архангельский 1990 - 1991, Золотусский 1990а, 1990б; Лифшиц 1990а, 1990б, Новиков 1990, Винокур 1991, Телицына 1991, Грязневич 1994, статьи Латыниной 1990- 1995, статьи Немзера 1990 - 1998, Фридендер 1993). Топологический ряд, в который ставится Солженицын, довольно широк, но наиболее часто прослеживаются связи с русскими классиками 19 века (Щедрина 1992б, Лурье 1993, Виноградов 1993, Кредов 1994, Немзер 1994с, Орлицкий 1995), а также с Замятиным, Булгаковым, Шаламовым (Лакшин 1994, Френкель 1990 и др.). Первая монография российского автора о писателе - книга Ю.А. Мешкова "Александр Солженицын: личность, творчество, время", вышедшая в 1993 году в Екатеринбурге. Это была первая попытка рассмотреть все напечатанные к тому времени в России произведения писателя сквозь призму его жизни и взглядов. Книга была написана как критико-биографический очерк, но со многими пропусками, и вызвала замечания рецензентов (смотри Кузин 1994, Липовецкий 1994). В книге Ю.Мешкова роману АВ круге первом@ посвящен небольшой

³ Смотри, например, статью Марьи-Леены Миккола в журнале АПарнас@ 1971, т 5.

раздел, в котором главное внимание уделено проблеме нравственного выбора Володина и Нержина.

Год спустя в Москве вышла книга В.А. Чалмаева «Александр Солженицын: Жизнь и творчество». Хотя она и относится к учебным изданиям, рецензенты отметили в ней авторскую небрежность, легковесность суждений и даже фактические ошибки (смотри Б. Ланин «Учащимся от выучившихся», 1994). В.А. Чалмаев выделяет в романе две разнородные стихии Алирику и Аматематику и полагает, что последняя негативно сказалась на философской и художественной концепции романа. Исследователь считает Атомный сюжет сюжетом-дубликатом, не понимает авторского замысла, мотивов поведения героев. Он полагает, что Солженицын Анатужно героизирует Володина ... (эту) стандартную деталь привилегированного схематичного мира.» (Чалмаев 1994, 100) Монография страдает ошибками в именах героев.

Наиболее полный и глубокий анализ романа дан в монографии Е.В. Белопольской, опубликованной в Ростове в 1997 году. Это первый опыт цельной интерпретации романа в его канонической редакции. Комплексный анализ романа еще раз доказывает принадлежность Солженицына к той религиозной ветви русской культуры и литературы, которая ведёт своё начало от протопопа Аввакума к непосредственным его предшественникам Достоевскому и Толстому. По мнению исследовательницы, религиозное мировоззрение писателя сказалось на трактовке важнейших экзистенциальных проблем (таких как Добро и Зло, назначение человека), на элементах поэтики: искусстве портрета, символике заглавий. В монографии рассматриваются такие творческие принципы писателя, как единство документального и художественного обобщения, совмещение Апанорамного принципа повествования с Аметодом узловых точек, рассматриваются особенности жанра и стиля повествования. Что касается проблем личности, свободы выбора и других философских аспектов романа, они рассмотрены несколько прямолинейно. Так же как и Дунлоп, Белопольская делит героев романа на Ачистых и Анечистых, не замечая множество психологических нюансов и переходов. При всей часто моралистической жесткости подхода А. Солженицына к изображению человека, палитра его красок и приёмов всё же достаточно разнообразна, а главное, он не распределяет своих героев по категориям Аположительных и Аотрицательных. Человек, его живая душа, оказываются шире любых идеологических и моралистических концепций, и последнее слово остаётся за самой жизнью.

В самое последнее время вышли работы П.Е. Спиваковского «Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд» (Москва 1998) и М.М. Голубкова (учебное пособие для старшеклассников, преподавателей и абитуриентов - МГУ 1999). В первой работе исследователь анализирует природу реализма Солженицына и видит его истоки в теоцентричном мировоззрении писателя. «Если подлинный Мастер - лишь Сам Бог, бессмысленно пытаться создать что-то лучшее, по сравнению с тем, что создал Он.» (Спиваковский 1998d, 10) Именно из этого положения вытекает, по мнению Спиваковского, стремление Солженицына к почти точному художественному воссозданию подлинной жизненной реальности в её Авертикальности, а также исключительная гармоничность духовного мира писателя. Центральная проблема почти всех героев Солженицына, отмечается в исследовании, - это проблема выбора, а также осознание действия Промысла

как в отдельной человеческой жизни, так и в истории. Из адогматического мировосприятия писателя, по мнению московского литературоведа, вытекает и концепция личности у Солженицына. Анализируя рассказы 90-х годов, автор монографии демонстрирует отрицание писателем безрелигиозно-гуманистического (антропоцентрического) типа сознания и утверждение нравственного возвышения как высшего существования человека на Земле.

Исследователь размышляет о новом виде полифонии⁴ и об онтологической символике, содержащихся в произведениях писателя. Отталкиваясь от бахтинской теории полифонического романа и опираясь на нарратологическую методологию, удачно дополняя её суждениями В.В.Виноградова об Актёрском лике автора и наблюдениями Б.А.Успенского над поэтикой композиции, Спиваковский формулирует новый тип полифонии, обнаруженный им в произведениях Солженицына и называет его Аполифонией перцептивных миров, или индивидуальных восприятий. Теория полифонии нового типа позволяет Спиваковскому прийти к обобщениям о взаимодействии в творчестве Солженицына реалистической, модернистской (влияние прозы Е.И. Замятина, М.И. Цветаевой, Д.Дос Пассоса) и постмодернистской форм типизации. Так развевается легенда о Солженицыне - Архаисте. В центр феномена А.И.Солженицына выдвигается его самое масштабное и наименее изученное произведение - эпопея Красное Колесо.

Последняя из российских монографий - книга М.М. Голубкова для учащихся и преподавателей (1999). В ней исправляются некоторые недостатки учебного пособия Чалмаева и даётся монографический анализ романа АВ круге первом (жанр, проблематика, сюжет и композиция, система персонажей, принципы организации авторского повествования). Отдельно рассматривается соблазн и трагедия компромисса. Так как книга задумана как учебное пособие, многие проблемы намечены в ней в виде вопросов к учащимся. Некоторое сомнение вызывает отнесение произведения к жанру романа по принципу изображения частной жизни человека как главного предмета изображения в романе АВ круге первом. Мысль о том, что А частная, семейная жизнь, основанная на любви, становится в художественном мире романа величайшей ценностью, дарованной человеку (Голубков 1999, 58), кажется очень спорной и неоправданной всей идейно-художественной проблематикой романа. По-прежнему непонятым оказывается поступок Володина - Абессмысленно жертвует собой Володин. (Голубков 1999, 59) Таким образом, даже в последних монографических анализах романа мир его героев и концепция личности даются либо искаженно и вне связи с ближайшими и удалёнными контекстами произведения, либо жёстко-моралистически и слишком прямолинейно.

Между тем роман АВ круге первом даёт для изучения этих проблем многообразнейший и богатый материал, так как само его строение основывается на рассказе о судьбах отдельных людей, которые даны как некая Агалерея разных типов отношения к жизни, власти, социалистической идее, к правде и совести.⁵ Причём в центр внимания писателя попадают проблемы нравственного

⁴ Кстати, даёт очень интересные источники и новый взгляд на понимание полифонии как Бахтиным, так и Солженицыным. - Спиваковский 1998d, 62

⁵ Мирослав Дрозда, литературный критик из Чехословакии, единственной страны советского блока, где роман был опубликован, определяет его как роман Аразрушенных

выбора, совести, обретения себя перед лицом несправедливой государственной системы, а не только критика самой системы, как может показаться при поверхностном взгляде. Главные вопросы, которые, как нам кажется, решает писатель в каждом случае - это то, как человек ищет себя, своё уникальное неповторимое АЯ®, на каких развилках своего жизненного пути он находит себя или теряет и почему, как можно противостоять злу и несправедливости и даже побеждать в этой борьбе, и что есть зло - в системе ли оно или в человеке. Исходя из этого, центральной коллизией сюжета в романе служит коллизия морально-психологического свойства: коллизия поступка, выбора, акта поведения человека часто в очень критической, на краю бытия ситуации.⁶ В центре внимания писателя оказывается акт свободного человеческого самоопределения. Таким образом, писателя интересует не только быт, но и бытие человека в его духовно-экзистенциальном измерении.

Один из важных аспектов нашего исследования - понять то, какими способами и приёмами Солженицыну удаётся доносить свои идеи до читателя, какова роль биографии, исторического факта, детали, многообразных приёмов сатиры, цитаты и пословицы, авторского слова и др. в повествовании, каким образом герои романа связаны друг с другом и почему их А галерея® выстроена именно таким, а не другим образом. Хотя для удобства и выбраны отдельные главы, которые подвергаются нами более тщательному наблюдению и пристальному прочтыванию и комментированию, роль отдельных фрагментов текста и глав в общем повествовании остаётся важной задачей исследования. Основными методами исследования, таким образом, служит пристальное прочтывание текста и его комментирование, а также рассмотрение его в свете как ближайших контекстов (предварительные варианты произведения, биография автора, его окружение, свойства его личности), так и удалённых. Последние мы понимаем очень широко: здесь и явления социально-культурной жизни советского времени, представленные в такой широкой полноте, что роман можно считать энциклопедией своего времени⁷, а также феномены Абольшого исторического времени® (М. Бахтин), диалогизм культур (смотри споры и диалоги героев, полные напряженного сталкивания идей разных эпох).

Насколько это позволяли рамки исследования, мы пытались проследить, что есть общего и различного у Солженицына с Толстым и Достоевским как на уровне идей, так и на уровне поэтики. Для удобства сравнения мы выбрали два классических романа - АПреступление и наказание® и АВойна и мир®, с главными героями которых и с позицией их авторов мы нашли возможные аналогии и переклички.

биографий®, где каждый герой изображен не ради его биографии, а ради его Аэтической монографии®, объединенной с другими в Аэтическую монографию эпохи.® (Drozda 1969, 80) Чешский критик отчасти исходит из статьи О.Мандельштама АКонец романа® об упадке традиционного жанра биографического романа в эпоху массовых движений.

⁶ Игорь Виноградов на основании вышесказанного определяет сам тип художественного мышления писателя как Аморалистически-героический®. (Виноградов 1993, 283)

⁷ Венгерский критик-марксист Георг Лукач приписал успех романа Аметоду эпической композиции®, введённому Томасом Манном в АВолшебной горе®. Он считает, что Солженицыну, удалось собрать в одном месте, в шарашке, наиболее общественно представительную группу людей и тем самым дать на одном полотне общую панораму сталинской России. (Lukács 1970)

Данное исследование состоит из трёх частей: краткого обзора романа, в котором мы останавливаемся на истории создания и разных редакциях романа, главной теме, идее романа, сюжетных центрах повествования, композиции, жанре и смысле названия; а также двух частей - АВласть@ и АЧеловек и система@. Сразу оговоримся, что под термином Асистема@ мы понимаем тот, не зафиксированный еще словарями русского языка смысл, который это слово широко приобрело в русской речи 70-80 годов, и который сегодня можно расшифровать как Асистема государственной и идеологической власти тоталитарного советского государства, поддерживаемая его карательным аппаратом@. Пример Солженицына в словотворчестве и чуткость его к живой речи даёт и нам смелость пользоваться в нашей работе этим словом как термином в значении, понятном любому русскому человеку.

В романе АВ круге первом@, так же как и в романе АВоина и мир@, всё повествование тематически является двуплановым: с одной стороны, это мир заключенных, мир шарашки, с другой - мир воли. Эти два мира, как и у Толстого (у Толстого мирная жизнь противопоставлена войне), пересекаются как на уровне сюжета, так и на уровне отдельных героев. Так же как и у Толстого, оба мира разделены на разные круги. Так же как Толстой в своём романе разными способами обнаруживает фальшь и неестественность светского общества, Солженицын показывает лживость и конформизм советской номенклатуры. Последнее мы подробно анализируем в первой части нашей работы.

По отношению к этим двум мирам герои романа могут быть разделены на три группы:

1. заключенные,
2. представители Аволи@, напрямую не пересекающиеся с миром ГУЛага: семья Макарыгиных (кроме Клары), Иннокентий и Дотти, Галахов и Динэра, Голованов, Радович, Словута, Щагов, тверской дядюшка, девушки общежития, Агния,
3. герои романа, причастные как к миру ГУЛага, так и миру воли:
  - а) представители власти, обслуживающие карательную систему, от рядовых надзирателей до Сталина,
  - б) женщины, работающие в шарашке,
  - в) жёны заключенных.

Мир тюрьмы и мир воли, таким образом, взаимосвязаны, между ними нет чётких границ. Многочисленные судьбы заключенных показывают, что в тоталитарном государстве любой человек может быть осуждён, и даже положение на вершинах власти не гарантирует безопасности.

Мы разделили героев для удобства исследования по простому тематическому принципу этих двух Амиров@. Деление героев в работе Дунлопа на Аангелов@ и Адемонов@ (Dunlop 1973) или на Ачистых@ и Анечистых@ в работе Белопольской (Белопольская 1997) по нашему мнению искажает сам принцип построения характера у Солженицына, неверно передаёт концепцию человека в произведении и приводит к слишком жесткой моралистической схеме толкования, так как не учитывает адогматического мировосприятия писателя.

В первой части АВласть@ из главных персонажей романа мы исключили Сталина, потому что историческая личность у Солженицына - предмет

отдельного исследования, и останавливаемся на представителях власти от низшего звена до министра Абакумова, выступающего в романе более как фиктивный персонаж, чем историческая личность. Особое внимание мы уделяем проблемам конформизма и веры в идеологию. В главе 1.10 мы попытались вслед за писателем понять психологический механизм конформистского отношения к действительности как основу выбора своей жизненной установки у многих представителей номенклатуры, а в главе 1.11 возможность протеста и бунта внутри самой системы власти.

В главе 1.12 сделаны некоторые обобщения, касающиеся всей первой части, и дана попытка ответа на вопрос о природе зла, как видит это сам писатель и доносит до нас через своих героев.

Во второй части исследования АЧеловек и система[@] мы сначала останавливаемся на героях, связанных с Амиром[@] шарашки, особенное значение здесь имеют идеологические споры и те разные нравственные решения, которые делают Рубин, Сологдин и Нержин (последний выступает в романе своеобразным Аalter ego[@] автора), также второстепенные персонажи и их судьбы представляют для нас очень большой интерес. Последние четыре главы посвящены Иннокентию как главному, наряду с Нержиным, герою романа, его выбору и причинам, подтолкнувшим его к такому решению. Философские аспекты судьбы, свободы воли, границ человеческой свободы также не могли остаться без внимания, как и многочисленные идеологические споры, потому что, как мы обозначили в общем обзоре романа, по своему жанру это безусловно роман Афилософский[@].

В заключении излагаются общие выводы, которые позволило сделать исследование.

Последнее техническое замечание касается ссылок на цитаты из романа. Все ссылки даются по самому авторитетному изданию на сегодняшний день - собранию сочинений, 20 томов которого уже изданы и тщательно проверены самим писателем (первая цифра указывает том, вторая страницу).

2 ОБЩИЙ ОБЗОР РОМАНА

2.1 К истории создания романа

Начало работы над романом относится к 1955-му году, когда А.И. Солженицын отбывал после лагеря ссылку в Кок-Тереке (Южный Казахстан). В 1957-м в деревне Мильцево (Владимирская область) была закончена первая редакция романа (96 глав). В том же году Солженицын поселяется с женой в Рязани и, продолжая преподавать, работает в полной тайне над второй и третьей редакциями романа. Позже все они были уничтожены из конспиративных соображений. В 1962-м году появляется четвёртая редакция романа, которую автор считал окончательной. Однако, в 1963 году, после напечатания «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире», когда появилась возможность частичной публикации, из романа были выбраны отдельные главы и предложены Твардовскому. Далее эта мысль привела к полному разъёму романа на главы, исключению вовсе невозможных для публикации, политическому смягчению остальных и таким образом составлению нового варианта романа (пятая редакция, 87 глав). Большею частью Солженицын работает за городом, в Солотче близ Рязани. На Пасху 1964 Александр Твардовский приезжает на три дня в Рязань читать «Очищенный» вариант романа. В пятой редакции меняется главная сюжетная линия: вместо «Атомного» сюжета, отвечающего реальной жизни, был использован широкоизвестный советский сюжет тех лет - «Лизмена» врача, передавшего лекарство на Запад. В этом виде роман обсуждался и принят «Новым миром» в июне 1964-го, но попытка публикации не удалась. Летом 1964-го автором была предпринята противоположная попытка (шестая редакция) - углубить и заострить в деталях вариант 87 глав. В этом же году фотоплёнка с этим вариантом отправлена на Запад. После того как во время обыска у Теуша КГБ захватывает экземпляры «Апубличного» варианта (пятой редакции), окончательно блокируется публикация романа в СССР. Пятая редакция имела широкое хождение в Самиздате. В 1968-м году американское издательство Harper and Row публикует роман по-русски (шестую редакцию), с этой версии делаются и все иностранные переводы, в том числе и финский.

Летом 1968-го года сделана еще одна редакция, седьмая, содержащая полный и окончательный текст романа (96 глав, с восстановленным Атомным сюжетом®). Этот текст был впервые опубликован в Собрании сочинений (Вермонт - Париж: ИМКА - Пресс, 1978, т.1, 2), в России - в 1990 году, в АНовом мире®, в т 1 - т 5.

В последней редакции писатель проделал колоссальную работу: добавил новые главы, углубил психологическую трактовку многих характеров, некоторые образы явно снизил (Шагов, Сологдин), другие дал более значительно (Герасимович). Глубже, утонченней, многогранней становится мир Глеба Нержина и других персонажей романа (Клара). Главное же, в 96-главом варианте АКруга первого® отчетливее по сравнению с 87-главым обнаруживается органическая связь романа с главным историософским замыслом писателя: осмыслить Арусский катаклизм®. Эта линия даётся через главных героев романа Нержина и Иннокентия.

2.2 Главная тема романа

Время действия романа АВ круге первом®- 1949 год. Советский Союз оправляется от причиненных войной тягот и собирает силы для большой битвы, которая по марксистско-ленинско-сталинской эсхатологии неизбежна между прогрессивным социализмом и реакционным капитализмом.⁸ Мир, таким образом, полярно расколот, и это одна из центральных тем, создающая временной и пространственный фон в романе. Она присутствует в спорах заключённых (особенно у Рубина, Нержина, Сологодина, Герасимовича) и является доминирующей в размышлениях Иннокентия Володина (смотри его разговоры с Кларой и с тверским дядюшкой).

2.3 Два сюжетных центра повествования

Советский Союз хочет получить сверхсекретные технологические детали производства атомной бомбы, которые американский агент должен на днях передать в Нью-Йорке советскому агенту Георгию Ковалю.⁹ Этот план захвата секретов изготовления атомной бомбы, отразившийся и в газетах того времени

⁸ Г.М. Маленков на XIX съезде партии (1952) заявлял в отчетном докладе ЦК, что третья мировая война должна апохоронить империализм®. ®Нельзя не учитывать фактов прошлого. А факты эти говорят о том, что в результате первой мировой войны от системы капитализма отпала Россия, а в результате второй мировой войны от системы капитализма отпал уже целый ряд стран Европы и Азии. Есть все основания полагать, что третья мировая война вызовет развал мировой капиталистической системы®. (Продолжительные аплодисменты) - Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XIX съезду партии. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) тов. Г.М. Маленкова / Правда, 6 октября 1952, с.4

⁹ Работы по производству атомной бомбы возглавлял Лаврентий Берия, научное руководство осуществлялось Игорем Курчатовым. Первое испытание было проведено в августе 1949. См. Сахаров 1996, а также Иоффе 1999.

(см. Suchanek 1994), служит начальным толчком действия романа. Отсюда развивается цепь событий, поворотных для судьбы советского дипломата Иннокентия Володина; начинается развитие сюжета, проясняющего через ряд отступлений готовность героя к этому судьбоносному, нравственно осмысленному поступку - срыву передачи секретов изготовления атомной бомбы.

Другой, подобный этому, моральный выбор делает второй главный герой книги Глеб Нержин, когда отказывается от участия в проекте Яконова, что означает для него неизбежный перевод на общие работы в ГУЛаг. Эти два поступка образуют два сюжетных центра в повествовании, к которым ведут все основные сюжетные линии романа, хотя нужно отметить наличие в книге и других, более мелких узлов, как, например, отказ Герасимовича разработать фотоаппарат для ночной съёмки, Руська в роли двойного агента, история дворника Спиридона, благосклонность к заключённым со стороны женщин - вольных сотрудниц института и др.

2.4 Драматизм повествования

Следует отметить характерную черту повествовательного стиля Солженицына, которая сближает его стиль со стилем Достоевского, - драматизм повествования¹⁰. События романа Апроисходятся в течение трёх дней в декабре 1949 года. Даже сам выбор именно этого временного отрезка искусно подчеркивает разницу двух мировых систем. Понукаемые своими начальниками служащие советских министерств работают в две смены, самые высокие чиновники боятся ночных вызовов к Сталину, страдающему бессонницей. Западные свободные Адоверчивые младенцы уходят в двухнедельный рождественский отпуск. Наивность западного человека¹¹ ясно обнаруживается в телефонном разговоре авиационного атташе (его голос *сытый, ленивый+) с незнакомым ему Иннокентием, звонящем в бесстрашии Асветлого отчаяния@.

Очень лаконично писатель показывает уязвимость западного мира, что станет одной из основных его тем в последующей публицистике. Несколько реплик открывают читателю больше, чем длинные описания национальных характеров и жизненных укладов:

@- Ждите момент... - я позову переводчик.

- Откуда я знаю, что вы говорите правду?

- Атомная бомба?.. А кто такой вы? Назовите *ваш фамилия*." (1,17) (курсив мой - П.Ф.)

Уже в первой главе задается такой напряженный темп действия, какой под стать захватывающему детективному роману¹².

¹⁰ Набоков 1996, 183.

¹¹ Интересно отметить, что роман кончается на том же мотиве: наивность западного корреспондента, понявшего надпись АМясо Viande Fleisch Meat@ на воронке, увозящем эзков шарашки на этап, как признак улучшения снабжения столицы продуктами.

¹² АРоман обладает многими чертами политического детектива: похищение

2.5 Главная идея романа

Описание персонажей и места действия в начале романа крайне скудно: угасающий день, грязнотающий снег, афиша кинотеатра, красная буква "М" над метро, точная городская топография. На фоне этого городского пейзажа Иннокентий в своих французских полуботинках движется прямо, судьбоносно, как торпеда навстречу линкору. Неслучайно первая глава, столь важная для композиции романа, названа АТорпеда¹³. Писатель подчеркивает этим необратимость движения и невозможность его торможения или остановки, изменения траектории.

АНа него вскинула глаза встречающая девушка. И еще одна. Очень милая. (1, 16) Красивая женщина здесь - символ благополучной жизни Иннокентия, полной удобств, удовольствий, возможностей сделать блестящую карьеру. От всего этого, как и от истинных привязанностей и надежд, да и элементарной физической свободы ему нужно быть готовым отказаться, такова цена морального выбора. Эта идея - что правда и нравственный выбор всегда требуют жертвы и что это единственный путь сохранения целостности души и нравственной победы над злом в ситуации тотального насилия - повторяется автором на протяжении романа всё с большей силой, подобно тому как в музыкальном оркестровом произведении поднимается над всеми и усиливается одна тема, композиционно организующая весь музыкальный материал. Эта идея тесно связывает Солженицына с традиционным христианским мироощущением.

2.6 Классическое единство времени, места и действия. Хронотопы. Композиция романа.

Роман АВ круге первом¹⁴ состоит из отдельных самостоятельных до некоторой степени новелл¹⁴, которые могут быть рассмотрены и по отдельности. Однако эти новеллы образуют и определенную целостность, скрепленную несколькими общими сюжетными линиями, а также классическим единством времени, места и действия.¹⁵

государственной тайны, включение в действие высших эшелонов власти, угроза благополучной карьере высоких чиновников, срочные меры службы безопасности. (Мешков 1993, 49)

¹³ Сравни с АПреступлением и наказанием¹³ Достоевского, где начальная динамика сюжета представляет контраст последующим идейным и нравственным раздумьям

¹⁴ Об этом говорит и то, что каждая глава имеет своё название. Ж.Нива считает, что новеллистическое построение, то есть такое, где всё повествование собрано вокруг одного события, краткого и много раскрывающего, основное у Солженицына на протяжении всего его творчества. (Нива 1992, 81)

¹⁵ То же наблюдается и в некоторых других его произведениях, например, в АОдном дне Ивана Денисовича¹⁵ и в какой-то мере (в основном единство времени) в АКрасном Колесе¹⁵, большие части которого, в свою очередь распадающиеся на узлы, названы действиями: революция, народоправство.

Время действия: суббота 24.12.1949 15 часов 55 минут - вторник 27.12.1949 около 15 часов¹⁶. Основное действие разворачивается на марфинской шарашке, но и переносится в другие точки Москвы: в кабинет министра МГБ Абакумова, ночную комнату Сталина, квартиру прокурора Макарыгина на Калужской заставе, в аспирантское общежитие. Такое сжатие как бы под высоким давлением романного времени и пространства типично для всего романного сознания XX века и соотносится с теорией хронотопа М.М.Бахтина.¹⁷ М.М. Голубков выделяет в романе четыре основных хронотопа. Один из них, центральный в романе, в котором разворачиваются главные события, формируется марфинской спецтюрьмой. Именно с ним связаны все пружины романного действия, завязка внешнего и внутреннего романного сюжета. От этого центрального хронотопа ответвляются сюжетные линии, формирующие другой хронотоп, противостоящий миру заключённых. Он включает в себя богатую квартиру прокурора Макарыгина, кабинеты МГБ, МИДа, квартиру дипломата Володина. К этому же хронотопу примыкает и ночной кабинет Сталина, где происходит его встреча с министром МГБ Абакумовым. Третий хронотоп, по мнению исследователя, включает в себя места, где возможна встреча героев и завязка сюжетных узлов, соединяющих два противопоставленных мира, представленных первыми двумя хронотопами. Это московские улицы, вагон метро, где оказывается возможным встреча подполковника Климентьева и жены Глеба Нержина Нади, аспирантское общежитие. Последний, четвёртый, хронотоп романа являет собой истинную Россию как в её жалком настоящем - в нищей деревне Рождество, в ветхом кривеньком доме Авенария, так и в её утерянной и забытой истории, воскрешаемой Иннокентием по дневникам матери и по рассказам дяди. (Голубков 1999, 44-50)

Роман по своему строению похож на цепь жемчуга, в которой нет двух похожих жемчужин, или на состоящий из отдельных мелких фрагментов витраж,¹⁸ или же на один тип русской иконы, где центральное изображение святого обрамляют клейма, представляющие разные картины из жизни этого святого. Генрих Бёлль сравнил его с готическим собором. Пожалуй, более всего повествование, сама его писательская техника, напоминает кинематографическую технику монтажа. Солженицын как будто сначала собирает повествовательные фрагменты в главы, затем из глав выстраивается весь роман. Причём один фрагмент или глава становятся ясны только в

¹⁶ Сам писатель позже вспоминал о марфинской шарашке: АЯ там жил три года. Описывать эти три года? Вяло, надо уплотнить. Очевидно, страсть к такому уплотнению сидит и во мне, не только в материале. Я уплотнил - там, пишут, четыре дня или даже пять, - ничего подобного, там даже нет трёх полных суток, от вечера субботы до дня вторника. Мне потом неуютно, если у меня просторно слишком. Да может быть, и привычка к камерной жизни такова. В романе я не могу, если у меня материал слишком свободно располагается.® (Солженицын 1995-1997, т.2, с.422)

¹⁷ Бахтин 1975, 406

¹⁸ As the novel skips from one character to another, it lacks the smooth transition from chapter to chapter expected by many readers of fiction. The interconnections between lives become clear only well along into novel. But piece by piece the mosaic falls into place. The thematic strain of striving for genuine humanity is the glue which holds the whole together.®(Ericson 1980, 57)

сопоставлении, контрасте, соположении с соседствующим фрагментом или главой.

2.7 Жанр романа

Первое знакомство с местом, где разворачивается главное действие романа, читатель получает через слух: он слышит разговоры только что прибывших на шарашку новых заключённых (глава АШарашка@). Новички сталкиваются в коридоре со старожилами. Эта встреча двух разных миров вызывает обоюдное изумление. Новички как бы приносят с собой веяние ветров ГУЛага из самых страшных его кругов. Привилегированные жители шарашки удивляются внешнему виду и понятиям вновь прибывших, те в свою очередь восхищены райскими, по их мнению, условиями жизни на новом месте. Один заключённый из новой партии с воодушевлением перечисляет счастливые вершины своей жизни: А... я выздоравливал от смертельной болезни... дважды женился на хорошеньких женщинах, у меня рождались сыновья... я получал академические премии, - никогда я не был так блаженно счастлив, как сегодня!А (1,24) Человек связан определенным положением и им предоставляемыми возможностями и стремится к достижению гармонии между собой и внешними обстоятельствами. Изменится его положение, условия его жизни, и изменится его понятие о счастье и несчастье в ту или другую сторону. Пьер Безухов за время французского плена узнал Ане умом, а всем существом своим, жизнью, что человек сотворён для счастья, что счастье в нём самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что всё несчастье происходит не от недостатка, а от излишка ... Он узнал, что так как нет положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был бы несчастлив и несвободен. Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близка.@(Толстой 7, 175) У человека нет объективного, независимого от него понятия счастья. Пережив ужас смерти и крайние пределы лишений, Пьер наконец находит в себе то согласие с собой и окружающим его миром, то душевное спокойствие и полную внутреннюю свободу, которые он долго и мучительно искал.

Двадцатый век проводит людей через гораздо более суровые испытания, чем война 1812 года, и Солженицын, как и Толстой, через своих героев ищет ответы на самые существенные вопросы человеческого бытия. Так же как Пьер и Андрей, Рубин и Нержин спорят о счастье, смысле жизни, истории и дне сегодняшнем и о всё покрывающем, толстовском, да и издревле русскую литературу волнующем вопросе о правде. Обилие споров, диалогов, внутренних монологов героев, скрецающихся мнений, размышлений над проблемами мировоззренческими, нравственными и социальными позволяет определить жанр романа АВ в круге первом@ как роман философский¹⁹.

¹⁹ По мнению Ж.Нива в идейном строе романа и в самой форме глав-диалогов велико влияние Платона. К тому же Аученичество@ главного героя романа Нержина выходит за рамки ГУЛага и распространяется на всю человеческую культуру и философию. Гоббс, Ла Бозси, Эпикур и Дионисий Ареопаг, Лао-дзы и Конфуций - к ним апеллируют в

2.8 Смысл названия

В главе АШарашка@ открывается смысл названия романа: восхищённые новички всё ещё находятся в аду, но они попали в его лучший - его первый круг! Данте горевал, куда поместить античных мудрецов, и придумал им особое место - лимб. Это первый круг ада, куда Данте поместил некрещённых младенцев и добродетельных нехристиан, избавив их от телесных пыток. Цитата из Данте, которую комментирует Рубин, в ответ на вопрос новоприбывших о том, куда они попали, очень здесь к месту и художественно оправданна: подобно античным мудрецам, представители, в основном, технической советской интеллигенции оказались в Ааду@ не за какую-либо вину, а просто потому, что им выпало родиться и жить в языческие времена.

2.9 Энциклопедичность романа

Важно отметить, что как в ААрхипелаге ГУЛаг@, так и в АВ круге первом@ описывается не только лагерный мир, но и всё советское общество. Лагерь, тюрьма - это раковая опухоль, свидетельство болезни всего общества; это зеркало, которое ярко и реалистично отражает всю советскую систему, это микросоциум, логично и закономерно порождённый макросоциумом. Солженицын в своём романе даёт нам многогранную картину, похожую на мозаику, отражающую множество реалий того времени: от одежды, пищи и мебели до сложных технических изобретений, от пилки заключёнными дров до передачи секретов изготовления атомной бомбы, от книг, газет того времени до театральных московских премьер, затрагивая в своём романе жизнь столицы и провинции, города и деревни.

своих раздумьях люди, насквозь пропитанные старой культурой и собранные волею деспота в этой новой ААкадемии.@ (Нива 1992,60) Пафос главной мысли романа о возможности внутреннего возвышения человека, его просветления даже в условиях несвободы даёт исследователю основание назвать роман АВ круге первом@ Апоэмой@, Аучебником освобождения души.@ (Нива 1992, 34, 53) М. Шнеерсон определяет роман как исторический и психологический. (Шнеерсон 1983, 21-22, 40)

3 ВЛАСТЬ

3.1 Атака на власть. Один в поле воин. Звонок Иннокентия - завязка романного действия. (Торпеда)

Первая глава, где всему роману задаётся очень напряженный темп действия, очень сценична. Она начинается с последних минут перед принятием Иннокентием решения о звонке в посольство и срыве передачи секретов производства атомной бомбы. Он внезапно узнал, что на днях в магазине радиодеталей в Нью-Йорке будут переданы технологические секреты производства атомной бомбы советскому агенту Георгию Ковалю, и поздно было отлагать на те дни, когда он сам вскоре поедет туда в связи с назначением его в ООН. Нужно действовать или не действовать прямо сейчас - иначе будет поздно.

Медлительности, задумчивости Иннокентия противопоставлено Аторопливое снование улицы®, упорное движение пешеходов и дворников, сгребаяющих только что выпавший снег. Он стоит, прислонясь к ребру оконного уступа²⁰ в своём кабинете -высокий, узкий, не в мундире госссоветника, а Ав костюме скользящей ткани®, и высвистывает Ачто-то тонкое-длинное®. (1,13) АНервные пальцы молодого человека быстро и бессмысленно перелистывали журнал, а внутри - страшок то поднимался и горячил, то опускался, и становилось холодновато... Уж лучше б он не узнал. Не знал. Не узнал... Волнение расходилось сильней и сильней.® (1,14) Он не зажигает света.

Уже здесь на первых двух страницах есть так много перекличек с пастернаковским АГамлетом®, непреднамеренных для автора, но явных для внимательного читателя, что, пожалуй, это стихотворение Пастернака глубже всего передаёт состояние Иннокентия перед его выбором, обрекающим его на жертву своим положением, благополучием и, может быть, жизнью.

Пастернак

АГул затих. Я вышел на подмостки.®
АПрислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске,

Солженицын

за окном Аснование улицы®
Володин, прислонясь к ребру
оконного уступа, высвистывает

²⁰ о мотиве окна смотри Белопольская 1997

Что случится на моём веку. @
 АНа меня направлен сумрак ночи
 Тысячей биноклей на оси. @
 АЕсли только можешь, Авва Отче,
 Чашу эту мимо пронеси. @

АЯ один. Всё тонет в фарисействе. @

что-то тонкое-долгое.
 Темнеет. АЗамирающий
 декабрьский день. @
 АВолнение расходилось
 сильней и сильней. @
 @внутри - страшок то поднимался и
 горячил, то опускался, и становилось
 холодновато @
 Аневозможно было выдержать @
 АСовершенно не с кем посове
 товаться @

Эти мотивы одиночества, фальши и лжи, окружающей героя, голгофского пути будут дальше развиты и получают сюжетное подтверждение, здесь же они только намечены.

Резким порывом решается Иннокентий действовать, и в эти минуты пропадает вся его нерешительность. Он, как атакующая торпеда, идёт навстречу новому зданию-линкору Большой Лубянки. АОпасно, не опасно - другого решения быть не может. @ (1, 15)

Писатель начинает роман с неповиновения, восстания одного человека против всей страшной в своей даже количественной силе системы тоталитарного государства. Этим сразу завязывается **основной конфликт романа** : личность - советская тоталитарная система, выдвигается на первый план главная идея романа о возможности в любых условиях противостоять насилию и несправедливости и отстаивается право человека на свободу выбора.

Совершая свой роковой выбор, Иннокентий осуществляет свою судьбу, предпосылки которой находятся и в его характере, и в его представлениях о мире, и в историческом опыте его родителей, заново осмысливаемом им. Об этом подробнее еще придётся говорить ниже. В данном эпизоде есть смысл указать еще на роль помогающих герою Аслучайных обстоятельств. @ Какое угодно случайное препятствие могло бы заставить Иннокентия отложить звонок, например, хотя бы отсутствие монет для телефонного автомата, но и они находятся, даже две : АЗначит, быть по тому. @ (1, 15) Жребий брошен. Важно отметить здесь, что в отличие от античного героя герой Солженицына делает свой выбор свободно, самостоятельно и осознанно, случайные обстоятельства лишь подтверждают его.

Звонок Иннокентия в посольство, открывающий роман, не производит никакого впечатления на атташе, но завязывает узлы романного действия - разговор записывается на магнитофонную плёнку специальным подразделением МГБ, контролирующем телефонные разговоры американского посольства, доставляется министру МГБ, который и поручает руководителю марфинской спецтюрмы определить по голосу звонившего. Как уже отмечалось раньше, этот сюжетный узел совершенно реален, как и почти всё в романе. АЭтот дипломат Володин, - объяснял сам автор, - звонит в американское посольство о том, что через три дня в Нью-Йорке будет украдена атомная бомба, секрет атомной бомбы, и называет человека, который возьмёт этот секрет. А американское посольство никак это не использует, не способно воспринять даже этой информации. Так на самом деле было, это истинная история, а секрет был украден благополучно, а дипломат погиб. Но поскольку я был на этой шарашке,

где обрабатывалась эта лента ... я и знаю эту историю.@ (Солженицын, 1995-1997, т.2, с.537)

Наметив в этой главе черты своего главного героя, дав как бы расстановку главных действующих сил, завязку действия, и определив главный конфликт романа, автор переходит к другой стороне - власти и показывает её представителей от дежурных лейтенантов в секретной комнате прослушивания телефонных разговоров и надзирателей шарашки до самого Сталина. Мир шарашки даёт ему возможность очень пристального и неторопливого наблюдения за его героями. О чувствах и мыслях Иннокентия после звонка мы узнаём только почти в конце книги, в главе 85 АКнязь Курбский@. Автор надолго оставляет своего героя, возвращаясь к нему только в отступлениях, касающихся событий жизни Иннокентия до рокового звонка. Основная часть глав романа посвящена всё же миру заключённых и сюжетной линии, связанной с Глебом Нержиным. Обе линии - Иннокентия и Амира шарашки@ сходятся в тех главах, где Рубину было предложено опознать голос на плёнке, и после поражения в споре с Сологдиным он решает непременно найти звонившего.

3.2 Система государственной безопасности как опора власти. Исполнитель и инструкция. АНесовершенство человека@. Роль случая в жизни и истории. (Промах)

Вторая глава романа переносит нас в служебную комнату московской центральной телефонной станции, находящуюся в ведении службы безопасности, тогдашнего МГБ. Это одна из тех многочисленных комнат для подслушивания телефонных разговоров, сеть которых охватывает всю страну. Комната находится в коридоре, куда вход посторонним категорически запрещен. АВ одном из таких запретных коридоров, в одной из таких недоступных комнат@, - лаконично ведет свою речь рассказчик. Он, словно сказочник, выбирает несколько точных черт для описания того мира и того времени, в границах которых будут происходить сказочные события. АВ XI отделе 6-го управления МГБ комната числилась как АПост А-1". (1, 18) Другими словами это значит, что МГБ делилось на управления (их по крайней мере шесть), управления - на отделы-щупальца (по крайней мере одиннадцать), отделы на клетки, клетки захватывающих щупалец осьминога, которым нет числа.

Всё покрыто завесой абсолютной секретности так, что даже работающие в комнатах знают о событиях в соседних с ними комнатах меньше, Ачем о рыночных новостях острова Мадагаскара@. Эта система надежна, как гранит, так как на неё опирается власть. Но в этой технически идеальной сети есть все же слабые места: они в Ажалком несовершенстве человека@. Ведь исполнитель в конце концов всегда один - человеческое существо, постоянно ограниченное в своих возможностях, наделенное индивидуальным телом и душой и не способное действовать с той постоянной бдительностью, какую требуют система и инструкции.

АНевозможно было ошибиться, работая по этой инструкции. Но по трагическому противоречию между идеальным совершенством государственных

устройств и жалким несовершенством человека, инструкция в этот раз была нарушена.@ (1, 19)

Дежурившие в тот вечер лейтенанты не сменяли друг друга у наушников каждые полчаса, как то было положено по инструкции, потому что Тюкину было необходимо сделать конспект к занятиям по политучебе в понедельник. Он дотянул до последнего, а в воскресенье никак не успеет, так как намеревался Акрепко заложить@ с сестриным мужем. С другой стороны, они знали, что в канун западного Рождества в посольстве не происходит ничего особенного. Но почему второй дежурный лейтенант Кулешов не сохранил бдительности? АКулешов надумал посмотреть нарывы на левой ноге.@ (1, 19) С этими несколькими минутами и совпал звонок Иннокентия.

Какова роль случая в истории? Неужели жизнь - это только цепь несчастливых или счастливых случайностей, бесцельное сталкивание элементарных частиц вещества? Или можно говорить о Провидении, о Божественной Предопределённости, о Божественной воле? Писатель не даёт на эти вопросы ответов, оставляя пространство для мысли читателя, он только направляет нашу мысль в это русло.

Логика событий этой сцены подчиняется законам логики судьбы, но человеческая ошибка все же исправляется автоматикой системы. Магнитофон включается автоматически и записывает роковой разговор. Разговор состоялся, операция по передаче секретов сорвана, и хотя преступника не удалось взять на месте преступления, его поиск начался. Трагического поворота в драме Иннокентия Володина не изменить.

3.3 История шарашки. Развенчание мифов. АЗрячая любовь@ к России - тайный двигатель солженицынского творчества. Руководители и система. (Мирный быт. Зачарованный замок)

Рассказ об истории основания специальной марфинской тюрьмы даётся в книге два раза, сначала в главе АМирный быт@ с точки зрения заключенных, затем от лица автора в главе АЗачарованный замок@. Время 1946 года, когда было положено основание шарашки, называется крыловским и вспоминается как пасторальный век. Заключенных тогда было только около полутора десятка, и они могли вечерами свободно отдыхать - даже слушать передачи Би-Би-Си в тюремном общежитии, которые тогда еще не научились глушить, или гулять, или лежать на траве А... и следить хоть за вечными звездами, хоть за бранным вспотевшим старшиной МВД Жвакуном, как он во время ночного дежурства ворует с ремонта здания бревно ...@(1, 37). Какое кантианское сравнение (ср. у Канта Азвездное небо надо мной и моральный закон внутри меня@). Солженицын использует устаревшее слово Абренный@, которое означает Атленный, преходящий@, а также Аиз земли, из глины сотворённый@, когда описывает тащущего брёвна старшину Жвакуна.

Время от времени благодаря точному и выразительному отбору слов²¹ авторский текст приобретает черты экспрессивности. Только, пожалуй, у Чехова, Замятина или Платонова можно найти примеры подобной лексической концентрации, такой ёмкости фраз. Старшина Жвакун - всего лишь мелкий мошенник, который ворует брёвна себе на дрова. Другое дело капитан МВД, чьё задание было перевезти из Германии в Россию технику немецкой фирмы АЛоренц®. Одним придаточным предложением разбивается миф о дисциплине советских войск. Все, у кого была хоть какая-либо возможность, нахватывают себе прежде не виданные ими материальные ценности с захваченных областей, вовсе не думая ни о государственном, ни об общественном благе. Так упомянутый капитан выискивал под Берлином гарнитуры для московских квартир начальства и своей. Его совсем не интересовало техническое оснащение фирмы АЛоренц®, то есть его основное задание. Если культура и мораль не укоренены в человеке, то при первой же возможности человек будет действовать, руководствуясь не ими, а своими примитивными инстинктами. Так и советские войска превратились в Центральной Европе, в странах с более высоким уровнем жизни, в сборище мародёров и насильников. Здесь Солженицын лишь вскользь затрагивает эту тему. Более подробно это описано в поэме АПрусские ночи®.

Многим русским читателям неприятно такое прямое развенчание былых мифов, и отсюда много упрёков Солженицыну в отсутствии патриотизма и любви к своей стране. Протоиерей Александр Шмеман в АВестнике РХД® т 100 за 1971 год, говоря об ААвгусте Четырнадцатого®, подчеркивает, что суть, тайный двигатель солженицынского творчества - это **Азрячая любовь®** к России, и в особую заслугу писателю ставит разоблачение мифов. АСолженицын любит правду. Любит как самое драгоценное и незаменимое, что есть на земле ... И суждено ему, по-видимости, занять трагическое по своему одиночеству место в современной русской литературе: место экзорциста русского сознания, освободителя его от всех идолов, пленявших и пленивших его, от свойственного нам, увы, идолопоклонства...® (Шмеман 1971, 146-147)²²

Из такой немного устаревшей трофейной техники наскоро собрали оборудование марфинского закрытого института, которое служит ему до сих пор в здании, находящемся по прежнему адресу: Ботаническая улица, дом 3²³. Сразу

²¹ Солженицын сознательно и много работал в области расширения своего лексического апаса. Так в тюрьме и в лагере он ежедневно занимался обработкой словаря Даля для своих литературных нужд и для Аязыковой гимнастики® и позже составил и издал АРусский словарь языкового расширения® (Москва 1990), введя туда дополнительно многое из словарного запаса русских писателей 19 и 20 века, а также исторические выражения, сохраняющие свежесть, и услышанное им из живой русской речи.

²² Страстное свидетельствование против лжи как основную черту творчества писателя отмечали и другие исследователи - смотри Архангельский 1991, Белопольская 1997, Виноградов 1993, Лесневский 1989а, Любимов 1989а, Немзер 1994в, Нива 1992, Шнеерсон 1984.

²³ В январе 1997 года история шарашки пополнилась еще одной главой, когда её посетил Солженицын. После описанных в романе событий прошло почти 50 лет. Институт по-прежнему - НИИ автоматизации закрытого типа, разрабатывающий спецтехнику. АХодил и оторваться не мог. В некоторых комнатах - поразительно! - планировка не изменилась, ну всё-всё на месте. Вы знаете, в долгих жизнях такое бывает: кажется, прошлое отодвигается на большое расстояние, и уже не верится, что это было в твоей жизни. И вдруг попадаешь снова сюда - совершенно потрясательное впечатление ...® (см. АОгонек®)

после начальных Апасторальных времен@ контроль ужесточился, шарашка была передана из ведомства Берии (МВД) в ведомство Абакумова (МГБ). В главе AZачарованный замок@ даётся саркастическая картина того, как Сталин изменил главное направление исследований: вместо создания портативных милицейских передатчиков для поимки квартирных воров - изобретение такого прибора, который позволил бы Сталину говорить с кунцевской дачи по телефону с Молотовым в Нью-Йорке без угрозы подслушивания.

Начальник марфинского закрытого института инженер-полковник государственной безопасности Антон Николаевич Яконов попробовал избежать этого сверхответственного задания, но вспомнил замаранность своей анкеты²⁴ (он шесть лет просидел в тюрьме) и смолк@.

Яконов был опытный администратор и знал, что в авторитарной системе при произволе властей такие противоположные состояния, как взлёты и падения в пропасть, могут быть часто очень близки. Поэтому Яконов понял, что нужно опасаться и самих взлётов²⁵, то есть всеми силами избегать навязываемых министерством ответственных заданий, потому что успех, выделение из общего ряда вызывали в окружающих чувство зависти, что, в свою очередь, усиливало возможность срыва в бездну; неудача же в важном задании неминуемо влекла за собой падение. Яконову удалось безбедно просуществовать до января 1948 года. Сейчас у него нет другого выхода, как согласиться. Есть ли у него в этой ситуации хоть какая-нибудь возможность выбора? Христианская этика утверждает, что у человека есть в любой ситуации свобода выбора. Но Антон Яконов сделал свой выбор уже давно, стоя с Агнией у церкви Никиты Мученика (об этом еще пойдёт речь ниже), и он не может теперь вернуться на ту жизненную развилку. Сейчас он принимает решение автоматически, без особых душевных мук.

3.4 Homo apparatusicus Мамурин. Секретная телефония. Хронотоп шарашки. (Зачарованный замок. Семёрка)

История становления марфинского института во всей полноте рассказывается в главе AZачарованный Замок@ (само название главы указывает на особую секретность объекта) в стиле рапорта на двух страницах. Рог изобилия МГБ опрокинулся над марфинским институтом, и это говорит о большой важности объекта.

Автор иронично сравнивает манеру работать и психологию немецких военнопленных, направленных в Марфино на строительство и ремонт, - Амедленно, бережно, будто он из хрусталя, передают с рук на руки каждый

---

m4, 1997)

²⁴ "Замаранность анкеты" или "кристально чистая анкета" определяли жизнь советского человека гораздо более беспощадно, неизбежно и несправедливо, чем соответствующие данные гражданской регистрации на Западе.

²⁵ Не только продвижение во властных структурах, но и просто выдающийся талант вызывал пристальное внимание властей. Про Ахматову говорили, что она шла всю жизнь, как по канату, над краем пропасти. А Мандельштам, Цветаева, Вавилов, Шпет... или Пастернак, Шостакович, Бахтин.

кирпичик до укладки в штабель@ (1,67), и заменивших их Анаших@ эсков - Акирпичи с грузовика как ветром срывало, так что уцелевших почти не оставалось, а только половняк.@ (1,68) Свойственная русским разнорабочим *халтура*, небрежная работа, близкая к саботажу, объясняется не столько их характером, сколько тем, что в работе на государство часто отсутствует смысл. Работа при социализме превратилась в абстракцию, принудительное мучение, вроде наказания, от которого люди стремятся избавиться как можно скорее. Немецкую трудовую мораль не изменил даже плен. Немцы просто не могут испортить хорошего материала.

Позже в состав марфинского института влили еще один исследовательский институт, уже занимавшийся сходной работой, со своим начальником, инженер-майором Ройтманом, который стал заместителем²⁶ у Яконова. Он соревнуется с Яконовым, стремится обойти его по службе. Между ними идёт постоянное жесткое соперничество, каждый стремится выслужиться перед вышестоящим начальством и доказать свою незаменимость. Речь не идёт о конкуренции, направленной на достижение лучших результатов, типичной, скажем, для рыночной экономики, где положение соревнующихся, даже их уровень жизни в любом случае тем или иным образом защищены. В конкуренции сталинских времён на самом деле вопрос стоит о жизни и смерти. В конце борьбы может быть повышение по службе или низвержение в бездну лагерного архипелага.

Создателем же и вдохновителем второго слившегося с марфинским института был **полковник Мамурин**, но именно в пору перевода института в Марфино судьба неожиданно и роковым образом вмешалась в благополучную жизнь Мамурина. Однажды Сталин во время разговора с китайской провинцией остался недоволен помехами в трубке. Объектом его раздражения и стал начальник Особой и Специальной связи МВД, полковник Мамурин, занимавший в тот момент этот злополучный пост. Мамурину повезло: он не оказался на самом дне лагерного архипелага, потому что исполнители поручения, бывшие его коллеги, спрятали его сначала в камере на Лубянке, а потом, когда Сталин забыл о нём, без следствия и срока отправили на загородную дачу в Марфино. Еще один промах системы, использующей в качестве исполнителей живых людей со всем несовершенством их природы - не имей сто рублей, а имей сто друзей. Но на что стал похож **homo apparatusicus** Мамурин, АЖелезная Маска@, Агад из стеклянной банки@, как его называли заключённые.

АСидя второй год без следствия и суда, он по-прежнему жил только последними партийными директивами и по-прежнему боготворил Мудрого Вождя.@ (1, 70-71) Мамурин - такой закоренелый сталинист, что даже тюрьма, даже личное горе не влияют на его воззрения. Самое тяжёлое наказание себе видит он не в условиях тюремной жизни, не в лишении свободы, а в потере доверия Иосифа Виссарионовича, хотя Сталин только раздраженно приказал Берии убрать начальника связи, не зная Мамурина лично.

Мамурин не был ни конформистом, ни оппортунистом. Скорее он был искренним, а вовсе не расчётливым человеком. Его можно даже считать романтиком, как многих людей, живущих в плену идеологии, но это романтизм

26

Зам, первый зам. Изобретение советских властей, которое не даёт четко разграничивать обязанности каждого из руководителей: на практике это помогает избегать персональной ответственности за происходящее. Эта система также позволяет вести закулисные игры.

особого склада - окаменелый и догматичный, и в своём отношении к власти даже патологический. Власть не означала для него, как для многих, возможности притеснения или садизма. Он видит во власти нечто святое и безусловное, требующее педантичного и строгого соблюдения формальных правил. Мимо его кабинета в Отделе Особой связи МВД было запрещено проходить по коридору, ступая на пятки, а только на носках. О его романтическом складе характера говорит и то, что он в тюрьме начинает писать стихи.²⁷

Догматическая идеология Мамурина, его абсолютная вера без сомнения имеет более глубокие корни, чем нацизм и расовая ненависть обер-штурм-банн-фюрера- SS Райнгольда Зиммеля. Нескрываемое чувство превосходства над остальными заключёнными и привилегированное положение Мамурина заставляют даже Рубина, его единомышленника, после начального сближения и разговоров избегать его. АРубин был коммунист. Но услышав откровенности своего как будто единомышленника и почитав его стихи, Рубин откинулся от такой находки, стал избегать Мамурина, даже прятаться от него, - всё же свое время проводил среди людей, несправедливо на него нападающих, но делящих с ним равную участь.@ (1, 71)

Отсидев некоторое время и слегка оправившись от потери доверия Сталина, Мамурин решает оправдаться перед партией и правительством, жертвенно служа какому-нибудь важному и успешному делу. Из двух обнадёживающих и конкурирующих между собой проектов Ройтмана и Яконова Мамурин выбирает проект Яконова под условным названием АСемерка@, потому что он не мог войти в подчинение к своему бывшему подчинённому Ройтману и потому что в министерстве тоже считали разумным, чтоб Аза плечами беспартийного подпорченного Яконова горел бы неусыпный огненный глаз.@ (1, 72)

Хотя Мамурин и второстепенный персонаж романа, но его роль важна потому, что как часть системы он нам ясно показывает её в цельности. Он именно тот винтик, на которых держится весь механизм. Робкий университетский ученый Веренёв, с кем мы знакомимся в главе АРозенкрейцеры@, отрёкся бы от сталинизма сразу же, как только к этому предоставилась бы возможность, он лишь слабое звено в "змеемудро скованной стальной цепи", он пассивный сторонник системы, потому что не способен ни к протесту, ни к жертве. Из другого теста Мамурин. Его принизили, но он по-прежнему остаётся верным системе. Он подавлен, но не потерял надежды на перемены к лучшему в своем положении.

Что-то от фундаментализма есть в вере этого человека, от ветхозаветного Иова. АИспытай, но не отрини от лица Своего, Господи!@ И как в случае с Иовом, его решения диктуются не моральными мотивами, а только верой.

Итак, целью работ являлось конструирование секретной телефонии для высших властей страны - правительственной связи, как её назвали бы сейчас, или в разговорном языке Авертушки@, или, возможно, конструирование еще более секретной и предназначенной для еще меньшего круга (Сталин, Берия, Молотов, Абакумов) особой связи. В любом случае задача была поставлена

²⁷ Член ГКЧП Анатолий Лукьянов тоже начал писать стихи в тюрьме Матросская тишина в 1991 году.

наивысшей инстанцией, что означало, что её выполнение будет вознаграждено особо щедро - А... издавна было достойно учреждено начальством: в случае успеха разработки ближайшие к ней зеки получали всё...@ (1,73) Работники шарашки получали в случае успеха такое вознаграждение, перед которым меркли мировая слава и нобелевские миллионы: свободу, чистый паспорт, квартиру в Москве²⁸. Сама же задача, толчок к конкретному осуществлению которой дали американские радиожурналы, в большой степени кажется абстрактной и утопичной.

АКлиппирование, демпфирование, амплитудное сжатие, электронное дифференцирование и интегрирование привольной человеческой речи было таким же инженерным издевательством над ней, как если б кто-нибудь взялся расчленить Новый Афон или Гурзуф на кубики вещества, втиснуть их в миллиард спичечных коробков, перепутать, перевезти самолетом в Нерчинск, на новом месте распутать, неотличимо собрать и воссоздать субтропики, шум прибоа, южный воздух и лунный свет.@ (1, 73) Так что лаборатория, возглавляемая Яконовым, наполовину похожа на сборище глупцов, занимающихся самообманом, наполовину - на шарашкину контору, имитирующую научные исследования.

Если пользоваться понятием хронотопов, через которые и совершается, по Бахтину, Авсякое вступление в сферу смыслов@ (Бахтин 1975, 406), которыми определяются все самые тонкие идеологические и эмоциональные оттенки содержания произведения и которые являются важнейшими сюжетообразующими его элементами, то один из них, центральный в романе, формируется именно марфинской спецтюрьмой. Поэтому её история и настоящее так подробно освещены. В её пространстве, обнесённом колючей проволокой, разворачиваются главные события романа: заключенный Рубин бьется над задачей, поставленной ему МГБ - определить по магнитной ленте звонившего. Здесь же находятся другие герои - Нержин, Сологдин, Пряничков, Герасимович, Абрамсон и другие, не связанные с этим делом непосредственно, но раскрытие образов которых невозможно вне марфинского хронототопа. С шарашкой связаны образы офицеров МГБ и других представителей власти.

С хронотопом шарашки связаны также женские образы, Авольняшки@, по терминологии заключённых.

28

Большевики с самого начала широко и искусно использовали такую Анегативную@ стимуляцию: сначала у людей отбирали все необходимые для нормальной жизни вещи: еду, тепло, безопасность и свободу. Потом их постепенно возвращали в зависимости от той пользы, которую человек приносил системе или просто в зависимости от личных отношений. Такого не предвидел даже Достоевский, описавший в АБесах@ шигалевщину.

3.5 Многоликость системы. Симочка - Серафима Витальевна. Биография как средство показа советского общества изнутри. Конкретность и точность фактов и деталей В важная черта солженицынского реализма. Функция сюжета. Раздвоенность человека у Достоевского и Солженицына. (Хьюги-Буги. Женское сердце. И надо было солгать...)

В начале пятой главы АХьюги-Буги@ мы попадаем в Акустическую лабораторию, где десяток мужчин-заключённых, одетых в одинаковые синие комбинезоны, занимаются своим будничным делом среди полок, шкафов и монтажных столов, изучая чертежи и схемы и работая с физическими приборами. Из персонажей на первый план выступают юношески подтянутый, даже франтоватый инженер Валентин Пряничков, увлеченно слушающий джазовую музыку; главный герой романа Глеб Нержин; Рубин²⁹; а также Ахрупкая, очень маленькая женщина со строгим беленьким лицом@ с накинутым на узкие плечи платком из козьего пуха. Эта девушка, Серафима Витальевна, сотрудница из вольных, и её задачей является наблюдение за работой заключённых в лаборатории.

В начале главы между Валентулей и Рубиным возникает задорная перепалка, в ходе которой слышится Валентулино: АВедь я безумно люблю женщин!!@ Эта случайно брошенная, пустяковая реплика мгновенно как бы переводит камеру³⁰ на третье лицо. АСтрогая маленькая девушка не удержалась от улыбки.@(1,32) Отсюда начинается одна из побочных тем романа, которая может быть названа Аженское сердце@. Между Глебом и Серафимой вспыхивает трехдневный любовный роман, по своей оригинальности, пожалуй, не имеющий аналогий в мировой литературе.

Целиком посвящена **Симочке** седьмая глава романа АЖенское сердце@. АТакая маленькая, что трудно было не назвать ее Симочкой, Серафима Витальевна, лейтенант МГБ в апельсиновой блузке, куталась в тёплый платок.@(1, 41) Уже первое предложение содержит сильную антитезу (Симочка - Серафима Витальевна), которая как нельзя лучше подходит для выражения многоликости системы. Офицеру МГБ совсем не обязательно быть подозрительно глядящей гориллой, использующей в качестве аргумента физическую силу. Это может быть крохотная, кутающаяся в пуховой платок, как птаха в гнезде, такая беспомощная, ничуть не опасная Симочка. В Советском Союзе эта Азмеемудро скованная стальная цепь@ действительно была скована из самых разнообразных звеньев. Многоликость служила хорошим прикрытием для оперативных действий, но в ней были элементы риска для всей системы именно по причине неоднородности материала.

²⁹ Три главных героя романа имеют реальных прототипов: Лев Рубин - Лев Копелев (1913-1998), Дмитрий Сологдин - Дмитрий Панин (1911 В1987), Нержин В сам Солженицын (1918 -), также и почти все второстепенные персонажи списаны с реальных лиц марфинской шарашки.

³⁰ частый приём у Солженицына, подробнее об этом см. Шкловский 1923, Иванов 1988, Гашева 1994.

Документально точно, но в то же время иронично писатель объясняет, почему тюремные правила содержали, с точки зрения надзора над заключёнными, если не прямые упущения, то, по крайней мере, отступления от оптимального режима: рабочий день у заключённых был длиннее, чем у надзирателей. Так хрупкой Симочке выпало в одиночку дежурить вечером в Акустической лаборатории, представляя единственную власть в этой Аопасной® стае двенадцати самцов. В шарашке складывается такой порядок, при котором сама жизнь, биологические ее основы начинают доминировать над воспитанием, инструкциями, строгими предупреждениями начальства.

Перед дальнейшим разворотом сюжетных событий - **сюжет**, кстати, всегда несёт на себе функцию той стержневой силы, которая не даёт произведению распасться на части - писатель прибегает ещё раз к одному своему любимому приёму: он даёт короткую, примерно на страницу, **биографию** того лица, на которое падает световой пучок, которое оказалось в данный момент в фокусе повествования. Для Солженицына характерно, что через биографию раскрывается не только частная жизнь человека, но важные и типичные для всего общества стороны. Таких авторских отступлений у Солженицына много как в *Круге первом+, так и в *Раковом корпусе+ и *Красном Колесе+. Примечательно, что существенные общественные недостатки раскрываются писателем всегда через конкретного человека, через достоверное свидетельство живого человека, и все обобщения складываются из реальной эмпирии. Это даёт тексту неопровержимую силу.

В рассказе о Симочкиной жизни объектом критики писателя становится советская система образования, которая часто даёт лишь видимость образования - конечно не стопроцентно, иначе ничего бы не действовало. Симочка окончила институт инженеров связи, не вынеся из него знаний по специальности, и на основании своей *кристально чистой* анкеты была распределена *в этот особый таинственный номерной научно-исследовательский институт, который заключённые в своем дерзком просторечии звали Ашарашкой®. Принятым на работу вольнослужащим тут же было присвоено звание офицера, им платили большую, чем обычным инженерам, зарплату и еще доплаты за звание и на обмундирование. От них требовались только *преданность* и *бдительность*. Здесь мы снова сталкиваемся с главной темой Солженицына - одним из вариантов так называемой фаустовской темы: Ачеловек продает свою душу®. Эту сделку возможно совершить тысячами разных способов в зависимости от времени и обстоятельств и часто почти незаметно для самого себя.

Симочке, таким образом, повезло. Она попала в Марфино. С самого начала девушке понравилось то, что ей не поручили никакой самостоятельной работы. Но, с другой стороны, ей было жутко от этого места и его обитателей, которые все были Аважные государственные преступники®, как объяснили новичкам во время инструктажа, подготавливающего их к предстоящей работе. Молодых, неопытных девушек запугивают, им угрожают и подстрекают к слежке друг за другом и доносам. В конце разговора майор Шикин не скрыл, что нарушение инструкций, связь с заключённым карается уголовным кодексом до 25 лет каторжных работ.

Нельзя было без содрогания представить того беспросветного будущего, которое их ждало, но недоверие уже было посеяно между ними. АИ, выйдя с инструктажа, они разговаривали не об услышанном, а о постороннем.®(1, 44)

Тонко подмеченная черта групповой психологии. Девушки боялись так сильно, что не говорили о самом существенном для них, самом ужасном - они говорили о постороннем, так как боялись проговориться. Члены коллектива боятся друг друга, потому что они не могут стопроцентно доверять кому-либо. Человек не может открыть душу ближнему, порой даже самому близкому человеку. Идеиное воспитание сталинского времени? По крайней мере - конкретные инструкции по данной работе.

Но по мере того как шли дни, недели, месяцы, с полуживой от страха Симочкой стало происходить нечто странное. АКаждый день встречаясь с дюжиной зеков Акустической, тщетно силилась она в этих людях ... разглядеть тех отъявленных международных бандитов, которых в кино так легко угадывал зритель и так ловко вылавливала наша контрразведка.® (1, 44-45) Симочка пока ещё совершенно невинна: сама жизнь вносит поправки в картину, созданную пропагандой. АИ хотя её комсомольский долг трубил, хотя её любовь к отчизне призывала придирчиво доносить оперуполномоченному обо всех проступках и поступках арестантов, - необъяснимо почему, Симочке это стало казаться подлым и невозможным.®(1, 45) Необъяснимо почему ... Именно эта необъяснимая причина заставила и Иннокентия Володина сделать свой роковой звонок в посольство.

Когда ситуация с помощью отступления в прошлое или авторского комментария достаточно проясняется, повествование снова приобретает драматизм, и сюжетная линия продолжается. По воле обстоятельств Симочка должна была тесно работать в паре с Глебом Нержиным. Некрасивая девушка, за которой ещё никогда не ухаживал ни один мужчина, начинает чувствовать непонятное влечение к Нержину, временами деятельному и активному, временами же погружённому в глубокие размышления, которые прерывались редкими таинственными записями, отчетливо видными ей на его столе среди технических справочников и статей. Однажды вечером они оказались вместе в тесноте акустической будки, стоявшей в лаборатории, их щеки соприкоснулись. Далее следует едва ли не самая удивительная в мировой литературе сцена любовного свидания - первый девичий поцелуй, из-за которого по вине необычных обстоятельств вся жизнь поставлена на карту. И жизнеутверждающее заключение главы: АТак змеемудро скованная стальная цепь развалилась в том звене, которое сработали из женского сердца.®³¹ (1, 47)

После судьбоносного для Нержина разговора с Яконовым и Веренёвым и отказа от участия в проекте Яконова, что означало для него неизбежный перевод в лагерь, Нержин возвращается в Акустическую лабораторию, где жизнь идёт своим чередом. Это выражается в беспечных шутках Валентули. Как будто случайно Валентуля вспоминает: АДа! А зачем вас вызывали? *кес ке пассе?*® (1, 80) Почему бы и Нержину не быть здесь, не изучать научные проблемы, не есть по-человечески и не шутить? Так всё же надо было согласиться!® АНержин

³¹ Другие Аженские звенья® этой цепи были также ненадёжны: А... оперуполномоченные не знали о женщинах - о двадцати двух неразумных, безумных женщинах, вольных сотрудницах, допущенных в это суровое здание, - как эти женщины не знали друг о друге и как могло знать о них одно небо, что все они двадцать две под занесённым мечом и под постоянным наговариванием инструкций или нашли здесь себе потаённую привязанность, кого-то любили и целовали украдкой, или пожалели кого-то и связали с семьёй.® (1, 279)

подошел к своему столу, ещё не сел и увидел, что Симочка была вся в тревоге. Она открыто смотрела на Глеба, и тонкие бровки её подрагивали.@ (1,81) Почему бы не жить здесь с влюбленной в тебя женщиной? Регулярно была бы возможность быть вместе. Так всё же надо было согласиться !?

Они уходят вдвоём в акустическую будку, которая так тесна, что в ней с трудом помещаются два человека. Необычный микроостров в огромном Архипелаге лагерей. Микроостров любви с почти аршинной толщины дверью. Только в будке могли они открыто выразить друг другу свою любовь. Сколько раз Нержин будет вспоминать эту будку в лагере. Так всё же надо было согласиться !?

Страстное любовное свидание в тесноте будки, где женщина повисла на шее мужчины, целуя его. Невольно возникает переключка с пастернаковским Аскрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья@.

Два человека пытаются решать о своём будущем, о скрещеньях своих судеб, как в каком-то независимом от их воли биологическом инкубаторе, где личность каждого беспощадно насквозь просвечивается.

Нержин В человек идеалов и долга, верный своему кредо, но, с другой стороны, он человек, подчиненный и биологическим законам. Хотя его дух и закаляется в больших жизненных перипетиях и заставляет его действовать морально правильно, но в разговоре с женщиной его воля как будто отдыхает, и он допускает обман.

В последней полной редакции романа писатель добавил в скобках дополнительное разъяснение, касающееся не только личности Нержина, но и вообще любого другого заключённого на его месте. В будке Нержин говорит Симе, что можно было бы остаться в шарашке, но в другой лаборатории, они всё равно не были бы вместе. А Он так сейчас выговорил, будто именно из-за этого в кабинете Антона отказался. Но он выговорил механическим сочетанием звуков, как говорил и Вокодер. На самом деле таково было арестантское крайнее положение, что, и перейдя в другую лабораторию, Глеб искал бы всего этого с женщиной, работающей рядом, и оставшись в Акустической В с любой другой женщиной, любого вида, назначенной работать за смежный стол вместо Симочки.@ (1, 82)

Самое неожиданное и оригинальное в Нержине (как впрочем и в Солженицыне) - то, что его заметки по русской истории, его призвание всегда перевешивают всё остальное. Именно для сохранения этих заметок Нержину и нужно было солгать Симочке, пообещать ей, что из лагеря он вернётся только к ней и попросить вынести из шарашки и сохранить его записи до его возвращения. АИ надо было солгать сейчас! Солгать, пообещать, как это всегда обещается. Но и во имя такой цели не было у него сил солгать перед глазами, смотревшими с надеждой.@ (1, 83)

После того, как основное решение было Нержиным принято, перед ним встало множество других вопросов, которые тоже нужно было продумать и решение которых влияло на будущую жизнь после лагеря и на главный труд его жизни. Здесь речь идёт именно о главной цели и труде жизни, а не о карьере. Так и не сумев солгать Симочке, Нержин упоминает о своих заметках.

Здесь следует новый поворот сюжета, аристотелевская перипетия. АЕсли б она не перебила, не спросила так жадно, - он бы, кажется, сейчас ей сам что-то рассказал. Но она с нетерпением спросила В и он насторожился.@(1, 83)

Действительно заметный контраст между только что такими доверчивыми глазами и слишком нетерпеливо спросившими губами.

В другом человеке никогда нельзя быть абсолютно уверенным. И в последнюю минуту Нержину удаётся избежать возможного раскрытия себя.³² Для нас же так и останется загадкой, кто же Симочка на самом деле: офицер МВД или влюбленная женщина. Конечно же она и то, и другое. Но вопрос в том, что в ней доминирует. Скорее всего, что сам ход событий проявил бы в Симочке ту или иную личность В Симочку или Серафиму Витальевну. Так долго, как женщина смогла бы удерживать Нержина, она была бы для него Симочкой, но сразу, если бы между ними появились бы противоречия или если бы Нержин изменил ей или оставил В она смогла бы легко превратиться в готовую ко всему Серафиму Витальевну. Раздвоенный человек всегда привлекал внимание мастеров мировой литературы, но особое внимание эта тема получила в произведениях Ф.М. Достоевского. Хотя Достоевский и очень глубоко проник в психологию раздвоенного сознания, его образы представляются несколько фантастичными по сравнению с реалистичными и современными нам персонажами Солженицына, выписанными психологически очень точно.

3.6 Лицо власти может быть и человеческим. Информативная нагруженность текста романа. Приёмы скрытого воздействия на читателя. Засекреченность работы органов безопасности. Боязнь гласности. Власть по отношению к близким заключённых. (Работа младшины. Работа подполковника)

Луноподобный младший лейтенант Наделашин отвечает в своё дежурство за всех заключённых шарашки, общее число которых Адвести восемьдесят одна голова. АЕго природная доброта долго мешала ему служить в Органах. Если б он не приспособился, давно был бы он отсюда изгнан или даже осуждён. Уступая своей естественной склонности, Наделашин никогда не был с заключёнными груб, с искренним добродушием улыбался им и во всякой мелочи, в какой только мог послабить - послаблял. За это заключённые его любили, никогда на него не жаловались, наперекор ему не делали и даже не стеснялись при нём в разговорах. А он был доглядчив и дослышлив, и хорошо грамотен, для памяти записывал всё в особую записную книжечку - и материалы из этой книжечки докладывал начальству, покрывая тем свои другие упущения по службе. (1, 210) Сослуживцы Наделашина интригами, подхалимством или рвением в три или четыре волны обогнали его по званию. Наделашину лишь месяц назад присвоили первую звёздочку.

³² Главы 1-5 неоконченной повести Солженицына АЛюби революцию (всего 7 глав) были написаны в 1948 году на шарашке в Марфино. Главный герой тот же, Глеб Нержин, повесть автобиографична, её события - юность Нержина, учёба, женитьба, призыв на фронт. При этапе из Марфино в 1950 автор оставил эти листки у сотрудницы марфинского института А.В.Исаевой. Воротясь из ссылки, он получил их от неё в 1956. - см. Солженицын 1999.

Он был совсем не глуп и понимал, не высказывая этого вслух, что бесправные заключённые на самом деле бывали во многих отношениях выше него. Он удивляется их философским или учёным спорам и тому, что эти люди находят мужество говорить о чём угодно, кроме своих страданий. У Наделашина, доброго по природе, была исключительная, какая бывает у детей, память на лица. Он помнил всех до единого арестантов своего этажа на Лубянке с 1935 по 1947 год.

В главе 28 А Работа младшины@ (младшиной ласково окрестили его зэки шарашки, когда он был произведён из старшины в офицеры) описывается одно его двенадцатичасовое ночное дежурство и инструкции, которые даёт ему оперуполномоченный Мышин. Наделашин старается тщательно их выполнять.

Лет Наделашину уже много за тридцать, но благодаря свежести безусого безбородого лица он выглядит моложе. Дед его и отец были портные, к тому же готовили и мальчика. АНо был конец НЭПа. Отцу принесли годовой налог - он его заплатил. Через два дня принесли еще годовой - отец заплатил и его. С совершенным бесстыдством через два дня принесли ещё один годовой - уже утроенный. Отец порвал патент, снял вывеску и поступил в артель.@ (1, 214) Наделашин обшивал всю свою семью, но скрывал это, потому что военному служащему это считалось стыдно. АПосле дежурств в накалённых безумием коридорах главной политической тюрьмы его успокаивал шорох ткани, податливость складок, беззлобность работы.@ (1, 217)

В этой главе Солженицын через сознание, работу и историю жизни офицера-надзирателя ГУЛага описывает, как и в случае с другими персонажами, советское общество, его жизнь в разнообразнейших пластах. Все его персонажи, даже самые незначительные или совершенно вымышленные, всегда точно крепятся на полотно конкретной исторической эмпирии. Благодаря этому читатель получает через текст максимальную информацию, касающуюся не только конкретного человека, но и общества. В сравнении с текстом любого писателя информативная нагруженность солженицынского текста очень велика³³. Например, из этой короткой главы мы узнаём не только дополнительные сведения о шарашке, но и сведения о пресечении частного предпринимательства в конце НЭПа, внутреннем расположении, жизни и правилах Большой Лубянки; безысходной и зловещей подмосковной тюрьме АСухановской даче@ с её изощёренным мучительством, широком употреблении матерных ругательств в советском обществе.

Очень искусно писатель доносит до читательского сознания (или подсознания) отдельные исторические утверждения: АПётр искажил и отнял русскую национальную одежду, и тем обезличил свой народ перед другими.А (1, 216-217) Даже если это и не общепринятое историческое воззрение и оно не совпадает с мнением автора (мы слышим эту реплику в разговоре двух конвоируемых Наделашиним заключённых), это всё же настолько любопытное утверждение, что оно непременно остаётся в нашей памяти, и мы подсознательно регистрируем его как интересное. АИ негромкую арестантскую беседу Наделашин услышал через решётку в задней двери. Они ругали

33

АРоман АВ круге первом@ - энциклопедия русской жизни сороковых, пятидесятых годов... И всё полноценно. Ярко. Рельефно. Не вырубил топором ... от дерзкого плаката - до лирического задушевного шепота.@ (Краснов-Левитин 1983, 57)

правительство и царя - но не нынешнее, и не Сталина - они ругали... императора Петра Первого. Чем он им помешал? - только разделявали его на все лады... Арестант этот перечислял подробно, какие были одежды, как они выглядели, в каких случаях надевались. Он уверял, что и теперь не поздно воскресить отдельные части этих одежд, достойно и удобно сочетав их с одеждой современной, а не копировать слепо Париж. Другой арестант пошутил - они могли ещё шутить! - что для этого нужно двух человек: гениального портного, который сумел бы это всё сочетать, и модного тенора, который носил бы эти одежды и фотографировался в них, после чего вся Россия быстро бы их переняла.® (1, 216-217)

Этот приём можно сравнить со скрытым воздействием в современной рекламе, и это ещё одно свидетельство того, что Солженицын использует очень современную писательскую технику. Прямая агитация, которая часто использовалась в произведениях Ассоциалистического реализма®, более не влияет на современного читателя с его доступом к большому числу информационных источников.

Следующая глава 29 АРабота подполковника® представляет нам начальника Наделашина, да и всей Спецтюрьмы м1, подполковника Климентьева. Как часто бывает у Солженицына, да это, пожалуй, и общее правило писателей "классического" реализма, вводя нового героя, автор начинает с его портрета. АУ подполковника Климентьева волосы были - то, что называется смоль: блестяще-чёрные, как отлитые, они лежали гладко на голове, разделяясь пробором, и будто слипались в круглых усах. Брюшка у него не было, и в сорок пять лет он держался стройным молодым военным. Ещё - он не улыбался на службе никогда, и это усиливало черноватую мрачность его лица.® (1, 217)

Немного ниже, через пару страниц, можно найти объяснение его отчасти напускной мрачности: АБыть начальником Спецтюрьмы м 1 значило - всегда быть на вулкане, и всегда на глазах у министра. Это не был какой-нибудь отдалённый лесной лагпункт, где начальник лагеря мог иметь гарем, скоморохов и, как феодал, выносить сам приговоры. Здесь надо было быть законником, ходить по струнке инструкции и не обронить капельки личного гнева или милосердия. Но Климентьев таким и был.®(1, 219) Речь повествователя здесь снова плавно и органично перетекает в несобственно-прямую речь, в размышления самого Климентьева.

На самом же деле Климентьев старается таким быть, но его живая человеческая душа, хотя и главного марфинского надзирателя, не совпадает и не укладывается в инструкцию. Это становится предметом наблюдений писателя в 29 главе. Так, Климентьев соглашается на упорные просьбы заключённых устроить в этом году ёлку. Окончательное решение по этому вопросу он принимает на эскалаторе метро по дороге домой и скорее по двум обстоятельствам. Первое - это то, что по долгому опыту службы он знает, что предпраздничные вечера - самые тяжелые для заключённых и кто-нибудь может решиться на отчаянный поступок. Второе же состоит в том, что инструкция, запрещающая музыкальные инструменты, ничего не говорит о ёлках.³⁴

³⁴ Лев Копелев в воспоминаниях о марфинской шарашке даёт портрет начальника тюрьмы: АСтроевик, военная косточка. Любит выправку и любит, чтоб смотрели ему прямо в глаза. Не терпит слабаков, подхалимов и если кто темнит. Но так, кажется, не вредный... В

АИ, входя в вагон метро, он с удовольствием думал о себе, что ведь по сути он же умный деловой человек, не канцелярская пробка, и даже добрый человек, а заключённые никогда этого не оценят и никогда не узнают, кто не хотел разрешить им ёлку, а кто разрешил. Но самому Климентьеву почему-то хорошо стало от принятого решения.® (1, 221) В этом эпизоде Солженицын ещё раз показывает тонкое знание человеческой психологии, мотивов того или иного поступка и того, что поступки, решения человека - это длинная цепочка причин и следствий. В этой инерции хорошего настроения, довольства собой полковник Климентьев скромно, последним входит в вагон метро.

Никто в этой многолюдной московской толпе не мог бы догадаться, что за работа у этого человека. Даже само существование лагерей, тюрем, следствий, пыток - вся работа этого огромного, охватывающего всю страну адского механизма никак не заметна простому советскому обывателю, и меньше всего это заметно здесь, в защитном многолюдстве толпы московского метро.³⁵ Вагон тронулся. Взгляд полковника падает на женщину, сидящую перед ним. Далее даётся портрет этой женщины, но особенность его в том, что он дан точно в направлении взгляда Климентьева - сверху вниз, и этот кинематографический приём позволяет читателю увидеть её буквально с точки зрения Климентьева, из его физического положения в пространстве и далее проследить за ходом его мыслей. С помощью этого портрета-фотографии и последующей внутренней оценки героем увиденного полностью стирается грань между читателем и описываемым персонажем. АПотом он перевёл взгляд на молодую женщину, сидящую подле него. Она была одета старательно, но недорого: в чёрной шубе из искусственного каракуля и в такой же шапочке. На коленях у неё лежал туго набитый портфель. Климентьев посмотрел на неё и подумал, что у неё приятное лицо, только немного утомлённое, и необычный для молодых женщин взгляд, лишённый интереса к окружающему.® (1, 221)

Как раз в этот момент женщина взглянула в его сторону и встретила на мгновение глазами с Климентьевым. В эту долю секунды (Астолько, сколько без выражения задерживаются взгляды случайных попутчиков®) Климентьев, памятный на лица, успел узнать в ней жену заключённого Нержина, которую он видел на свиданиях в Таганке, она же успела понять, что он узнал её. Решительно встав, она приблизилась и спросила:®Товарищ полковник! Я очень прошу меня простить! Ведь вы ... начальник моего мужа?® (1, 222) Перед Климентьевым за долгие годы его службы вставало и стояло множество женщин, и он не видел ничего необыкновенного в их зависимом робком виде. Но в метро, на глазах у всех, просительная фигура вставшей женщины выглядела неприлично.

лагере мы научились отличать хорошее начальство от плохого. Критерий был прост и безошибочен: один запрещает всё, на что нет особого разрешения; другой разрешает всё, на что нет особого запрета.® (Копелев 1991, 34)

35

Современный московский исследователь творчества Солженицына М.М.Голубков считает, что ещё один хронотоп романа, кроме хронотопа шарашки и хронотопа кабинетов, квартир, машин представителей власти, включает в себя московские улицы, метро, аспирантское общежитие. АЭтот хронотоп занимает как бы промежуточное положение между первыми двумя, здесь возможна встреча героев и завязка сюжетных узлов, соединяющих два противопоставленных мира, представленных первыми двумя хронотопами.® (Голубков 1999, 50)

Здесь раскрывается ещё одна важная черта системы - завеса секретности, покрывающая огромную карательную систему Союза, и боязнь публичности у всех причастных к ее работе.

Единственная область, где тайна намеренно нарушается - близкие люди заключённых, прежде всего их жёны и дети. С самого начала советская власть преследовала и карала не только своих Аврагов®, не только представителей Авраждебных® ей классов, но и родственников этих людей.³⁶ Это часто приводило к отказу детей от родителей, жён от мужей, и было ещё одним способом воздействия на заключённых. Если же родные всё же хранили верность, то их самих постигало если не заключение, то невыносимые условия жизни - лишение работы, возможностей учёбы, злословие и травля соседей, изоляция в кругу знакомых. Судьбам жён заключённых писатель посвящает отдельную главу 39 АКрасиво сказать - в тайгу® и главу 41 АЕщё одно® о свидании супругов Герасимовичей, где рисует картину невыносимой жизни жены Герасимовича и её отчаяния.

Оберегая учёбу жены, Нержин не даёт её истинного адреса, и, хотя свидание ему положено, открытку жене по адресу Адо востребования® по инструкции посылать запрещено. АМало того, что адрес жены регистрировался в МГБ - министерство добивалось, чтобы меньше было охотниц получать эти открытки, чтоб о жёнах врагов народа было известно всем их соседям, чтобы такие жёны были выявлены, изолированы и вокруг них было бы создано здоровое общественное мнение.® (1, 223) Поэтому, не получив от Нержина точного адреса жены, Климентьев и сказал ему неделю назад, что свидания не будет, и не послал извещения по адресу Адо востребования®.

Встреча Нади с Климентьевым сейчас, т. е. в субботу вечером, накануне разрешенного Нержину свидания была таким же совпадением, А...как если бы песчинкой за сорок шагов попасть в песчинку® (1, 222), и если полковник скажет ей сейчас о свидании, то получается, что инструкция об отправке извещения не нарушалась, а она как бы сама придёт в Лефортово наугад. И при грохоте поезда, замедляющего скорость, оберегаясь её слёз и благодарности, он говорит ей о месте и времени завтрашнего свидания и быстро выходит из вагона, чтобы пересест в следующий поезд.

В данной главе писатель очень тонко, почти незаметно для читателя, показывает нам внутренний мир полковника Климентьева, ход его мыслей, мотивы его поступка: одно доброе дело - разрешение ёлки - создаёт хорошее настроение и как бы создаёт некую Аинерцию добра®; далее, первое приятное впечатление, произведённое на него незнакомой женщиной; удивительное совпадение времени и места, пересечение их путей в миллионном городе; его боязнь публичности, обнаружения себя перед людьми в метро; безопасность в отношении инструкции - формально он ничего не нарушил - и наконец чувство удивления перед большим чувством Надиной любви, прошедшей испытание временем и не сломленной трудностями. Таким образом, то, что не понятно и скрыто даже от самого героя - Аон сам удивлялся и досадовал, что так сказал® (1,

³⁶ Часто запугивая неугодного человека, арестовывали его самых близких людей. Так был арестован сын Ахматовой Лев Гумилёв, дочь Цветаевой Ариадна Эфрон, возлюбленная Пастернака Ольга Ивинская. Но иногда для острастки арестовывали и родственников вполне угодных власти людей, среди таких была, например, жена Молотова.

224) - через передачу точных психологических состояний и мотивов становится понятно читателю.

3.7 Опора власти - Асамодовольная, непробиваемая порода@. Лейтенанты Шустерман, Смолосидов и генерал Бульбанюк. (Фоноскопия)

Секретность, многоликость системы, охват всего общества бесчисленными инструкциями, пусть и не всегда с Асовершенными@ исполнителями, всё же недостаточное основание для того, чтобы власть твёрдо держалась. Словно по какому-то отбору наверх проходили и закреплялись люди корыстные, недалёкие и слепо преданные власти. Они и составляли основной цементирующий слой низших исполнителей, на которых держались высшие эшелоны власти. К тому же с самого начала большевики умели делать ставку и использовать самые низкие качества человека. Таких персонажей в романе несколько.

Один из них **старший лейтенант Шустерман**, представляющий контраст мягкому Наделашину. А... старший лейтенант Шустерман был высокий, черноволосый и не то чтобы мрачный, но никогда не выражающий никакого человеческого чувства, как и положено надзирателям лубянской выучки. Вместе с Наделашиним он тоже был прислан в Марфино с Лубянки для укрепления тюремной дисциплины здесь. Несколько эков шарашки помнили их обоих по Лубянке... Шустерман ... угрюмой молнией взглядывал из-под срослых густых бровей, он как когтями впивался в локоть арестанта и с грубой силой влёл его, в задышке, вверх по лестнице. Лунообразный Наделашин ... шёл всегда поодаль, не прикасаясь, и вежливо говорил, куда поворачивать.@ (1, 232 -233) Зато теперь в Марфино более молодой Шустерман носил уже три звёздочки на погонах. Рвение всегда замечается. Такой же стиль сохранился у него и в Марфино. Если Наделашин часто послаблял заключённым, то Шустерман не давал поблажки ни в чём. Так, он изводил Рубина бесконечной перезаправкой койки.

Из того же теста **лейтенант Жвакун** - А...грубый широкомордый непроницаемый парень, во время войны в старшинском звании служил палачом дивизии (называлось Аисполнитель при военном трибунале@) и оттуда выслужился. Он очень дорожил своим местом в Спецтюрьме т 1@ (2, 191), позволявшим ему ко всем привилегиям впридачу ещё и приворовывать брёвна себе на дрова. Не зазорно воровство и для другого надзирателя - **лейтенанта Смолосидова**. АЛейтенант Смолосидов был тяжёлый человек. Даже веря, что в каждом живом творении есть что-то хорошее, трудно было отыскать это хорошее в его чугунном никогда не смеющемся взгляде, в безрадостной нескладной пожимке толстых губ. Должность его в одной из лабораторий была самая маленькая - чуть старше радиомонтажника, получал он как последняя девчонка - меньше двух тысяч в месяц, правда, ещё на тысячу воровал из института и продавал на чёрном рынке дефицитные радиодетали.А(1, 272) История его подробно не рассказывается, упоминаются только три боевых ордена на груди и неосторожное хвастовство о том, что он был личным радистом маршала Рокоссовского. Даже вольным шарашки он внушает страх, даже

приятелям по волейболу. АСтрашно было его лицо, на которое нельзя было вызвать озарения откровенности. Страшно было особое доверие, оказываемое ему высочайшим начальством.@ (1, 272) Именно его выбрали в канцелярии министерства безопасности обслуживать магнитофон с лентой записи разговора Иннокентия Володина с атташе. Ему же поручается хранить список пяти подозреваемых из министерства иностранных дел.

В официальной иерархии такие люди, как Смолосидов - лишь Амелкие сошки@, но возникают ситуации, в которых их власть может быть больше, чем власть всемогущего генерала. На таких людях, как они, держится вся тоталитарная система. Их собачья преданность не вызывает никакого сомнения, и на их личные недостатки или пороки власть не обращает внимания.

Выше Смолосидова по служебной иерархии генерал Бульбанюк, присланный Рюминым для контроля за поимкой предателя и также безоговорочно преданный системе. В главе АФоноскопия@ описывается разговор приглашённого Рубина, у которого есть опыт в идентификации человеческой речи, с генералом об определении голоса на плёнке. Речь идёт о Агосударственной тайне мирового масштаба@, разглашение которой карается смертью. Здесь же присутствуют замминистра Селивановский и Смолосидов. Рубин замечает, что вся голова генерала А... была как одна большая непомерно разросшаяся картошка с выступами носа и ушей.@(1, 273) АНепомерно разросшаяся картошка А - замечательное сравнение, которое содержит смысловую коннотацию, подчеркивающую своеобразную отрицательную селекцию представителей власти. В Рубине такой тип вызывает непреодолимое отвращение: АКогда и как они распленились, эта самодовольная непробиваемая порода? - из лопуха комчванства, что ли?.. Как случилось, что именно этим достался весь аппарат, и вот они всю остальную страну толкают к гибели?@ (курсив - А.С. 1, 274) Это возрастающее отвращение Рубина переносится им на всю систему власти и заставляет сомневаться в ней, но этого всё же не достаточно, чтобы разрушить его веру в Асвятость@ и Анепогрешимость@ Идеи. Он считает это явление бюрократическим извращением, временным искажением, свойственным переходному периоду от социализма к коммунизму.

3.8 Третья власть. Шикин - Мышин. Механизм вербовки осведомителей. АПрофессия@ оперчекиста. Моральное превосходство заключённых. (Любимая профессия. Двойник. Премьер-стукач. Насчёт расстрелять)

Кроме власти научно-производственной (Яконов - Ройтман), административной (полковник Климентьев) в шарашке существовала **третья власть** - оперчекистская часть. Если первая осуществляла руководство научными исследованиями в Марфино, вторая контролировала поведение заключённых и соблюдение ими тюремных инструкций, то в задачу оперчекистской части входил контроль за настроениями заключённых и отклонениями их от режима.

Оперчекистская часть на объекте Марфино подразделялась на майора Мышина, следящего за заключёнными в тюрьме, за их Аночными душами А, и

майора Шикина, в обязанности которого входил контроль за поведением и мыслями заключённых Ана производстве®, то есть за их Адневными душами® (2,197). Занимаясь по сути одним делом и будучи в равных чинах, они получают зарплату из разных касс, так как производственная часть и тюремная относятся к разным ведомствам. Между ними нет соперничества, но и сотрудничества тоже нет - кабинеты их были в разных зданиях и на разных этажах³⁷.

Впервые мы встречаемся с **майором Шикиным** в 7 главе АЖенское сердце®, посвященной Симочке, когда он инструктирует выпускниц института связи, направленных на работу в Марфино, о правилах поведения с заключёнными. В этой же главе даётся его портрет: А черноватый низенький важный мужчина с седеющим ёжиком на большой голове и с маленькими ногами, обутыми в мальчиковый размер ботинок ...®(1, 44) К портрету его писатель возвратится ещё раз в главе, посвященной самому молодому ээку шарашки Руське Доронину и его вербовке майором. Здесь портрет его даётся уже глазами Руськи. АЗа это время, слушая нудные наставления и разъяснения кума, Руська своими зоркими ёмкими глазами изучил ... крупную голову майора, поседевшую за подшиванием доносов и кляуз, его черноватое лицо, его крохотные руки, его ноги в мальчиковых ботинках... А (курсив - А.С. 1, 380) Эта дважды повторённая деталь - мальчиковые ботинки и маленькие руки - наверняка запомнится читателю ещё и потому, что полномочия этого человека и возможности влиять на судьбы людей почти неограниченные. На самом деле его Амаленькие руки® могут достать любого и испортить карьеру даже вольному - вспомним огульный донос Руськи на неугодную ээкам даму, которая Апо неотразимой силе тайного доноса® была уволена, несмотря на протесты её мужа, полковника МВД.

АРабочая кухня® майора Шикина несколько раз раскрывается читателю. Так в вышеупомянутой главе АДвойник® показан механизм вербовки осведомителя. АРуська понимал, что Шикин действительно может услатить его на Воркуту, если он откажется стать стукачом. Не Руську одного, но всё поколение руськино приучили считать Ажалость® чувством унижительным, Адоброту® - смешным, Асовесть® - выражением поповским. Зато внушали им, что доносительство есть и патриотический долг, и лучшая помощь тому, на кого доносишь, и содействует оздоровлению общества.® (1, 381) Руська соглашается из чувства авантюризма (он решил изучить методы МГБ и выявить подлинных стукачей) и предчувствуя острую игру, которая в конце концов будет стоить ему лишения свиданий с любимой девушкой и перевода в лагерь. Шикин же, плохо на самом деле разбираясь в людях, был доволен своей психологической проницательностью и удачной вербовкой Аосведомителя-энтузиаста®.

Такая же рутинная работа по вербовке осведомителей есть и у майора Мышина. В главе АРабота младшины® Солженицын ещё подробнее останавливается на механизме вербовки, предавая гласности сам образец вербовки, данный на инструктивных совещаниях. Узнав, что Рубин похваляется везде, что несмотря на посадку, остался коммунистом в душе, Мышин вызывает его на беседу Ао жизни вообще и о совместной работе в частности.® Но взаимопонимания не получилось. Мышин поставил перед Рубиным вопрос именно так, как рекомендовалось на инструктивных совещаниях:

³⁷ Типичная черта системы - дублирование обязанностей и несогласованность в работе, когда Аправая рука не знает, что делает левая®.

- если вы советский человек - то вы нам *поможете* ;
- если вы нам не *поможете* - то вы не советский человек;
- если же вы не советский человек, то вы - антисоветчик и достойны нового срока.

АА чем надо будет писать доносы - чернилами или карандашом?@ - находчиво спрашивает Рубин. АДа лучше чернилом@, - посоветовал Мышин. АТак вот я свою преданность советской власти уже кровью доказал, а чернилами доказывать - не нуждаюсь.@ ... И ещё раз вызывал его майор. И тогда Рубин отговорился тем, что раз его посадили, значит ему оказали политическое недоверие, и пока это так, он не может вести с оперуполномоченным совместную работу.А (курсив - А.С. 1, 212)

Как видим, Рубин, хорошо разбираясь в казуистике советских терминов, ловко уходит от навязываемого ему стукачества. Обращает на себя внимание в речи Мышина неправильное употребление множественного числа слова Ачернила@. Такой незаметный штрих говорит внимательному читателю о малограмотности и необразованности людей, попадавших на такую работу.

Писатель неслучайно в романе АВ круге первом@ и в ААрхипелаге ГУЛаг@ уделяет столько внимания этой теме. На самом деле вся работа оперчекистов и была возможна благодаря институту стукачества, и за годы советской власти люди предавали друг друга и под пыткой, и под угрозой потери близких, и в ожидании поблажки, и из-за корысти, и из-за чувства превосходства над другими, и по склонности к доносительству.

В главе АПремьер-стукач@ выведен образ **Артура Сиромахи** - Любимца и души обоих майоров-кумовей и самого грозного доносчика на шарашке@ (2, 256) - и показано, какие черты характера и склонности человека приводят к доносительству, которое может стать почти профессией. АСлужба эта, хотя и не давала ему всех средств, сколько он хотел, но во время войны избавила от мобилизации, значит - спасла ему жизнь. И пока там дураки кисли в глиняных траншеях, Артур непринуждённо входил в ресторан АСавой@ с приятно-гладкими щеками кремowego цвета на удлинённом лице. ... Всё пело в Артуре, что он на верном пути. Его возмущало, что служба эта считалась между людьми - подлой. Это шло от непонимания или от зависти! Эта служба была для талантливых людей, она требовала наблюдательности, памяти, находчивости, умения притворяться, играть - это была артистическая работа ... Однажды, не уместясь в своём бюджете, Артур примкнул к компании, польстившейся на государственное имущество. Его посадили. Артур ничуть не обиделся: сам виноват, не попадайся. С первых же дней за колючей проволокой он естественно ощутил себя на прежней службе, само пребывание здесь было лишь новой формой её.@ (2, 254-255)

АПрофессии@ оперчекиста посвящена 76 глава романа АЛюбимая профессия@. В начале главы даётся послужной список майора Шикина: АВ своё время Шикин кончил училище ГПУ, позже - курсы усовершенствования следователей, но на работе собственно следовательской состоял мало, поэтому не мог назвать себя следователем. Он работал оперативником в транспортном ГПУ; он был особонаблюдающим от НКВД за враждебными избирательными бюллетенями при тайных выборах в Верховный Совет; во время войны был начальником армейского отделения военной цензуры; потом был в комиссии по репатриации, потом в проверочно-фильтрационном лагере, потом

специнструктором по высылке греков с Кубани в Казахстан и наконец - оперуполномоченным в исследовательском институте Марфино. Все эти занятия охватывались одним словом: оперчекист. Оперчекизм и был подлинно любимой профессией Шикина.® (2, 198)

Далее иронично перечисляются преимущества этой Апрофессии® - неопасна (Аво всякой операции обеспечивался перевес сил®), высоко оплачивалась (да к тому же Адавала права на лучшие закрытые распределители, на лучшие квартиры, конфискованные у осуждённых, на пенсии выше, чем у военных, и на первоклассные санатории®), не изматывала сил. АОбщий стиль работы МВД - МГБ был неторопливость.® (2, 198) Неторопливость этой работы кроме приятного рабочего ритма для чекиста имела в виду и отмеченный в особой инструкции способ воздействия на психику заключённого - Амедленная зачинка карандашей, подбор перьев, выбор бумаги, терпеливая запись всяких протокольных ненужностей и установочных данных.® (2, 198)

Порядок оперчекистской работы, который тоже нравился Шикину, требовал, чтобы ни один разговор Ане кончался попросту как разговор, а обязательно завершался написанием доноса, или подписанием протокола, или расписки о недаче ложных показаний, о неразглашении, о невыезде, об осведомлении, о вручении.® (2, 199) Подшивать бумаги Шикину помогала приглашённая из секретариата Аособая засекреченная девица, долговязая и подслеповатая®(2,199) - гротескный образ из второстепенных персонажей романа - с которой у Шикина была почти не скрываемая связь. Шикин доходил ей только до плеча, но не мог справиться с охватившей его страстью, удивлявшей и его самого. АОбразцового до тех пор семьянина, Шикина как чёрт попутал и приковал к этой секретарше с её запущенными тридцатью восьмью годами, с грубыми толстыми ногами ... и бельмом на глазу... Что-то неиспытанное он в ней для себя открыл.®(2, 200)

Больше же всего Шикина привлекало в оперчекистской работе то, что она давала власть над людьми, сознание своего всемогущества. Довольно часто люди, не одаренные от природы ни внешними данными (вспомним его черноватое лицо и крохотные руки и ноги) ощущали себя на оперчекистской работе сразу выделенными и вознесёнными над другими. Все сослуживцы Шикина, даже начальник института, дородный и учёный Яконов, по первому требованию Шикина должны были давать ему отчёт о своей деятельности. Шикин же не отчитывался ни перед кем из них. Эта вознесённость служит надёжной основой для самообмана. АЕсли бы Шикину сказали - но ему никогда этого никто не говорил,- что он якобы заслужил к себе ненависть, что он - мучитель других людей, - он бы непритворно возмутился. Никогда мучение людей не составляло для него удовольствия или цели. Правда, вообще такие люди бывают, он видел их в театре, в кино, это садисты, страстные любители пыток, в них нет ничего человеческого, но это всегда или белогвардейцы, или фашисты. Шикин же только выполнял свой долг, и единственная цель его была - чтобы никто ничего вредного не делал и ни о чём вредном не думал.® (2, 199-200) В этом небольшом отрывке писатель через перемену точки зрения ясно и по-толстовски просто подводит читателя к сути оперчекистской работы и так же просто называет её - мучение людей.

Кроме выслушивания доносчиков и проверок бдительности, Шикину остаётся мало чем заняться, и он, создавая видимость работы, придумывает

новый порядок ведения индивидуальных именных секретных журналов, в которые должны заноситься и подшиваться все черновики работающих на шарашке, а также заводит Адело о поломке токарного станка®. В отсутствие прямого саботажа даже маленькая трещина в станине, случившаяся при переноске станка выпуска 1916 года, обещает, по мысли Шикина, грандиозное дело. Но дело идёт туго - Алегче было в ходе допросов овладеть токарным станком, чем найти виновника трещины ... Трудность нынешнего расследования залегала именно в том, что в руках Шикина не было обычных средств добывания истины: одиночки, карцера, мордобоя, перевода на карцерный паёк, ночных допросов и даже элементарного разделения подследственных по разным камерам: здесь надо было, чтоб они продолжали полноценно работать, а для того нормально питаться и спать.® (2, 259) Единственное, на что напал Шикин, была помощь дворника Спиридона. Он взялся помогать одиннадцатым и мог нести станок именно за станину.

Допрос Спиридона с точным соблюдением всех инструкций и воздействием на психику подозреваемого описан Солженицыным в главе АНасчёт расстрелять®, но Спиридону, прошедшему в жизни два следствия и одно переследование, игра Шикина была ясно видна, и он нарочно водит его за нос: АИ целую жизнь привыкнув обманывать власти, он и сейчас без труда вступил в эту горькую забаву.®(2. 264) Допрос Спиридона прерывает Сиромеха, разоблачающий перед Шикиным двойную игру Руськи. Ничего, кроме расстрела не может, по мнению Шикина, быть достойным наказанием за надсмешку над органами. Руська же, вызванный на допрос, несмотря на разбитые в кровь губы, гордо грозит посадить Шикина: АЧетыре месяца над вами все куры смеются - а вы зарплату получаете? Снимут погончики! Насчёт расстрелять - это подумать надо...® (2, 267)

Так автор несколько раз показывает, как Рубин, Спиридон, Руська и Нержин, превосходя Шикина и Мышина интеллектуально и морально, оставляют их буквально в дураках. Все эти сцены, несмотря на трагизм положения заключённых, искрятся юмором, сатирой, иронией и афористичными комментариями автора.

3.9 Высшие эшелоны власти. Факты и фикция. Кабинет Абакумова. Иерархия власти. Ритуальный язык. Абакумов - игрок или пешка? Внутривроманная смена жанров. (Тройка лгунов. Насчёт кипятка. Сивка-Бурка)

Начало 16 главы переносит нас в кабинет министра Госбезопасности Абакумова, где начальник Отдела Специальных Задач кончает свой доклад у министра. В скобках писатель точно и бесстрастно - как будто речь идёт о докладе министру в любом нормальном государстве - передаёт содержание доклада. АРечь шла о согласовании календарных сроков и конкретных исполнителей смертных актов за границей в наступающем 1950-м году; принципиальный же план политических убийств был утверждён самим Сталиным еще перед уходом в отпуск.® (1, 97) Если бы у нас была возможность подсмотреть в Агрязную кухню®

сверхдержав во время холодной войны - да не будем наивны - мы обнаружили бы именно такие установки: цель оправдывает средства. Об этом не осталось никаких свидетельств, исследователи мало что могут документально подтвердить, и только дар писательской интуиции и воображения может нам открыть этот страшный в своей конкретной реальности мир³⁸. В этом смысл и сила литературы - в силе высказанного слова, в фикции, рождающейся не из инструментальных экспериментов и позитивистских результатов, а из того нового знания, которое писатель получает, пристально вглядываясь и вживаясь в уже известный фактический материал. Критерием подлинности этого нового **фиктивного знания**³⁹, является логическая адекватность его уже известным фактам, а также некая внутренняя правда, силой которой вымышленный персонаж воплощается и начинает жить полной жизнью. В случае с Солженицыным на примере этого конкретного отрывка можно констатировать его несомненную логическую адекватность. Наряду с делами, касающимися международной политики, в круг обязанностей министра Госбезопасности входило и чисто техническое оснащение, которого требовало Воплощение исторической неизбежности[@]. Поэтому Абакумов и курирует проект Асекретная телефония[@], порученный марфинскому институту и несет за него личную ответственность. В начале главы АТройка лгунов[@] Солженицын даёт портрет советского чиновника, принадлежащего к высшей исполнительной власти страны (выше него, собственно, лишь две почти мифические личности той эпохи - Сталин и Берия): А...дуж, но не толст... зачесанные назад чёрные волосы... с погонами генерального комиссара второго ранга... Глаза его были не глупые и имели подвижность подозрительности и сообразительности.[@] (1, 97) Элита сталинского времени: не топчущийся на месте и берущий взятки бюрократ поздних застойных времён, но наполовину солдат, наполовину чиновник; исполнитель, у которого дела не застаиваются; муж, от всего облика которого веет государственной властью; важное звено между высшей властью и остальным аппаратом.

Еще более подробно писатель описывает **кабинет Абакумова** с находящимися в нём атрибутами власти, в обилии которых хозяин кажется и сам обезличенным Авинтиком[@], правда, таким, который расположен в очень важном и ответственном месте. Но главным всё же является не личность, а положение. Об этом говорит кабинет и все находящиеся в нём вещи: бездействующий мраморный камин, высокое пристенное зеркало, высокий лепной потолок, и на нём люстра Аи нарисованы купидоны и нимфы в погоне друг за другом[@]. Затем следует любопытная деталь: министр разрешил оставить потолок, как он был, Атолько зелёный цвет перекрасить, потому что терпеть его не мог.[@] (1, 97) Достоверное ли это свидетельство или плод писательского

³⁸ А...подлинную историю двадцатого века невозможно писать, опираясь на документ: документ либо лжет, либо его нет вообще. Фальсификация, зачеркивание и выскабливание реальности никогда не знали таких масштабов, как ныне.[@] (Нива 1992, 33)

³⁹ Применительно к творческому методу Солженицына можно использовать термин Афиктивное заключение[@], так с большой степенью правдоподобности и убедительности даны им описания исторических персонажей: Николая II, Керенского, Ленина, Сталина - их размышления, поступки. Атут все Авымышлено[@], но ничего не надумано и не навязано... все это вымыслено творческой совестью[@] (Шмеман 1970, 81), то есть отвечает внутренней, духовной правде.

воображения ? Почему это выделено ? Почему Абакумов не мог терпеть зелёного цвета? В тексте главы это не объясняется. Но если мы сравним описание камер Лубянки из конца книги - «До уровня груди шла масляная оливковая панель...» (2, 332) - то поймём, что покрашенный зелёный цвет - не случайная деталь, а штрих, служащий психологической и художественной целостности. Всесильный министр втайне сам боится оказаться узником заведения, которое он возглавляет.

Далее обращает на себя внимание герметичность министерского кабинета. «Была балконная дверь, глухо забитая на зиму и на лето; и большие окна, выходившие на площадь и не открываемые никогда.» (1, 97) И большое количество часов. Причуда ли это хозяина кабинета или системы? Кто знает, не определялся ли набор всех этих вещей какой-либо инструкцией и не следил ли за её соблюдением какой-нибудь чиновник определённого ведомства? Здесь подчёркивается Государство, само всепроникающее присутствие этого Левиафана, казённость чиновничьего мира. Кстати казённость вещей и помещений является одной из основных черт советской жизни. В иерархической системе с приматом всего государственного над частным и личным всё строго нормировано и оценено от пищи до мебели, транспорта, возможностей отдыха, увлечений, общения, так что часто только человеческая душа и подсознание остаются вне досягаемости этого диктата государства, но и то не всегда.

Увеличение размеров портрета Сталина в зависимости от чина обладателей кабинета была уже совершенно обязательная дань системе того времени, и её невозможно было обойти. Вещи, изображавшие вождя, выполняли роль культовых принадлежностей, их влияние на человеческое подсознание через их обязательность и их визуальная повторяемость вряд ли прошли без следа для многих. Есть большое принципиальное различие между поклонением иконам в православной церкви и поклонением изображениям вождей. Последние изображали живущих или недавно умерших исторических лиц, которые объясняли и направляли общественную жизнь людей. Икона же есть Аумозрение в красках®, «Окно в запредельное», она не даёт прямого эксплицитного ответа на вопрос даже одного человека, не говоря уже об обществе, тогда как изображения Ленина и Сталина призывали под руководством живого человека или его идей к участию в бездумной массовой агрессии. Икона и изображения вождя по своему происхождению, предмету, функции, влиянию и стилю два совершенно разных явления, и их не стоит смешивать.

Подшло время докладывать министру об итогах работы над марфинским проектом заместителю министра Селивановскому, начальнику Отдела Специальной Техники генерал-майору Осколупову и главному инженеру того же отдела инженер-полковнику Яконову. Заметим, что все трое чиновников образуют одну сторону, другую же представляет только один Абакумов. Эти три человека связаны друг с другом общей ответственностью за проект перед Абакумовым, который в свою очередь отвечает за него перед Сталиным. Здесь интересно представлено распределение ответственности в советском исполнительном аппарате. Сталин даёт задание Абакумову, тот - заместителю министра Селивановскому, координирующему научно-технические вопросы, тот, в свою очередь, - начальнику Отдела Специальной Техники генерал-майору Осколупову, а последний - руководителю марфинского секретного научно-технического института инженер-полковнику Яконову, который непосредственно

руководит заключёнными, собранными для реализации данного проекта. Эти три чиновника представляют собой руководителей среднего звена управления. Между ними и министром Абакумовым проходит ясная разделительная грань, также как и между ними и непосредственными исполнителями задания. Такой же непреходимый рубеж отделяет Абакумова от Сталина.

Эта тройка, тройка лгунов, заранее договорились между собой, как они будут выступать у министра. У каждого из них своя роль в этой пьесе, свои заученные слова. Это понимает и Абакумов: АВ общем, так ... вы мне голову морочите сколько ? ... Не врать! Вранья не люблю!@ (1, 99) Как только Осколупов, второй из Алжецов@, начинает своё оправдание согласно протоколу обращаясь к министру так, как выступают на собраниях, А товарищ министр@ сразу возвращает его на землю и требует рассказать, как дела обстоят на самом деле: АЯ говорю - к числу к какому?@

В СССР, как и везде, было определенное *истинное положение вещей*, о котором в рабочих кабинетах говорили нормальным понятным языком. Но кроме этого нормального и точного языка в СССР существовал особый **ритуальный язык**: язык собраний и средств массовой информации, в котором была своя особая лексика и синтаксис, а также свой политический подтекст. Осколупов: А- Разрешите заверить вас, что личный состав отдела не пожалеет усилий... Лицо Абакумова выразило удивление: - Что мы на собрании, что ли? Что мне вашими усилиями? - задницу обматывать?@ (1, 99) Ненормативная лексика речи Абакумова еще более усиливает этот контраст. Трое товарищей предвидели такой ход разговора (сколько подобных встреч проходило уже между ними ?), и в этом месте положение пытается спасти Яконов, уводя разговор в сторону, к рассмотрению чисто технических аспектов. Но и это не проходит. Министра не собьешь с толку бормотаньем о полосах частот и условиях передачи, он хочет добиться ясного ответа на свой вопрос: АНа хрена мне твои ноль целых? Ты мне аппарата дай - д в а ! ц е л ы х ! Когда?@ (1, 100, разрядка -А.С.)

Здесь писатель подводит нас к слабой стороне командно-административной системы: приказывающий не всегда разбирается, да и не хочет разбираться в физических реальностях задачи. Подчиненный же создаёт иллюзию выполнимости, обманывая начальство и самого себя. Так нам передаётся подчас безвыходное положение советских чиновников, где верхушка, отдающая приказы, замкнута в своём мире и отгорожена от реальности. Начальники грубо кричат на подчинённых, исполнители предаются панике. АЯконов не раз вокруг себя и на себе испытал ту безумную непосильную гонку, в которой захлестнулась вся страна - её наркомы и обкомы, учёные, инженеры, директора и прорабы, начальники цехов, бригадиры, рабочие и простые колхозные бабы. Кто бы и за какое дело не брался, очень скоро оказывался в захвате, в защеме придуманных, невозможных, калечащих сроков: больше! быстрее! еще!! еще!!! норму! сверх нормы!! три нормы !!! почетную вахту! встречное обязательство! досрочно!! ещё досрочнее!!!! Не стояли дома, не держали мосты, лопались конструкции, сгнивал урожай или не всходил вовсе... Однако, до сих пор из таких дел, неотвратимо загубляемых спешкой, Яконову всё удавалось выскакивать в другие дела - или поспокойнее, или еще пока вначале.@ (1, 180-181)

В данном случае козлом отпущения скорее всего станет именно Яконов, ведь он непосредственно отвечает за проект и вряд ли у него имеются

влиятельные связи, *блат*, как у занимающих более высокое место в иерархии Селивановского и Осколупова. Ему угрожает судьба Мамурина, и он сам сознаёт и боится этого, как выяснится дальше. Когда последнее терпение начинает иссякать у Абакумова, поднявшегося на гребне волны Ачисток[@] до министра благодаря в основном своим физическим данным и темпераменту любителя расправы, и он уже начинает злиться и готовится перейти к физическим действиям, на сцене появляется совершенно новое лицо. Он вступает в кабинет министра без стука, беззвучно, как кот, и ласково-задумчиво произносит свою заранее подготовленную реплику.

Михаил Дмитриевич Рюмин - человек с одной из странных судеб, возвращенный системой и продвинувшийся от незаметного бухгалтера в Архангельской области до старшего следователя по спецделам центрального аппарата СМЕРШа.⁴⁰ Его циничный разговор с министром безопасности о совместном расследовании Анового дела[@] (читай:многочисленных арестах) напрямую касается и даже предназначен для того, чтобы его слышали Атри лгуна[@]. Их помощь требуется в сравнении магнитных лент с записью голосов и определении виновного в том роковом телефонном звонке в посольство. Разведка просит помощи Специального Технического отдела: А... угадай - молодчик и будешь[@]. Арестовать всех пятерых работников МИДа нельзя, так будут потеряны важные нити за границей. Нужно найти виновного.

Замминистра Селивановский понимает по выражению лица Яконова, что задание слишком ответственное и готовится запутать ясный ответ в трёх соснах. Но у Фомы Григорьевича Осколупова шла своя работа мысли: А- Товарищ министр! Так это мы - можем!.. Абакумов не то, что улыбнулся, но выразилось в его лице опять какая-то симпатия к генералу. Таким был и сам Абакумов, когда выдвигался - беззаветно готовый рубить в крошку всякого, на кого покажут. Всегда симпатичен тот младший, кто похож на тебя.[@] (1, 103) После ухода Рюмина снова надвигается грозный вопрос: когда?

Разговор этой тройки с министром даёт читателю понять, что у всех есть свой Аад[@], различный, но всё же Аад[@], и если для заключённых он конкретизируется в шарашке (причём это еще первый, лучший круг ада ГУЛага), то для тройки лгунов Аад[@]- это кабинет Абакумова. Для Абакумова, в свою очередь, Аад[@] - это приёмы у Сталина.

Вызов инженеров **Прянчикова и Бобынина** и был той Акрысоловкой[@], которую устроил тройке лгунов Абакумов. Сначала был вызван Прянчиков. Опьяненный проездом по вечерней Москве (неоновые витрины, проходящие женщины, смех и смутный говор) и не замечая Абакумова, он останавливается перед большим зеркалом, разглядывая себя. А Вольняшки не знают цены вещам![@] (1, 108) Сама фигура Абакумова в глазах Прянчикова редуцируется до пары его погон. А Прянчиков даже не догадался, что это кабинет (так он был просторен), и что пара золотых погон в конце зала есть хозяин кабинета.[@](1, 108)

Вся 17 глава представляет собой лёгкий промежуточный эпизод в ткани повествования. Юмор этой главы, дающий отдых читателю, построен на смешении стилей. Никому бы в голову не пришло вести себя в этой комнате так, как ведет Анеестественно искренний[@] Валентуля. Здесь мы видим

⁴⁰ Одно из основных качеств тирана - произвол, каприз, изменение общепринятых норм, что обеспечивает очень заурядным и бездарным людям подчас блистательную карьеру.

использование старой комедийной расстановки героев: встреча высокопоставленного человека и человека низкого звания, где последний ведет себя свободно и естественно, так как не понимает положения своего собеседника. Эта ситуация часто предполагает, что высший относится к низшему по какой-то причине - возможно просто для разнообразия - какое-то время довольно терпимо. АА человек, который мог из одной половины мира любого посадить в тюрьму, а из другой половины - любого убить, всевластный министр, перед которым впадали в бледность генералы и маршалы теперь смотрел на этого шуплого зека с любопытством. Миллионы людей арестовав и осудив, он сам давно уже не видел их близко.@ (1, 108-109)

Глава не случайно поставлена сразу за предыдущей. Её задача - сменить впечатление, облегчить восприятие текста - А...звонким юношеским смехом, никогда не раздававшимся под этими сводами расхохотался Пряничков.@ (1, 109) Точно также к концу книги писатель облегчает повествование пародическим розыгрышем (глава 55 Князь Игорь) и сочной сатирой (глава 59 Улыбка Будды). Даже в ААрхипелаге ГУЛаг@ Солженицын наряду с рассказом о муках и смерти пользуется всеми видами юмора, которые оживляют повествование или подготавливают читателя к дальнейшим потрясениям. Таков макроритм повествования, внутривроманная смена жанров.

А... вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей н е в с ё. Но человек, у которого вы отобрали в с ё, - уже не подвластен вам, он снова свободен.@ (разрядка А.С., 1,113) Это самая главная реплика 18 главы, слова, которые бросает всемогущему министру вызванный ночью вслед за Пряничковым заключенный **Бобынин**, имея в виду под свободным человеком самого себя. Мы уже в 12 главе знакомимся с этим заключённым. Он был доставлен в Марфино из-под Салехарда, из бригады усиленного режима каторжного лагеря, из зева смерти. Выдержать страшные испытания лагеря и закалиться этому человеку помогла не вера, не какая-то особая идея или система. Он закалил себя сам, со временем, через собственный опыт, как кряжистая сибирская лиственница, чью твёрдую древесину уже не берёт топор. Бобынин представляет антипод даже многим заключённым, но особенно разителен контраст между ним и сделавшими успешную карьеру и обласканными системой вольными, особенно тремя лгунами, незадолго до него бывшими на его месте. История Бобынина подробно не освещена, писатель лишь несколькими штрихами показывает его характер, прямой и бескомпромиссный, выделяющий его на любом месте. Он держится с таким презрительным достоинством, что невольно вызывает уважение и даже страх у любого начальника, не исключая и Абакумова. АМожно построить Эмпайр-стэйт-билдинг. Вышколаить прусскую армию. Взнести иерархию тоталитарного государства выше престола Всевышнего. Нельзя преодолеть какого-то странного духовного превосходства иных людей.@ (1,76) Именно от него слышит Абакумов убедительную правду о нереальности выполнить в обещанный Сталину срок данную задачу, о бездарности организации работы в шарашке, в его министерстве, да и во всей стране, и эта правда придавливает его, всемогущего министра, к столу. Из вершителя судеб он превращается в жалкого человека, исполненного страха, потому что АСталин - не прощает...@ (1, 115)

3.10 История инженер-полковника Яконова. Психологический механизм конформистского отношения к действительности. (Бездна зовёт назад. Церковь Никиты Мученика)

Когда ту же тройку вызвали к Абакумову второй раз, той же ночью, сразу после разговора Абакумова с Прянчиковым и Бобыниным, случилось непоправимое: Селивановский был разжалован в лейтенанты и послан на заполярную командировку, Осколупов в рядовые надзиратели в Бутырскую тюрьму, где тот начинал карьеру в 1925 году, а Яконов за обман и повторное вредительство был арестован и послан в таком же синем комбинезоне в ту же семёрку под началом Бобынина своими руками налаживать клиппированную речь. Потом Абакумов одумался и дал последний, такой же нереальный срок - еще месяц, Ак ленинской годовщине®. Первоначальный срок был год, прошло два, и сегодня ночью Абакумов должен был предстать с докладом на кунцевской даче Сталина.

Яконов уже ближе к рассвету подходит к своей Апобеде®, и шофёр не узнаёт своего шефа. АПокойные мягкие, порой надменно-сжатые губы Яконова беспомощно тряслись... Яконов неподвижным бессмысленным взглядом упёрся вперёд, в ничто.®(1, 178) В экзистенциальной философии существует термин Аничто® - ANichts®, пустота, бездна, постоянно присутствующая в жизни, но человек замечает её, только попадая в Апограничную ситуацию®, и исполняется ужаса перед ней, оставшись с ней один на один. Как не похож Яконов теперь на того представительного Аосанистого вельможу с золотым пенсне на дородном носу®, с которым мы знакомимся в главе АРозенкрейцеры®. Исчезли Аего величественные движения®, Абарские манеры®, та его власть над людьми, когда одной короткой записью в настольном блокноте он решил судьбу Нержина: АНержина списать®. Как далёк он был тогда от мысли, что подобное может произойти и с ним.

Отпустив машину и бредя пьяной походкой по рассветной набережной в сторону устья Яузы, Яконов размышляет о своём прошлом и о тех А...ради кого извивался, боролся и тиранил ... о двух девочках восьми и девяти лет и о жене Варюше, тем более дорогой, что он не рано женился на ней. Он женился тридцати шести лет, едва выйдя оттуда, куда его опять толкал железный кулак министра.®(1, 180) Молодым инженером-радиостом он дважды побывал в заграничных командировках, из-за которых и сел в тридцать втором году. Тогда он попал в число первых зеков, из которых формировали одну из первых шарашек. Шесть лет, проведённых там, Яконов считал позором и величайшей неудачей своей жизни. Он изо всех сил стремился забыть своё тюремное прошлое. Система не доверяла тем, кого когда-то покарала. Не только их анкета была испорчена, но и само прошлое пребывание в лагере или тюрьме грозило автоматически повторным сроком. АТак и Яконов, уже год назад обречённый как бывший зэк, теперь повторно обрекался как вредитель. Бездна звала своих детей назад.® (1, 182)

Яконов смотрит с парапета набережной на чёрное гнило-зимнее пятно разводья на льду реки, и грозящая ему тюрьма представляется чёрной бездной, зовущей его назад. Незаметно для себя он пересекает набережную и взбирается через пустырь к небольшой горке с почему-то знакомыми ему белыми

ступенями. Эти белые ступени ведут к паперти полуразрушенного храма, откуда открывается дивный вид на излучину реки Москвы и Кремль.

А Яконову стало горячо в глазах... Двадцать два года назад он стоял на этом самом месте с девушкой, которую звали Агния.^{@ (1,183)} Этот короткий путь совершил разительную перемену как в городском пейзаже, так и в настроении Яконова: от чёрного пятна воды, от бездны - восхождение вверх к холму как бы над городом, как бы и не в городе; от ночного тумана к рассветной ясности утра; от главной тюрьмы страны к одновременно разрушенному и уцелевшему^{@ (1,183)} храму и красоте открывшейся панорамы Москвы; от мыслей о тюремном прошлом к воспоминанию светлому и чистому; от гонки последнего времени к вдруг дарованной передышке; от мужского общества заключённых и угроз начальников к златокрылой девушке по имени Агния.⁴¹

Следующая 25 глава романа АЦерковь Никиты Мученика[@] переносит нас в 1927 год. Яконов вспоминает свою невесту Агнию, с которой они смотрели золотым осенним вечером на Москву с паперти этой тогда ещё действующей церкви. Это была необыкновенная девушка, не похожая ни на кого из тех, что Яконов знал до неё и позже, но по какому-то странному закону дополнения они сблизилась тем летом 1927 года, когда жили на соседних дачах. Ему тогда было 26 лет, ей - 21, и жизнь только начиналась.

А эта девушка была откуда-то не с земли. По несчастью для себя она была утончена и требовательна больше той меры, которая позволяет человеку жить...

Никто и никогда не говорил Яконову столько суровых слов, так не упрекал его за поступки, как будто вполне обыкновенные, - она же поразительно усматривала в этих поступках низость, неблагородство. И чем больше она находила недостатков в Антоне, тем больше он к ней привязывался, так странно.^{@ (1,184)}

Он был умён и талантлив и уже тогда понял, что для удачи требуется не рассуждение и сомнение, а *твёрдое следование общей линии*. И что может быть привлекательнее общества, где никто не будет иметь привилегий перед другими ни в доходах, ни в положении, - говорит Антон Агнии. К тому же и происхождение Антон имел такое, что надо было скорее примкнуть, пока не поздно, - сообщает нам ремаркой в скобках автор. (1,189)⁴² Через это замечание читатель понимает истинные мысли Антона и вместе с тем психологический механизм конформистского и в конце концов крайне фарисейского отношения к действительности. Поставив перед собой цель

⁴¹ Имя ААгния[@] от греческого (agnos) - чистая, неспорченная или от латинского (agnus) агнец.

⁴² Скорее всего Яконов происходил из дворянской семьи, это подтверждает и его портрет из главы АРозенкрейцеры[@]: АИнженер-полковник Яконов, за пятьдесят лет, ещё в расцвете, роста выдающегося, с лицом, может быть чуть припудренным после бритья, в золотом пенсне, с мягкой дородностью какого-нибудь Оболенского или Долгорукова, с величественно-уверенными движениями, выделялся из всех сановников своего министерства. (1, 59) Происхождение из аристократической семьи конечно скрывалось в сталинское время. (Г.М.Маленков был, впрочем, тоже дворянин) Интересно, что кроме Солодина в романе есть еще один аристократ из второстепенных персонажей романа - АПремьер-стукач[@] Сиромеха, у которого свои способы выжить в этой жизни. АРод Сиромехах был дворянский, хотя худой. Вначале века один из Сиромехах был композитором, другой по уголовному делу сослан на каторгу. Ещё один Сиромехах решительно пристал к революции и служил в ЧК^{@ (2, 254)}.

преуспеяния, достижения прежде всего благ материальных, Яконов, как и любой конформист в любом обществе, вырабатывает в себе выборочное отношение к действительности, принимая и видя только то, что ему выгодно, заглушая при этом голос совести, и, таким образом, далеко уходит от своих юношеских идеалов общества без привилегий. Как и для большинства благополучных и сытых людей советского общества, эти идеалы становятся для него риторикой, дежурной фразой, одним из правил игры. АРано в молодости подхватил Антон и усвоил ходячую фразу : Авсе люди сволочи@. И сколько жил он потом - истина эта лишь подтверждалась и подтверждалась. И чем прочней он в ней укоренялся, тем больше он находил ей доказательств, и тем легче ему становилось жить. Ибо если все люди - сволочи, то никогда не надо делать Адля людей@, а только для себя. И никакого нет Аобщественного алтаря@, и никто не смеет спрашивать с нас жертв. И всё это очень давно и очень просто выражено самим народом: Авоя рубаха ближе к телу@. (2,224)

Конформизм и честолюбивые стремления - это очень распространённая социопсихологическая модель для любого общества, и любой человек (независимо от национальности, исторического времени, условий жизни), поставивший себе честолюбивые цели приобретения желанных почестей, влияния, положения, власти, денег, может прийти со временем к ощущению бесполезности этой гонки, которая лишает его настоящих ценностей - спокойствия духа, внутренней свободы и радости жизни. В погоне за благополучием индивид может лишиться способности глубоко и спонтанно переживать, утратить чувство своего бытия как главной определяющей силы в своей жизни и иногда даже потерять ощущение себя как единого целого, потерять свою живую душу. Потерю себя Кьеркегор называет Аболезнью к смерти@. (Кьеркегор 1993) Это еще одна вариация фаустовской темы.

Агния предвидит это уже тогда: АНаверно, тебя ждёт слава, удача, стойкое благополучие, - грустно сказала она. Но будешь ли ты счастлив, Антон?.. Заинтересовавшись *процессом* жизни, мы теряем ... теряем ... ну как тебе передать ... вот колокол отзвонил, звуки певучие улетели - и их уже не вернуть, а в них вся музыка.@ (курсив - А.С. 1, 190-191)

Агния происходила из семьи, которую знали все московские народовольцы⁴³, потому что её бабушка часто приючала их у себя и помогала, чем могла. Её дочери прятали подпольщиков-эсеров и социал-демократов. Так и Агния переняла у них: всегда быть на стороне тех, кого преследует власть. Она настаивала, что *Атеперь-то* было бы низко избегать церкви@(курсив - А.С.), и хотя в семье был стойкий антицерковный дух, Агния, к ужасу матери и бабки, стала ходить в церковь, невольно вникая во вкус богослужений.⁴⁴(1, 188) Она спорит с Антоном о положении церкви в советском обществе и истории, но не находя убедительных исторических аргументов и не умея передать ему своей веры, стихает в грустном недоумении. АА ты никогда не задумывалась - как

⁴³ Солженицын описал эту семью подробнее в АКрасном Колесе@

⁴⁴ @Я знал таких девушек. Они появились в двадцатые годы, когда присоединение к Церкви означало преследование, конец карьеры и в ближайшем будущем исповедничество (ссылка) и мученический венец... В Древней Руси такие шли в монахини, из них вырастали святые - Евросиния Полоцкая, Анна Кашинская, боярыня Морозова, княгиня Урусова.@ (Краснов-Левитин 1983, 74)

могла наша церковь пережить двести лет татарского ига?@ - озадачивает её Антон. @ - Значит, глубока была вера? - догадывалась она. - Значит православие оказалось духовно сильнее мусульманства?.. - она спрашивала, не утверждала. Антон улыбнулся снисходительно: - Фантазёрка ты! Разве душой своей наша страна была когда-нибудь христианской?.. Церковь наша устояла потому, что после нашествия митрополит Кирилл первым из русских пошёл на поклон к хану просить охранную грамоту для духовенства. Татарским мечом! - вот чем русское духовенство оградило земли свои, холопов и богослужение! И, если хочешь, митрополит Кирилл был прав, реальный политик. Так и надо, только так и одерживают верх.@ (1, 188-189) Снова выбор Яконовым одного удобного факта в пренебрежение ко множеству противоположных.

И далее - о раскольниках и сектантах. Известные обвинения. Данный диалог имеет переключки и с современностью. Спор о положении Русской Православной Церкви при коммунизме не затихает и поныне. Сам Солженицын много раз в своей публицистике и прозе подходил очень критично к церковной истории и писал о пассивности Русской Православной Церкви в советское время, но данный отрывок отличает очень характерная для солженицынской прозы черта: подойдя к такому Аострому вопросу@, автор рассматривает его с точки зрения разных персонажей, и то, что не решается в споре, что не комментируется прямым авторским словом, решается образно, и это разрешает и утишает спор. Агния, решив показать Антону самое красивое, по её мнению, место в Москве, приходит с ним к церкви Никиты Мученика, недалеко от которой и происходит этот спор. Она заходит в церковь помолиться, за ней входит и Антон, хотя уже начались те годы, когда становилось опасным быть замеченным около церкви кем-нибудь из сослуживцев.

После закатной панорамы Москвы и портрета Агнии, сидящей на парапете церковной ограды в золоте лучей заходящего солнца, мы оказываемся в Абельми чудной красотой и светлостью ...@ маленькой церквушке и через авторский текст не только видим, но и слышим, Аобоняем@ ту красоту православного богослужения, которая когда-то тысячу лет назад поразила послов великого князя Владимира.

АБыло два дня до Рождества Богородицы, и читали долгий канон ей. Канон был неисчерпаемо красноречив, лавиной лились хвалы и эпитеты Деве Марии.@ (1, 191) Вспомним возможные эпитеты, не называемые здесь автором:

Невеста Невестная,
Высота неудобовосходимая,
Звезда, являющая Солнце,
лестнице небесная,
село сладкое,
заря таинственного дня,
цвет нетления,
древо светлоплодное,
луч умнаго Солнца,
светило незаходящего света,
баня, омывающая совесть,
чаша, черпающая радость ...

- и множество других.

А... и в первый раз Яконов понял экстаз и поэзию этого моления. Канон писал не бездушный церковный начётчик, а неизвестный большой поэт,

полонённый монастырём; и был он движим не короткой мужской яростью к женскому телу, а тем высшим восхищением, которое способна извлечь из нас женщина.@ (1, 191)

Так через воспоминание Яконова перед нами возникает удивительный образ сначала девочки-женщины, невесты, оказавшейся вскоре без жениха, златокрылой в своей жёлтой шали, сидящей в свете закатного солнца на парапете ограды, а потом, как ещё одна ступень вверх, образ Богородицы, не только как иконы или церковного догмата, но и как образ вечной одухотворенной женственности, вдохновлявший Пушкина и А.К.Толстого, Владимира Соловьёва и Достоевского.⁴⁵ После этого воспоминания, катарсической кульминации главы, Яконов замечает окружающее его запустение, механически отмечает бессмысленность разрушения шатровой колоколенки и длинной лестницы к реке, заглядывает в оконце храма, как в склеп к мертвецу (груда битого камня и мусора), и, чувствуя замедление в бое сердца, припадает к ржавому косяку железной двери, не распахивающейся уже много лет.

АЛедяным напугом в него опять вступила угроза Абакумова.@ (1, 192) Одной короткой фразой Солженицын описывает сердечный приступ у Яконова. Выхода нет. И даже это воспоминание, мелькнув непонятным волнующим прохлѐстом, не помогает герою понять, где и когда он заблудился.

Приехав в том же 1927 году из заграничной командировки, Яконов не осмелился не подписать предложенную ему газетную статью о разложении Запада, его общества, морали и культуры. Его вызвали тогда в партком, хотя Яконов и был беспартийным, и Аочень настаивали@. Будучи умным человеком, Яконов понимал, что это ложь, но ложь, ему подумалось, такая, которая вряд ли кому-то может прямо повредить.@Неужели Европа от неё пострадает?@ Писатель здесь, как и во многих случаях ранее, передаёт по-толстовски всю цепь размышлений героя, его внутренний монолог, и тем самым описывает еще один шаг, из подобных которому и составила вся Аудачная карьера@ талантливого тактика Яконова. Заметка была напечатана, а после этого Яконову пришла бандероль от Агнии с подаренным им золотым колечком и с привязанной ниточкой бумажкой АМитрополиту Кириллу@. Тогда он испытал лишь чувство облегчения, вполне уже уверившись, что без голоса совести, без болезненных размышлений и без этой трудной девушки можно прожить гораздо проще и удачнее.

В этой главе мы ещё раз видим, как автор мастерски освещает внутренний мир человека, историю того или иного персонажа, попадающего как бы в фокус лучей прожектора, когда требует этого развитие сюжета, и как автор оставляет данного героя совсем, когда появляется новое действие и новые лица. Так и с Яконовым читатель теперь встретится только в 79 главе АРешение объясняется@, где Сологдин сыграет с ним в рискованную игру и в конце концов даст ему маленький шанс спасти положение. Интересно отметить развитие образа Агнии. Воспоминание о ней ещё раз появится у Яконова в той же 79 главе, но уже не

⁴⁵ К несомненным удачам Солженицына среди всех его женских образов Ж.Нива относит образы Аженщины, которых нет@: Надю - жену Глеба Нержина, Агнию - потерянную невесту Яконова, Вегу из АРокового корпуса@. Агния, по его мнению, лучше всех выражает тайну женщины. (Нива 1992, 87)

как воспоминание о начале сознательной жизни, молодости, одухотворенной женственности, а как символ краха карьеры, ледяного сердечного ужаса и смерти.

3.11 Клара. Пробуждение сознания. (И у молодых. Женщина мыла лестницу. Псы империализма)

Хотя ГУЛаг и скрыт завесой секретности, через множество живых людских связей он воздействует на Аволю®, пробуждая часто в тех, кто соприкоснулся с ним, переоценку ценностей, самостоятельное мышление, жажду правды.

Такое пробуждение самосознания и постепенное освобождение от лжи идеологических догм автор особенно пристально освещает через историю двух своих героев - Клары и Иннокентия.

Атмосферу семьи прокурора по спецделам (т.е. тайным политическим делам) генерал-майора Петра Афанасьевича Макарыгина хорошо передают уже имена его дочерей. Динэра значит ДИтя Новой ЭРЫ, Дотнара - ДОчь Трудового Народа. Младшую же звали просто Клара... Их мать умерла при рождении Клары, и воспитывала девочек мачеха. А две старших сестры разобрали на себя всю красоту, и Кларе не осталось ни красоты, ни даже милловидности... У неё было чистое прямое лицо, но слишком мужественное. По углам лба, по углам подбородка сложилась какая-то твёрдость - и Клара не могла её изгнать, да уж и не следила за этим, примирилась.® (1, 323)

В ней с детства развилась наблюдательность, а врождённое чувство справедливости заставляло её часто замечать полное несоответствие провозглашаемых идеологией норм и живой жизни. Три года они прожили в эвакуации в Ташкенте. А в их покойную квартиру ... с надёжно зашторенными окнами, не проникали зной юга и горе города.® (1, 323) Завеса благополучия, отделяющая девочку от жизни города и страны, всё же непрочна, и постепенно Клара замечает такие подробности жизни вне дома, которые не могут не влиять на неё. Так она отмечает, что из Ташкента взяли в армию многих мужчин, Ано вдесятеро наехало их сюда ... у Клары было неконтролируемое ощущение, будто сток нечистот омывал её здесь, чистота же подвига и вершина духа - вся ушла за пять тысяч вёрст.® (1, 323)

По совету Динэры после школы Клара выбирает литературный факультет университета, хотя не чувствует никакого интереса к литературе, изучение которой было схематичным и целиком подчинённым идеологии. А Сидя на лекциях и сперва ходя на эти кружки, Клара всё ждала, что ей скажут что-то очень главное о жизни, вот об этом тыловом Ташкенте, например.®(1, 325) Своего жизненного опыта у Клары пока никакого, но тем более восприимчива она к опыту других, к тому, что она слышит и видит вокруг себя. Так, на неё производит большое впечатление трагическая смерть брата её одноклассницы, зарезанного трамвайной развозкой с хлебом, когда он с друзьями хотел стащить на ходу ящик. Она видит, как выброшенный ею в урну недоеденный бутерброд достаёт студент её же курса и кладёт себе в карман. На Тезиковом базаре она встречает множество калек, особенно страшен Асамовар® без рук и ног, жена-пропойца носит его за спиной. Тысячные цены, взвинченные спекулянтами,

никак не соразмерны зарплатам. АОб этой жизни на литфаке не говорили и как бы даже не знали ничего.® (1, 325) На втором году она забрасывает литфак, а через год по возвращении в Москву Клара, устав от беспредметной болтовни на литфаке, выбирает институт инженеров связи. Выбор опять был случаен, но никто не подал ей вовремя доброго совета, и она упрямо решила доучиваться и Аработать, как придётся®.

Осенью сорок пятого отец Клары демобилизовался и сразу получил квартиру в новом доме МГБ на Калужской заставе, которую они поехали посмотреть. Дом являлся так называемым режимным объектом, строился заключёнными. С одной стороны строительство было обнесено забором с колючей проволокой, и над ним возвышались охранные вышки. Ни прохожие, ни будущие жильцы привычно не замечают этого. Острова ГУЛага могут располагаться в центре столицы, но людям, озабоченным своими бытовыми заботами, недосуг вглядываться и вдумываться. Однако для Клары одно впечатление того дня осталось в памяти надолго, вошло в её жизнь как какой-то постоянно присутствующий факт. Когда отец с мачехой поднялись по лестнице вестибюля, где грязно одетая женщина склонясь мыла пол, то, остановившись и пропустив Амногоскладчатую надушенную юбку®, женщина подняла лицо, и её взгляд встретился с глазами Клары. ®Её жгучий презирающий взгляд опалил Клару. Обданное брызгами мутной воды, это было выразительное интеллигентное лицо. Не только стыд за себя, который всегда ощущаешь, обходя женщину, моющую пол, - но перед этой юбкой в лохмотьях, перед этой телогрейкой с вылезшей ватой Клара испытала какой-то ещё высший стыд и страх! - и замерла - и открыла сумочку - и хотела вывернуть её всю, отдать этой женщине - и не посмела.® (1, 328)

Уже переехав в этот дом, Клара будет часто вспоминать эту женщину и её лицо и каждый раз сторониться в этом месте лестницы. Этот случай сыграет в её жизни роль катализатора, пробудив в душе и сознании чувства страха и стыда за ложь, в которой она должна участвовать, за несправедное благоденствие, и новое, еще более сильное, чем раньше, стремление к правде. Неслучайно вся 43 глава, посвященная Кларе, так и называется АЖенщина мыла лестницу®.

Работа в Марфино открывает перед Кларой новый мир людей, с которыми она не могла доселе нигде встречаться. Хотя в инструктаже и напутствовали её, что ей придётся работать с Апсами мирового империализма и американской разведки, нипочём продававших свою родину®(1, 349), её страх и подозрения быстро рассеялись, когда она познакомилась поближе с тремя вакуумщиками: угрюмым Двоетёсовым, добродушным Земелей и влюблённым в неё Руськой. Руська рассказал ей свою историю, и Клара поражается ничтожной причине его ареста (ловил рыбу с американцами, снимавшими дачу в их деревне) и авантюристичности его натуры. С Руськой они много и свободно говорят о кастовости общества, о привилегиях, о противоречии школьных норм жизни. ®... в школе говорят красивые слова, а дальше не ступишь без блата, а нигде нельзя без лапы - так и мы растём продувные, нахальство - второе счастье! (1, 320) - исповедуется Руська Кларе. Она отвечает ему большой симпатией, и неизвестно, чем бы кончился их роман, если бы не арест Руськи.

Однажды про встречу на лестнице Клара рассказывает Иннокентию, смутно угадывая в нём родственную душу, такую же ищущую, как и её собственная. Они отправляются вдвоём в подмосковную прогулку, и

Иннокентий, обречённый на тайну, так и не открыв своих сокровенных мыслей, всё же делится с ней своим опытом: он учит её читать советские газеты и понимать то, что скрыто между строк, рассказывает немного, но правдиво о западной жизни, даёт свои оценки увиденному ими в деревне.

Главное же, благодаря своему дару сочувствия и сопереживания, Клара улавливает в нём гораздо больше, чем он может объяснить ей словами, и короткое дружеское общение с ним, также как любовь и доверие Руськи окажутся для Клары важнее её семейных связей и круга Адрузей@ семьи. А... от рассказа стеклодува вдруг осветилась подозрением её голова, что среди этих синих комбинезонов могут встретиться и другие вовсе невинные. А если так - то не осудил ли и её отец когда-нибудь тоже невинного человека?..@ (1, 353)

С её решительным характером в ней зреет бунт против отца, и если пока это проявляется в ироническом подтексте её уже довольно смелых ответов отцу, то в будущем может привести к полному разрыву с ним и другим трудностям в жизни. Также как и остальных героев, автор оставляет Клару на этом её переломе. Она даже ещё не знает об аресте Руськи. Её будущий путь намечен развитием её личности, но скрыт от читателя. У героев романа нет будущего, есть только прошлое и настоящее, и это одна из особенностей композиции произведения.

Роль Клары среди других представителей власти важна потому, что она единственная среди них, в ком зреет осознание несправедливости режима, а также бунт и протест против него. Таким образом, писатель показывает, что бунт против бесчеловечной власти возможен и изнутри самой власти и путь к нему - очищение от лжи своей души, чуткое восприятие живой жизни и бесстрашное стремление к истине. Характерно, что единственный герой романа кроме Иннокентия, в ком совершается поворот к бунту в недрах самой системы власти - женщина, и это подчёркивает значительность и многообразие женских образов романа, которые несут в отличие от мужских персонажей в некотором роде и символическую функцию. У всех у них, независимо от того, насколько развёрнуто дан персонаж, превалирует какая-то одна черта характера, одна сторона их личности. Можно сказать, что они похожи на статуи эпохи классицизма. Если Надя персонифицирует верность, Агния - христианский нравственный идеал, Симочка - влюблённость, Дотти - чувственность, женщина на лестнице - совесть, то Клара - справедливость и готовность к бунту.

3.12 В системе ли зло?

Роман АВ в круге первом@ представляет нам скрупулёзное и детальное рассмотрение всех ступеней сталинской машины власти от рядовых исполнителей, подчас даже не понимающих и не задумывающихся, чему они служат, до самого Сталина. Этот inferнальный мир Апервого круга ада@ является как бы прологом или увертюрой к настоящему Асхождению во ад@, явленном в ААрхипелаге ГУЛаг@, но уже в АКруге первом@ мир зла и насилия исследуется писателем скорее феноменологически, чем номологически, то есть

Солженицын постоянно имеет дело с фактами, живой эмпирией, а не с безликими законами истории и идеями.⁴⁶ Этому способствует и то, что события, описанные в романе, не выдуманы и большинство героев реальны и имеют своих прототипов, также реально и место повествования. Любое свидетельство о системе, эпохе, структуре власти всегда даётся через конкретного человека, через свидетеля, и это придаёт тексту неопровержимую силу. Таким образом, солженицынский Аад[@] не потусторонен, не имеет никакого внешнего мистического источника зла, не является самой в себе обоснованной сущностью, он сугубо реален, конкретен и личностен, хотя и носит личину лжи. Обличение этой лжи, страстное свидетельствование против лжи, обступающей человека со всех сторон - лжи о режиме, обществе, истории, тюрьмах, народе, войне - придаёт скрытый пафос всему повествованию в романе.⁴⁷ Каждый герой подвергается Солженицыным как бы просвечиванию на своеобразном детекторе лжи.⁴⁸

Почти в каждой судьбе любого из представителей власти Солженицын находит тот момент, когда человек сознательно или неосознанно (как, например, Симочка) Апродаёт свою душу[@], заключает сделку с властью, получая взамен определённые привилегии, власть над себе подобными, или делает это просто из трусости и чувства самосохранения. Можно сказать, что всё это варианты Афаустовской темы[@]. Среди героев АКруга первого[@] нет двух одинаковых историй - эта сделка могла быть совершена тысячами способов и из-за тысячи разных причин. Редкое исключение являют те, кто совершает эту сделку из-за слепой веры в коммунистическую идею, как Мамурин. Большевики с самого начала делали ставку на самые низкие качества человека, и наверх, как по какому-то биологическому отбору, поднимались люди трусливые, лживые, корыстные и бездарные. Биологическая природа этого явления подчеркивается писателем через яркие сравнения и метафоры. Например, голова генерала Бульбанюка сравнивается с Абольшой непомерно разросшейся картошкой с выступами носа и ушей.[@]

Другой способ привлечения к Асотрудничеству[@] был лишение человека всего самого насущного вплоть до свободы и затем постепенное возвращение ему элементарных прав в зависимости от пользы, какую он приносил режиму. Выбрав путь сотрудничества с режимом и стремясь сделать свою карьеру, человек ещё более развращался приобретаемой властью и в конце концов становился заложником той системы, служение которой он раз избрал. В романе

⁴⁶ Так как роман, помимо прочего, можно считать и историческим, то мы воспользовались здесь терминологией историка-теоретика Н.Кареева, см. Кареев 1887, 17.

⁴⁷ Гальперин в своей статье о лжи в романе АВ круге первом[@] выделяет три уровня обличения лжи: эмпирический, психологический и метафизический. АWhat shall be called the *empirical* lie is the most obvious. It involves a variety of deceptions in the external order of society - mendacious newspaper articles, falsified production statistics, blatant propaganda, and so forth. All these, however, are products of a pragmatic or *psychological* lie whereby a new, warped code of moral conduct undermines and replaces the individual's ethical system.... The metaphysical lie deforms the general world view of individuals or of an entire nation, (their value systems and modes of thought)[@] (Galperin 1975, 260-261)

⁴⁸ АIn every moment one must refuse the lie else he will be bound by it.[@] (Nielsen 1975, 53)

к таким героям относятся лейтенанты Смолосидов, Шустерман, генерал Бульбанюк, старший следователь по спецделам Рюмин, министр Госбезопасности Абакумов. Хотя каждый из них и сделал успешную карьеру и добился определенных благ, он не застрахован от низвержения в бездну, каждый из них живёт в плену собственного страха и старается не допустить промаха или ошибки.

Особенный интерес для писателя представляет путь приспособления и конформизма тех, кто отличается умом и способностями и понимает суть происходящего, всю чудовищность системы, с которой вступает в сговор. Такова в романе история инженера Яконова. Автор ясно показывает, что ситуация отказа от себя, от своих принципов и взглядов в обмен на жизненные блага, удачу и успех - это прежде всего ситуация свободного человеческого выбора, и человек несёт личную ответственность за этот выбор в течение всей его жизни и расплачивается за него потерей своей живой души, Аболезнью к смерти®, по выражению С.Кьеркегора.

Из таких личностных выборов и складывается, по Солженицыну, судьба нации. АГлавный ключ нашего бытия или небытия - в каждом отдельном человеческом сердце, в его предпочтении реального Добра или Зла®, - скажет он в Темплтоновской лекции. (Солженицын 1995-1997, т.1, с. 455) Способность к компромиссности обусловлена не только желанием самосохранения и стремлением к материальным благам, но и глубоко распространившимися идеями безбожного и безрелигиозного гуманизма и ослаблением ценностей, утверждаемых христианской цивилизацией. Это та весть, которую несёт в романе невеста Яконова Агния, её история неслучайно соположена в романе истории Яконова.

Отдельные главы романа посвящены Апрофессии® оперчекиста. Через сатирическое освещение работы оперуполномоченных Шикина и Мышина, описание их псевдодеятельности, механизма вербовки осведомителей и Аработы® с ними Солженицын показывает скудость их мышления и душ и моральное превосходство заключённых.

Хотя преимущественный подход писателя к изображению представителей власти и основан, как правило, на довольно прямолинейном, то есть ясном и твёрдом различении писателем той межи, которая пролегает в душе каждого человека между добром и злом и которую не может скрыть никакая увёртливая ложь, всё же следует отметить, что эта граница всё время подвижна, и иногда даже Алюдоеды® совершают добрые поступки, не осознавая порой и сами их причин, как полковник Климентьев или лейтенант Наделашин. Порой же сама жизнь вносит такие коррективы в картину мира, созданную пропагандой, что человек начинает задумываться и меняться, как меняется Симочка под влиянием своей любви к Нержину или Клара, после случая на лестнице, разговоров с Руськой и Иннокентием упорно пробивающаяся к правде и начинающая постепенно думать самостоятельно. Через последнюю героиню писатель показывает нам возможность бунта и освобождения души в недрах самой системы власти.

Средства, которыми Солженицын пользуется в создании образов представителей власти, очень широки и разнообразны - это и портрет, и биография, и использование документа, и история жизни героя, становление души, и все виды сатиры, и постоянное сопоставление с миром заключённых, и

авторский комментарий, но главный излюбленный писателем художественный приём - Авживание® в героя. Автор как бы начинает говорить его голосом и, используя несобственно-прямую речь, вызывает его на самовыражение. При этом он внимательно и иронически беспощадно следит за тем, соответствуют или нет слова, мысли, чувства и поступки героя действительности. Следует отметить, что по сравнению с шестой версией романа, усилена психологическая проработка многих персонажей. Писатель широко пользуется внутренним монологом для раскрытия внутреннего мира своих героев, показывает нам всю длинную цепочку причин и следствий, в результате которой герой совершает тот или иной поступок.

Таким образом, зло у Солженицына не в безличных Асистемах® и Аструктурах®, не в пленённости человека какой-то стихийной силой, оно всегда в человеке и через человека. АЗло это всегда и, прежде всего, злые люди, люди, выбравшие и всё время выбирающие зло, люди, действительно выбирающие служить ему. И потому зло - это, каждый раз, падение, - это, каждый раз, выбор.® (Шмеман 1970, 85-86) Кошмар Марфина в отличие от АПроцесса® Кафки, где герой - жертва безличного и абсурдного зла, в том, подчёркивает А.Шмеман, что Алюди - живые, конкретные, Аличные® люди мучают других людей и в том особенно, что они могли бы, если бы только захотели, **не** мучить. ... Зло всегда остаётся у Солженицына в сфере **нравственного** и, следовательно, личного. Оно всегда отнесено к той совести, которая дана человеку. Оно не недостаток, не отсутствие, не слепота, не безответственность - оно предательство человеком своей человечности, **падение**.А (там же, выделено А.Шмеманом, с.86) Поэтому Солженицын, имеющий большее нравственное право на Аморальное сведение счетов®, на распределение всего по категориям Аположительного® и Аотрицательного®, Абелого® и Ачёрного®, чем любой другой писатель во всей истории литературы, как раз этим правом не пользуется, а творит свой мир в совсем другом измерении - в измерении христианской культуры с её Атриединой интуицией сотворённости, падшести и возрождённости.®(там же, с.83)

Роман АВ круге первом® еще раз подтверждает христианский тезис о вторичности зла.

4 ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА

4.1 Нация и индивид. История Льва Рубина. Идеология коммунизма как вера. Кольцо обид Адама Ройтмана. (Протестантское Рождество. Кольцо обид.)

Пятеро немецких военнопленных отмечают в тюрьме западное Рождество 1949 года. Перед ужином один из них читает Апротестантскую рождественскую молитву[@] (скорее всего рождественское евангелие). Их охватывает А... горько-сладкое ощущение родины - устроенной, устоявшейся страны, милой Германии, под черепичными крышами которой был так трогателен и светел этот первый в году праздник.^{@ (1, 25)⁴⁹}

Шестой среди них - Лев Рубин, еврей и коммунист, один из четырёх главных героев романа. Солженицын, возможно, первый послевоенный русский писатель, кто индивидуализирует немецкого противника. Несмотря на то, что немцы описываются крайне скудными средствами и только в этой одной главе, писателю все же удаётся придать им индивидуальные черты. Как по характеру, так и по внешности они все различны. Здесь на шарашке их объединила принадлежность к одной нации, праздник, общие воспоминания детства и военные, как, например, Рождество 1944 года, блестящее наступление в Арденнах и речь Геббельса, которую даже Рубин признал удачной. Райнгольд Зиммель Ане оценил тонкой учтивости Рубина[@]. Умный образованный еврей и закоренелый нацист, на лице которого Адаже тюрьма не могла смягчить выражения устоявшейся жестокости^{@(1, 28)}.

---

⁴⁹ Андрей Немзер в своей статье о романе, названной АРождество и Воскресение[@], рассматривает тему Рождества в романе не только в качестве временных рамок романа, но и как идею всечеловеческого родства людей и считает её нервным центром всего романа: АРождественский уют прекрасен, но он не даёт людям сил на то, чтобы стать до конца людьми, выйти из привычных ролей, осознать всечеловеческое братство как единственный идеал. Возможен ли этот идеал в сегодняшнем мире - мире, отравленном ядом тоталитаризма, взаимной ненависти и эгоистического самодовольства? Возможно ли рождество в соседстве с атомной бомбой? Именно здесь, в этом вопросе таится нервный центр романа, и ответ на него даётся писателем очень нелегко.^{@ (Немзер 1990, 32)}

Описывает ли эта сцена столкновение еврейского и немецкого национального духа, их непримиримость? Макс, умно предотвращающий готовую разгореться ссору, ведь тоже немец, как и трое остальных. Но насколько они разные. Они думают, чувствуют и ведут себя совершенно различно. У них разные биографии, разное семейное положение и т. д. Это хорошо понимает Лев Рубин, филолог-германист не только по образованию, но и по призванию. Он способен не судить о всех немцах по Зиммелю и может смотреть на него как на неприятное исключение в ряду других, как на такого человека, которого нужно терпеть из-за других. В тексте не анализируется, из чего в конце концов складывается национальность и как человек понимает чужой ему национальный склад, но и в таком коротком отрывке писатель успевает подчеркнуть то, что нация складывается из многих и многих различных индивидуальностей и что обобщения, стереотипы и механическое объединение на основе кровного родства и языка несколько не приближает нас к истине, хотя эти стереотипы и характерны для человеческого мышления и восприятия. Солженицын говорит в Нобелевской лекции, что Аналии - это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла.[@] (9, 15)

Таким образом, центральная тема четвертой главы - это национальность. Вместе с тем нам приоткрывается внутренний мир **Льва Рубина**. Он, как выясняется, убежденный коммунист, который пытается распространять свои идеи. В своей вере в гуманность коммунизма и в его победу он конечно искренен, но в то же время слеп по отношению к действительности. А... в сложный наш век истина социализма пробирается порою кружным искаженным путем. А поэтому следовало отбирать для них, как и для Истории (как бессознательно отбирал он и для себя) - только те из происходящих событий, которые подтверждали предсказанную столбовую дорогу, и пренебрегать теми, которые заворачивали как бы не в болото.[@] (1, 28)

Авторский голос, вынесенный в скобки, прерывающий размышления героя, дополняющий их, дающий другую точку зрения на предмет и иронично окрашивающий все логическое построение мысли героя, акцентирует внимание читателя на главном в его характеристике. Рубин бессознательно выбирает из потока действительности те события, которые подтверждают его взгляды. Можно сказать, что в его и во многих подобных этому случаях мы имеем дело с **верой**, где за исходную предпосылку, за аксиому принимается абсолютная правда коммунистической идеи. Это чувство управляет разумом, заставляя видеть действительность в ложном свете. А это мученик ложной идеи, и поэтому мученик вдвойне[@], - пишет о Рубине Мария Шнеерсон. (Шнеерсон 1983, 24) С искренностью этой веры у Рубина сочетается ум и доброта, которые, думается, рано или поздно придут в противоречие с той частью действительности, которую чувство до сих пор было способно отвергать. Так, Рубин не мог принять лозунга Акрова за кровь и смерть за смерть[@] и стал жалеть немцев, когда Германия была повержена. Именно за это он и был посажен в тюрьму.⁵⁰ Работая в паре с

⁵⁰ Большинство исследователей и писало о Рубине как о типе религиозном - смотри Dunlop 1973, Ericson 1980, Halperin 1975, Liapunov 1975, Белополюская 1996, Мешков 1993, Нива 1992, Шнеерсон 1984 и др., только Михаил Лифшиц отказал ему в этой трагической раздвоенности доброго сердца и пленённого ума : АКонечно такой человек, как Рубин, мог существовать, но такой человек не может быть трагическим героем ...

Нержиним над секретной телефонией и за два года мало продвинувшись, он неожиданно для себя попадает на горячий участок сугубо секретной работы: неизвестный пытается разгласить секрет о передаче чертежей атомной бомбы, его разговор с посольством записан, и Рубин, благодаря своему Аопыту@ идентификации речи должен найти одного из пяти подозреваемых и тем самым Апослужить родине@. Его привлекают к этой работе не только по профессиональным качествам, но и по идеологическим причинам. Все знают его как верного марксиста. Рубин, как любой верующий человек, сразу же воспринимает задание как Аслужение@ : Аразжалованный, обесщеченный - вот понадобился и он! Вот и ему сейчас доведётся посильно поработать на старуху-Историю. Он снова - в строю! Он снова - на защите Мировой Революции! ... Надо стать выше своей несчастной судьбы! Спасать - идею. Спасать - знамя. Служить передовому строю.⁵¹ (1, 274 -275) Ниже в главе 2.9 настоящей работы мы еще подробнее будем обсуждать Аслужение@ Льва Рубина передовой идеологии, его споры с Сологдиным и его разработку новой науки Афоноскопии@, помогающей изловить важного государственного преступника. Следует отметить лишь важность всех идеологических споров романа не только в идейном отношении, но и с точки зрения сюжета и композиции романа. Так существенное влияние на судьбу Иннокентия Володина окажет именно спор Рубина с Сологдиным.

Новый поворот тема Анационального@ получает в конце книги в 73 главе АКольцо обид@. Заместитель Яконова, начальник лаборатории марфинского института майор МГБ **Адам Вениаминович Ройтман**⁵² просыпается ночью в своей постели от нескладного сна. Тревога от начавшейся еще прошлой весной⁵³ и набирающей силу кампании борьбы с космополитизмом не оставляет его в покое. Аэто началось ещё прошлой весной, началось сперва в театральной критике и выглядело как невинная расшифровка еврейских фамилий в скобках. Потом переползло в литературу. В одной газетке-сплетнице ... кто-то шепнул

-
- 51 Рубин ничтожен.@ (Лифшиц 1990, 76-77)
 Прототип Рубина Лев Копелев в своих воспоминаниях, посвященных жизни в марфинской тюрьме, так пишет об основаниях своей тогдашней веры: Аещё долго я оставался неисправимым Акрасным империалистом@. В моём сознании вызрел весьма типичный для той поры симбиоз советского патриотизма и русского национализма. Едва ли не главным доказательством гениальности Сталина служили мне державные завоевания. Ведь мы всё вернули, что утратили от прежней великой России, и ещё добавили.@ (Копелев 1991, 40)
- 52 Некоторые исследователи, как, например, Краснов 1977, находят сходство с романами Достоевского в системе двойников, присутствующей в романе. (Рубин - Ройтман, Сологдин - Яконов, Нержин - Володин), однако Андрей Немзер более тонко определяет сходство и различие Рубина с Ройтманом: А... начальник и экз друг друга стоят. Недаром они вместе ловят Володина. Недаром они оба евреи. Недаром они мучаются от того, что система их - верных служителей - отвергает. ... Рубин - великий грешник, но тьма всё же не поглотила его души до конца. Человеческое обаяние не индульгенция, но свидетельство тех борений, которые постоянно переживает мечущийся между абстракциями и реальностью, между злом и добром нескладный трагикомический герой. Поэтому и сходство его с Ройтманом - приблизительное, бликующее, ненавязчивое.@ (Немзер 1990, 34)
- 53 т.е. весной 1949 года. Борис Иоффе пишет, что преследование евреев в послевоенном Советском Союзе было частью сталинского плана подготовки к третьей мировой войне. Народу предлагался конкретный образ врага-космополита, и евреи подходили к этой роли по нескольким причинам : 1) неприязнь к евреям была старой болезнью еще русского национального сознания, 2) они выделялись часто талантами и преуспеванием (фактор зависти), 3) многие из них уже были разоблачены как Авраги народа@ (Троцкий и др.), 4) их легко связывать с международным заговором против СССР - см. Иоффе 1999.

ядовитое словцо - *космополит*. И слово было найдено! Прекрасное гордое слово, объединявшее мир ... это слово в газетёнке слиняло, сморщилось, зашипело и стало значить - *жид.*@ (курсив - А.С, 2, 177)

Ройтман, как и Рубин - еврей. Но если Рубин ограждён от этих мыслей и опасностей тем, что уже попал в тюрьму, а значит не может быть преследуем по этому пункту и может спать спокойно, Ройтман чувствует себя уже как бы в ловушке. Его начальник и конкурент Яконов, которого он с группой друзей последние годы стремился опорочить и столкнуть, сейчас Ане устаёт с каждой трибуны напоминать, что космополитизм - злейший враг социалистического отечества А (2, 180) Как человека можно травить за принадлежность к определенной национальности, которая досталась ему от рождения? Ройтман вспоминает времена (в революцию и ещё долго после неё), когда слово Аеврей@ было куда благонадёжнее, чем Арусский@. Он говорит об этом со своим Авнутренним ночным собеседником@, со своей совестью, которая тотчас же напоминает ему факт из его давно забытого пионерского прошлого, когда он с группой товарищей травил мальчика за его происхождение, которое тот тоже не выбирал, и за посещение с мамой церкви. Тогда на мальчика навесили ярлык Аантисемит@, что звучало в те годы также ядовито, как сейчас звучит Акосмополит@. Это далёкое воспоминание заливает Ройтмана стыдом.⁵⁴ Не случайно этот эпизод из далёкого прошлого всплывает в его памяти только сейчас, когда в подобной ситуации оказался он сам. Только сейчас он понимает значение того далёкого поступка и даёт ему нравственную оценку.

Ройтман не может понять, что национальная политика всегда была частью общей тактики большевиков. Национальности перемещали и смешивали как по месту жительства, так и по месту работы. По тактике момента их натравливали друг на друга, и это был один из способов контроля над всем населением. Таким образом, нигде не возникало единого этноса, способного на протест. Из разнонациональных социумов сложно выделять личности. Такое обезличивание характерно не только для тоталитарных систем. АК концу 20 века, - пишет писатель в своей работе АРоссия в обвале@ - каток нивелировки всё жесточе прокатывается по особенностям, характеристикам, своеобразию национальных культур и национальных сознаний - и, сколь удаётся, выглаживает все эти индивидуальные особенности под всемирный (американский, англосаксонский) стандарт... Этот процесс всеобщей стандартизации по смыслу своему - энтропийный. Выравнивая потенциалы различий, он ослабляет способности человечества к развитию духовному, а вослед и к иным видам развития.А⁵⁵

⁵⁴ В последней биографии Солженицына автор приводит случай из детства писателя, когда русского мальчика, одноклассника Солженицына Никольского преследовали одноклассники, обвиняя в антисемитизме. (Интересно, что в романе он даёт мальчику фамилию Рождественский, такую символичную в контексте романа.) Половина класса в этом южном городке были евреи. Саня вступился за него и был также обвинён в антисемитизме и прошёл унизительную процедуру классного собрания. Однако последствия инцидента были не такими значительными, как в романе. Биограф считает всё же, что несмотря на множество близких связей с евреями - из того же источника мы можем узнать, что крестная мать Солженицына была еврейка, близкая подруга его матери, Люба Архангородская, его друзья школьных и студенческих лет, а также его вторая жена - этот эпизод из АКруга первого@ обнажает скрытые симпатии писателя к своей нации и православию. - *Avestiges of his White and Orthodox Christian sympathies... below the surface*@ (Thomas 1998, 68)

⁵⁵ Солженицын 1998, 115

Это воззрение Солженицына объясняет нам то значение, которое он придаёт национальности, и неслучайность обращения его в романе к этой теме, но то, что в публицистике называется прямо и однозначно, в романе решается художественным путём и связывается с проблемами нравственными.

4.2 Глеб Нержин как alter ego автора. Нержин и Рубин В сходства и различия судеб и характеров. Загадка истории: на чём люди заблудились. (Мирный быт)

Глава АМирный быт® открывается описанием главного героя повествования - заключённого **Глеба Нержина**. Дается описание его облика и положения в шарашке. Рассказчик сравнивает его с его ровесником Пряничковым и замечает, что Нержин выглядит старше, серьёзней и опытней: А... уже легли венчики морщин у глаз, у губ, и продольные бороздки на лбу. ... Особенно же его старила скупость в движениях - та мудрая скупость, какую природа хранит иссякающие в лагере силы арестанта.® (1, 36) Нержин, автопортрет автора,⁵⁶ действительно довольно опытный арестант. Он уже побывал в следственных тюрьмах Лубянки и Бутырок, был на общих работах в Новом Иерусалиме и на Калужской заставе в Москве. Его неоднократно переводили на разные, как географически, так и по внутренней лагерной иерархии места. Сейчас ему повезло - он попал на тёплое место, в марфинскую спецтюрьму, где можно посвятить себя умственной работе по специальности. Конечно, за все эти блага надо платить высокой моральной платой: заключённый должен употребить все свои силы, знания и способности для усовершенствования карательной системы. Но Нержин для успокоения своей совести придумал один приём: он не отдаст государству всей своей творческой энергии, он будет только имитировать работу - *Атемнить*®. К такому же способу в Советском Союзе прибегали миллионы и миллионы людей на разных уровнях и во всевозможных областях. Поскольку не было ни малейшей возможности открытого протеста, ему нашлась скрытая замена.⁵⁷

Прямая же их задача - секретная телефония. АТему эту надеялись решить в год, но она уже тянулась два года, расширялась, запутывалась, захватывала все новые и новые смежные вопросы, и здесь, на столах Рубина и Нержина, докатилась вот до распознавания голосов по телефону, до выяснения - что делает голос человека неповторимым.®(1, 37) Задача Нержина и Рубина - придумать определения человеческой индивидуальности. Для них эта тема, с одной стороны, интересна (здесь и научный интерес, и интерес первопроходцев, что особенно видно у Рубина). С другой стороны, её осуществление ставит определенные моральные препоны (усиление слежки за людьми). Поэтому они

⁵⁶ Герой с такой фамилией является главным действующим лицом как ранней автобиографической поэмы АДороженька®, так и неоконченной повести АЛюби революцию®, а также пьес АПир победителей® и АРеспублика труда®. В первой из пьес он капитан артиллерии, место действия - Восточная Пруссия, во второй - заключённый, временно назначенный производителем работ и отстранённый от должности за мягкость.

⁵⁷ По-русски это явление выражается разными словами ненормативной лексики: *туфта, чернуха, темнить, сачковать, кантоваться, филонить, чернуху заправлять*

не очень продвинулись. В главе «Мирный быт» мы застаем их в тот момент, когда Рубин еще не знает о новом сверхсекретном задании, он устал, и у него нет рабочего настроения, Нержин же углубился в своё.

Они иронично болтают о разном, но, как часто бывает, из шутливых реплик выкристаллизовывается одна тема, имеющая уже серьезное продолжение. Так и сейчас, когда Рубин упомянул с завистью о вольных работниках, которые сейчас в субботу вечером уже рассыпались по увеселительным заведениям, Нержин спрашивает: «Но те ли увеселительные заведения они избирают? Больше ли они получают удовлетворения от жизни, чем мы - это ещё вопрос.» (1, 39) Здесь они уже подходят к философской постановке вопроса о наслаждении, параллель которой можно найти, например, у Платона. В его диалоге «Федон» есть рассуждение Сократа о наслаждении. Он говорит об этом в тот момент, когда перед смертью он только что освободился от уз и в последний раз беседует со своими друзьями. Подобными этому философскими рассуждениями, спонтанно возникающими в повествовании, обильно богата вся солженицынская проза. В кажущихся простыми диалогах или в описании разворачивающегося события мы то и дело сталкиваемся с проблемами более общего миросозерцательного порядка. Жорж Нива видит сократическое начало в устной диалогической форме интеллектуальных споров романа и саму форму глав-диалогов считает восходящей к Платону.⁵⁸

У Нержина и Рубина сходные судьбы. Они сражались на одних фронтах, оба в одном месяце арестованы СМЕРШем с фронта и получили приговор по одному и тому же «общедоступному» десятому пункту. Рубин, правда, до сих пор верит в советский социализм и считает и Нержина «нашим советским человеком», потому что «... Нержин сел в тюрьму не за плен и значит не был заражен антисоветским зарубежным духом.» (1, 39) Эта внутренняя позиция Рубина обнаруживает в нём абсолютную жертву советской пропаганды. Взятие в плен, да и малейшее несанкционированное общение с иностранцами считается в сталинизме «заражением»⁵⁹, и это очень подходящее власти, сложившееся уже на уровне рефлекса в обычных советских людях отношение заставляло их рассматривать всё заграничное как чужое и опасное. Так и Рубин, несмотря на своё философствование и высокую образованность, даже после приговора сохранил данный рефлекс, и это говорит о том, что только образованности и начитанности недостаточно для противодействия тотальной «промывке мозгов». Противостоять ей может лишь твердость духа.

Из диалога между Нержиным и Рубиным выступает и разница их характеров. Рубин - человек **экстенсивный**, то есть опирающийся на внешние достижения («Новый человек», в терминах социалистической идеологии). Его интересует всё: финско-монгольский словарь, продвижение китайской революции, Хемингуэй, которого он пытается навязать Нержину. Тот, в свою очередь, относится к типу людей, который можно назвать **интенсивным**, то есть тип человека, направленный на внутреннее развитие. Нержин хочет «ограничиться, направиться куда-то...» Желание познать всё в конце концов расплывает челове-

⁵⁸ Нива 1992, 60

⁵⁹ Считалось, что советский человек не способен правильно понимать западную жизнь. У него даже не было права попытаться понять. Из-за опасной для системы «заразы» государство обрело всю нацию на карантин. После перестройки народ, не получивший прививки, оказался охваченным «эпидемией».

ческие силы и не помогает достичь желанного результата, понять в жизни самые существенные её стороны. Хемингуэй - типичный писатель двадцатого века, который только играет впечатлениями (охота, женщины, вино, бой быков, опасности войны) без того, чтобы осмыслить самое главное : ***на чём люди заблудились***, как мог в России, да и в других точках земного шара, сложиться и утвердиться тоталитаризм.

Последний вопрос остаётся наиважнейшим для русского интеллигента двадцатого века, пережившего действительный метафизический кризис и наследующего традиции великих искателей века девятнадцатого. А Для математика в истории 17 года нет ничего неожиданного. Ведь тангенс при девяноста градусах, взмыв к бесконечности, тут же и рушится в пропасть минус бесконечности. Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, тут же и оборвалась в худшую из тираний. Это и никому не удавалось с одного раза.@ (1, 41)

4.3 Спор Нержина и Рубина о счастье. Их методы наблюдений над жизнью. (Остановись, мгновенье! Пятого года упряжки)

Восьмая глава АОстановись, мгновенье !@ целиком состоит из диалога Нержина и Рубина. Место действия прежнее - Акустическая лаборатория. Рубин, у которого после празднования с немецкими пленными Рождества *лирическое настроение+, предлагает *потрепаться+. Он начинает разговор с фронтовых воспоминаний о том, как однажды на Северо-Западном фронте весь день бродил по мартовскому душистому лесу с девушкой-переводчицей Милкой как раз в тех местах, где в свое время служил и Нержин. Воспоминание о женщине. Важная грань тюремной жизни. Воспоминание о счастье. Старый лагерный волк Жак Росси на вопрос о том, как он смог сохранить душевное равновесие в ГУЛаге, предостерегает именно от этого. Первое, по его мнению, это дисциплина. Второе - не предаваться воспоминаниям о счастливом времени. Как считает Росси, русские (только ли они одни?-П.Ф.) Адемобилизуют свои силы тем, что перебирают воспоминания.@⁶⁰ Так как у заключённых на долгие годы отняты все права, в том числе и на семейную жизнь, то даже рассказ, даже чужой счастливый опыт из жизни на свободе воспринимается как личная победа. Заключённые тоскуют по женщине. АЗэк должен верить, что теоретически на свете еще остались милые живые женщины и они - отдаются счастливым.@ (1, 49) Нержин начинает укорять рассказчика, моралистически рисуя ему картину тыла, где в то время его жена, получив по талонам сахар, считает, как его разделить дочкам на тридцать дней. Это никак не влияет на Рубина, который уверен в своем праве на земное счастье. После этого разговор, как это бывало раньше, переходит на философские темы. Нержин вспоминает молодого московского профессора истории Разводовского, который в камере Бутырок доказывал старым фронтовикам соображениями социальными, историческими и этическими, что в войне есть и хорошее. Нержин слушал тогда молча. У штатского профессора были сильные аргументы, которые казались убедительными,

⁶⁰ Цитируется по интервью с Жаком Росси, "Аргументы и факты" 1-2, 1997.

Ано я не осмелился спорить с солдатами@, - говорит Нержин. Далее следует интересная цепь умозаключений, цель которых дифференцировать ад (т. е. фронт, ГУЛаг), разделить его на различные сферы. Нержин служил в артиллерии, Рубин - в специальном отделе, и ни тот, ни другой не были в пехоте на передовой, у них не было своего боевого порядка, отступление с которого грозило смертью. Именно поэтому Лев был, по мнению Нержина, полный "придурак", не считая тех кратких боев, в которых нужно было действительно воевать. АИ вот в нашей лживой памяти ужасное тонет ...- Да я и не говорю ... (Рубин уже почти сдаётся - П. Ф.) - ... а приятное всплывает. ... - Да я не говорю, что хороша, но вспоминается хорошо. - Так и лагеря когда-нибудь хорошо вспомним. А (1, 50)

Одно из ключевых понятий Аада@ у Данте - множество его уровней и дифференциация наказаний. Но если для Данте Аад@ трансцендентален (хотя поэт и населяет его многими представителями своей и других эпох), то для Солженицына и Шаламова гулаговский Аад@ посюсторонен, и их описание этого Аада@ строится целиком на основе собственного реального опыта и вбирания в себя опыта других.

Итак, в аду есть различные круги, это не монолит. И в пересылочной тюрьме кто-нибудь из заключённых мог устроиться на тёплое место и жить припеваючи, но память Льва отказывается вспоминать о пересылках хорошее, так как администрация украла там его чемодан. Отсюда снова начинается вечный, толстовский спор о человеческом счастье и возможности его достижения. После некоторого введения, претендующего на академичность (об этимологии слова "счастье"), тюремные философы решают обратиться в качестве культурно-философской опоры к роману Гёте АФауст@, который Лев Рубин хорошо знал. Одна из основных тем АФауста@⁶¹ - вечный поиск в области знания и в области жизни, неудовлетворённость ничем ограниченным. Мефистофель ждёт от Фауста именно этого восклицанья: АОстановись, мгновенье, ты прекрасно!@ Но напрасно. Ничто не кажется Фаусту достойным того, чтобы быть в главенствующем, постоянном, независимом от времени состоянии, пока, наконец, в его старческом мозгу не сверкнула великая идея - осчастливить человечество. Другими словами, только утопия⁶² вырывает из груди Фауста эту сакраментальную фразу. АЧто же это - гимн счастью или надсмешка над ним?@ спрашивает Рубин. Даже Нержин оказывается во власти рассуждений своего собеседника, и кажется, это и есть последнее слово в их диалоге, поддержанное авторитетом Гёте, но далее следует удивительный поворот, исправление, которое вносит в концепцию Рубина (и вместе с тем великого Гёте) сама жизнь. На основе толкования "Фауста" Рубин приходит к мысли, что счастья нет, что оно или недостижимо или иллюзорно... Он говорил об этом на одной из своих довоенных лекций. АИ вдруг мне подали записку, вырванную из миниатюрного блокнотика с мелкой клеточкой: АА вот я люблю - и счастлива! Что вы мне на это скажете?@ - И что ты сказал? - А что на это скажешь?..@ (1, 52)

Конец восьмой главы с точки зрения предмета спора кажется удачным: спор кончается неопределённым В АА что на это скажешь?@ И так, счастье нельзя определить, оно не подвластно ни точному знанию, ни философскому постижению. Влюбленная девушка счастлива, и В Ачто на это скажешь?@ Нержин всё же

⁶¹ Смотри Жирмунский 1996, 66-67

⁶² Явный намёк Солженицына на социалистическую утопию с её строительством каналов

не сдается так легко. Он пробует подойти к вопросу о счастье с совершенно иной точки зрения. От общепринятых положений: смысл жизни - в самой жизни; счастье - это когда очень хорошо - его отучила *благословенная тюрьма*, которая заставила его задуматься.⁶³

АЧтобы понять природу счастья, - разреши мы сперва разберём природу сытости.@ (1,52) Постоянное неудовлетворение основных жизненно важных потребностей человека в лагере опускает шкалу человеческого благополучия существенно ниже, чем на воле. От гораздо менее значительных, по сравнению с прежним, причин человек может быть несравненно более, чем раньше, счастлив. Он, как тонкий музыкальный инструмент, реагирует на малейшее прикосновение. В лагере можно пережить головокружительный экстаз даже от малейших живительных крох хлеба. Сам процесс еды превращается для заключённого в священнодействие.⁶⁴ А... ею (реденькой полуводяной ячневой кашицей -П.Ф.) причащаешься! к ней со священным трепетом приобщаешься, как к той пране йогов!.. Разве с этим сравнится грубое пожирание отбивных котлет?.. Так на бедной своей шкуре и на несчастных наших товарищах мы узнаём природу сытости. Сытость совсем не зависит от того, сколько мы едим, а от того, как мы едим. Так и счастье, так и счастье, Лёвушка, оно вовсе не зависит от объёма внешних благ, которые мы урвали у жизни. Оно зависит только от нашего отношения к ним. Об этом ещё сказано в даосской этике: Кто умеет довольствоваться, тот всегда будет доволен.@ (1, 52-53)

Рубин - марксист и фарисей, еврей-книжник, со своим **методом дедукции**: сначала по книгам изучаются общие закономерности, а потом под эти закономерности приспособливается действительность. В своей догматичности, в обилии законов марксизм-ленинизм, диамат и истмат дают ему такую удобную схему. Рубин верит, что всё можно изучить и понять, если только достаточно хорошо углубиться в Атексты@.⁶⁵

Нержин уже прошёл эту стадию слепой веры в идеи марксизма-ленинизма. В тюремных спорах его взгляды постоянно подвергались проверке жизнью, и по свойственной ему честности он должен был признать их несостоятельность: А... я с болью сердечной расставался с этим учением ! Ведь оно было - звон и пафос моей юности, я для него всё остальное забыл и проклял !@ Скептицизм Нержин считает для себя временным пристанищем, Аформой глушения фанатизма@ и

⁶³ Уже в АОдном дне Ивана Денисовича@ Алёшка-баптист сформулировал идею Солженицына, заимствованную у Святого Павла:@Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!@ АБлагословение тебе, тюрьма!@ возглашает Солженицын в Части четвёртой ААрхипелага@. АТюрьма была ему также необходима, как дождь иссохшей земле@, - чуть иронизирует Дмитрий Панин. АВ каком-то смысле Солженицын исходит из ситуации, о которой мечтал, но которой никогда не смог достигнуть Толстой, если не считать его последнего бегства и смерти.@ (Нива 1992, 52)

⁶⁴ Этой теме отводится много места и в АОдном дне Ивана Денисовича@. Здесь впрочем, мы вступаем в такую область, о которой с полным пониманием могут рассуждать лишь те, кто пережил лагерный голод. Вспомним, как московские критики в 60-е годы упрекали Ивана Денисовича за постоянные мысли о еде или мнение Л.Ржевского о том, что кругозор Шухова ограничен Ахлебом единым@. (Ржевский 1972, 252)

⁶⁵ ААбстракция - идеал Рубина, кристаллическая структура понятнее и дороже ему неоднородной, аморфной истории бытия. Поэтому надобна ему универсальная языковая закономерность (в духе Марра), поэтому колдует он над проектом Гражданских храмов (дистиллированной религии коллективизма, религии, в которой нет места **личности**), поэтому так азартен он в фоноскопических изысканиях ... поэтому схема общественного развития для него важнее любых фактов.@ (Немзер 1990, 34)

способом Освобождения догматических умов⁶⁶. Просматривая книги древних мудрецов, он часто находит в них свои мысли. У него совершенно противоположный метод - **метод индукции**. Он наблюдает за жизнью (в первую очередь слушая людские биографии) и делает на этой основе свои выводы. Его Атеории⁶⁷ вырастают из конкретности бытия⁶⁷.

Нержин делает свою мысль более наглядной, рассказывая о счастье на примере, который вряд ли будет понятен современному западному человеку: тихое нерабочее воскресенье, и хотя во внешнем положении заключённого ничего не меняется к лучшему, но как будто немного отпускает иго тюрьмы, и достаточно разговора по душам или прочитанной искренней страницы книги и - АЯ невесом, я взвешен, я нематериален!! Я лежу там у себя на верхних нарах, смотрю в близкий потолок, он гол, он худо оштукатурен - и вздрагиваю от полнейшего счастья бытия!⁶⁸(1, 54) В этом отрывке следует обратить внимание на одну деталь: счастье Нержина передаётся через голый, плохо оштукатуренный близкий потолок тюрьмы. Попробуем сравнить эту деталь с той картиной, которая угнетающе представлялась Ставрогину у Достоевского: маленький красный паук на листе герани (Достоевский 1996, 274). Если первая деталь символизирует моральное возвышение личности, то вторая В нравственное падение. Нержин нашел и в скудной жизни заключённого духовное равновесие, обеспеченная жизнь Ставрогина привела его к духовному нигилизму⁶⁸ и потере духовного ориентира. Серый потолок и маленький красный паук на листе герани. Статичная, ограничивающая пространство преграда и ползущее, охотящееся насекомое. «Счастье человеческое причисляется к страданию теми, кто умеет различать.»(1, 54) Так говорят книги Санкья.⁶⁹ Нержин нашел свои мысли о природе счастья в трудах древних восточных мудрецов, но пришел он к ним самостоятельно, изучая живую жизнь, в отличие от Рубина, который почерпнул свои убеждения из Аколлективного опыта человечества⁶⁹ или, главным образом, из публицистики Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Но что же в самом деле значат противоречивые утверждения о природе счастья Аарестанта пятого года упряжки⁶⁹ Глеба Нержина? Насколько мы понимаем, Нержин имеет целью достижение человеком равновесия между

⁶⁶ АВ ту пору он считал себя скептиком, последователем Пиррона, но тогда уже ненавидел Сталина - Апахана⁶⁶, начинал сомневаться и в Ленине⁶⁶, - вспоминает Лев Копелев о Солженицыне на марфинской шарашке. (Копелев 1991, 39) На основе споров Нержина с друзьями некоторые критики, например, Natalie Rea считают и самого Солженицына проповедником просвещенного скептицизма - Rea 1971, 209 -216 С этим конечно нельзя согласиться. Даже для Нержина скептицизм - лишь отправная точка. Он постоянно проверяет свои взгляды жизнью и опытом других и находит в конце концов скептицизм несостоятельным. Такой поиск истины Джон Дунлоп назвал Аодиссеей скептика⁶⁶. (Dunlop 1975b, 247)

⁶⁷ Путь искусства и есть описание конкретного частного случая, поэтому для постижения искусства, также как и для постижения философии имеет важное значение знание жизни, жизненный опыт исследователя. (См. С.Аверинцев. Филология. КЛЭ)

⁶⁸ Откуда нигилизм Ставрогина? Он не от внешних причин, а скорее от внутренних: это Атрагедия истощения от безмерности, трагедия омертвения и гибели человеческой индивидуальности от дерзновения на безмерные, бесконечные стремленияУ это личность, потерявшая границы, от безмерного утверждения себя потерявшая себя.⁶⁸ (См. Бердяев Н.А., Ставрогин. - Достоевский 1996, 520-521)

⁶⁹ Санкья, или Самкья (санскр. "основанный на числах") представляет индийское резко дуалистическое учение, которое противопоставляет духовному принципу не-духовный. Следуя дао (кит. "путь"), человек освобождается от желаний.

духом, душой и телом, (то, что американский исследователь и автор одной из двух изданных на Западе диссертаций по АКругу первому@ Джон Дунлоп называет Aintegrity@- Dunlop 1973), и это равновесие достигается путем правильного отношения к чередованию в жизни страдания и наслаждения. Жизнь в избытке, полное исполнение желаний может принести пресыщение, даже страдание, если человек не умеет ограничивать себя,⁷⁰ тогда как страдание, жизненные испытания, *благословенная тюрьма+ могут помочь обрести душевное равновесие, принести даже удовольствие тогда, когда Аиго тюрьмы чуть отпустит@, и главное - даёт возможность учиться, Авпитывать новую жизнь@, узнавать то, что никогда не узнал бы на воле.

Тюрьма становится Апрорывом к небесам@. @Человек-раб распрямляется, завоёвывает внутреннюю свободу, ни с чем не сравнимую..., улавливает, в иные мгновения, отблески изначальной красоты вселенной. В этом ему помогает тюрьма, потому что она очищает душу, избавляет её от Адурного приобретения@. Находясь в ситуации исторгнутости из повседневного существования, человек легче вырывает плевелы из своей души. Но нужно отречься от них добровольно. Только тогда переступишь порог пещеры и узришь платоновскую триаду Добра, Истины, Красоты@. (Нива 1992, 90-91)

После этих философских размышлений разговор вскоре принимает характер политического спора, в котором Рубин еще раз присягает Аисторической закономерности@ коммунизма, Нержин же склоняется к скептицизму. В конце оба спорщика разгорячены, как это часто бывает в споре, когда затрагиваются и принижаются самые святые принципы противника. Друзья на минуту забыли об окружающей действительности, они целиком погрузились в свой спор и даже не услышали, как на столе майора Ройтмана зазвонил телефон. Внешний мир, суровая действительность шарашки всё же никуда не исчезает, и сейчас она вновь напоминает о себе неурочным телефонным звонком. Здесь следует интересный пассаж. Нержин как будто пробуждается от сна. Он не сразу слышит внешний мир, не сразу понимает ситуацию. Дежурившая в этот вечер Симочка уже в третий раз обращается к Нержину: А Глеб Викентьич!.. Антон Николаевич вызывает вас к себе в кабинет.@ (1,57-58)

Исчезнувшие во время спора морщины на лице Нержина вновь вернулись на свои места. Сюжет драматического действия, остановившийся на время спора, вновь продвигается. Совсем как речной плёс. Нам кажется, что вода реки неподвижна, застойна, но за излучиной видишь её убыстренное течение. Всё меняется, все течёт. Чувство беспечности было иллюзорным.

Жорж Нива, анализируя Аплатоническую поэтику@ АКруга первого@, выделяет два основных её элемента, которые строго канализируют энергию повествования, так что Анад зенитным замком свода видится вечное, вневременное ... Хотя рабство видимо торжествует, невидимое и вечное одерживают скрытую победу.А (Нива 1993, 287) Он считает, что этими двумя элементами структурируется вся первая Аглыба@ прозы Солженицына до

⁷⁰ Самоограничение - одно из ключевых понятий Солженицына и в размышлениях об общественной жизни. (Смотри, например, *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни+ 1973) Путь самоограничения писатель предлагает и промышленно развитым странам. Кроме Сократа, в его размышлениях по этому вопросу просматривается влияние и других античных философов.

АКрасного Колеса[@]. Первый из этих элементов - Аскрытая аллегория башни, вознесения, видение Вечного через щель в своде[@]. Другой - Асвободный диалог, при котором беседующие разделяют свою внутреннюю свободу и взаимным старанием духовно возвышаются. Эта коммуникация душ преодолевает тяжесть рабства, всех горизонтальных и некоммуникативных сил.[@] (Нива 1993, 288)

4.4 Проекты Ройтмана и Яконова. Конформизм или жизнь по совести. Веренёв. Вариация темы Фауста. Выбор Нержина. (Розенкрейцеры)

Проекты, которые возглавляют Ройтман и Яконов, противоположны по своим задачам. Группа Ройтмана, куда входят Рубин, Нержин и другие, разрабатывают в акустическом кабинете методы идентификации человеческого голоса по телефону. Проект под названием Акриптография[@], возглавляемый Яконовым, ставит своей задачей сконструировать такие приборы, которые бы изменяли речь по телефону до непонятного бормотанья, которое расшифровывалось бы тоже специальными кодовыми приборами. Начальник института и его заместитель в своей борьбе используют любые средства, в том числе и переманивание у противника талантливых работников. С этим намерением Яконов и пригласил Глеба Нержина в свой кабинет поздним субботним вечером. Для криптографии требуются талантливые математики. Для организации работ Яконов уже завербовал учителя Нержина, ныне доктора Ростовского университета Петра Трофимовича Веренёва.

Веренёв, добродушный и робкий университетский учёный, из-за инстинкта самосохранения подчиняется системе, отказываясь слушать голос своей совести. Чем-то очень грустным веет от разговора этих старых университетских знакомых, розенкрейцеров, как иронично называет их Яконов, от их воспоминаний о событиях и общих знакомых девятилетней давности. В этот временной промежуток у одного вместились фронт и лагерь, у другого - эвакуация и труд над диссертацией. Встреча с Веренёвым и их разговор имеет важное значение для Нержина, потому что он - последний человек, с кем Нержин беседует перед принятием судьбоносного решения. Можно даже предположить, что это решение родилось или окончательно оформилось во время их разговора. Нержин распознаёт конформизм Веренёва, который купил себе материальное благополучие, но тем самым потерял душу, духовный огонь. Это еще одна вариация темы Фауста в романе. В качестве своеобразного образца жизни по совести на заднем плане повествования мелькает фигура старого профессора Горяинова-Шаховского⁷¹, который получил охранное письмо от Калинина и продолжал в то сверхопасное время говорить с кафедры Ростовского университета бесстрашную правду до самой войны и эвакуации.

Веренёв - важный образ из второстепенных персонажей романа, он представляет обычный, по правде говоря, самый распространённый тип человека, приспособляющегося к обстоятельствам, который понимает, чем он рискует (а у него, напомним, четверо детей), если не будет действовать в

⁷¹ Дмитрий Мордухай-Болтовской (1876 В1952)

соответствии с требованиями обстоятельств (начальников). Большая часть людей действовала бы совершенно таким же образом, не чувствуя ни малейшего угрызания совести. В душе Нержина благодаря жестоким жизненным испытаниям загорелся некий духовный огонь, и он не может идти по пути Веренёва. Когда Веренёв начинает разъяснять ту задачу, которую поставило перед ним Шестое Управление, Нержин как будто замыкается в себе. АИ Нержин стал плохо слышать то главное, для чего Яконов свёл его с Веренёвым... Нержин полусознательно задавал уточняющие вопросы... Петр Трофимович... стал разъяснять задачу... а Нержин думал о тех мелко исписанных листиках... Эти листики были - его первая тридцатилетняя зрелость.@ (1, 63-64)

Нержин задумывается, зачем ему головой соваться в эту пасть - исследование истории России двадцатого века - откуда АИ историки-то сами уносят ноги в прожитые безопасные века@. В действительности он, очевидно, уже заранее готовил себя к этому выбору. Он делает его быстро, но обдуманно. У него ясные аргументы Аза@ и Апротив@, в голове он как бы делит лист бумаги надвое и слева записывает Аплюсы@, справа Аминусы@. Это, впрочем, метод самого Солженицына. Так он принимал самые важные решения в своей жизни. Для наглядности попробуем применить этот метод и выделить те аргументы, которые перебирает Нержин:

А. ПОСЛЕДСТВИЯ СОГЛАСИЯ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ

+	-
1. достижение зрелости в своем исконном предмете	1. иссушение души
2. благополучие тела	2. умственная работа для упрочения системы
3. досрочное освобождение	3. не останется времени для собствен- ных размышлений, для труда, к которому призван

В. ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКАЗА ОТ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

+	-
1. чистая совесть	1. страдание тела
2. внутренняя свобода	
3. Арыбки им ловить не буду@	

Все доводы разума: минусы лагерной жизни и плюсы жизни в шарашке призывают к принятию предложения (АДа, я согласен, гражданин начальник!@), все доводы сердца требуют отказаться (АОтойди от меня, сатана!@). Таким образом, все причины отказа по своему характеру - психологические или духовные.

Следует заметить, что первый аргумент, выдвигаемый Нержиним, что он может Адостичь зрелости в своем исконном предмете@, в действительности является предлогом, типичной отговоркой, с помощью которой человек обманывает самого себя. Главная же борьба идет между телесным благополучием и телесным страданием и завершается вопросом, являющимся одним из самых центральных во всем романе: что важнее - страдание души или благополучие тела, дух или материя. Нержин Авыкупает@ спасение души,

жертвует телесным благополучием.⁷² Он выбирает Ачечевичную похлёбку@ вместо Апищи богов@, но сохраняет горение духа.

Второй раз судьба пошлёт ему спасение от лагеря в виде предложения Рубина на обеденной воскресной прогулке уже после свидания Нержина с женой о сотрудничестве в секретной работе по опознанию голоса на плёнке. И снова заманчивая перспектива : АВ случае успеха - добротная досрочка, чистый паспорт. А и без всякого успеха - упрочить своё положение на шарашке, незаменимый специалист! Никакой Антон тебя пальцем не тронет.@ (1,373) Цена спасения опять - сделка с совестью, чужая жизнь незнакомого Иннокентия, которым Нержин восхищается, и кроме того опять работа Ана систему@, на Аабстрактный социализм@, который Нержин нигде, как он говорит Рубину, не видел воплощённым. Здесь друзья снова вступают в идеологический спор (глава АРазговор три нуля@). Нержин сравнивает социализм с любым хорошим свиарником, где есть и равенство и сытость. Общественный идеал для Нержина - Анравственное общество@ со справедливостью во главе угла. АСправедливость - ... это основа мироздания! ...Мы родились со справедливостью в душе, нам жить без неё не хочется и не нужно!@ (1, 376) Нержин считает, что атомная бомба не нужна стране, народу, что воровать её подло, а если она представляет угрозу, то её нужно Аморально изолировать, а не воровать@ (1, 378), а для этого действовать через международные общественные организации. Такие сентенции Нержина могут казаться читателю рассуждениями идеалиста, но когда они подкрепляются готовностью отдать жизнь за свои убеждения и последовательными моральными решениями, как в случае Нержина, так и самого Александра Солженицына, то сила их влияния намного превосходит многоумные построения уступчивого конформизма и в конце концов способна изменить мир и человека. Таково убеждение писателя, которое он доносит до нас через своих героев.

Вопрос - какую цену стоит платить за жизнь - Солженицын решает в ряде своих произведений через нескольких героев, которые очень близки самому автору. Все они проходят своеобразную школу обучения жизни как обучения искусству отказов. Нержин из АРеспублики труда@ учится, как отказываются командовать, Нержин из АКруга первого@ отказывается от призраков и привилегий знания, Костоглотов в АРаковом корпусе@ добровольно отказывается от любви и Асияния пола@. АИгнатич из АМатрёнина двора@ - это как бы венец обучения **искусству отказываться**: он - русский мудрец, сформированный тюрьмой, смертью и Востоком (мудрость узбеков - товарищей по болезни и по больнице).@ (Нива, 1992, 68) Именно через отказ и жертву герой Солженицына одерживает духовную и нравственную победу, сохраняет целостность своей души и становится сильнее.

---

⁷²

Это напоминает спор между душой и телом в средневековом моралите.

4.5 Пересечения человеческих судеб. Ночные мысли Нержина. Разговор с Руськой В типичный для русской литературы поиск правды. Техника ремарок. (Синий свет. Девушку! Девушку!)

14 глава АСиний свет@- это уже третья целиком из диалогов⁷³ составленная глава. Две других были: глава ЗАШарашка@, где несколько человек В новички, прибывшие с этапа, встретились в коридоре с заключёнными-старожилами, и глава 8 АОстановись, мгновенье@, где Нержин и Рубин предаются воспоминаниям и размышляют над природой счастья. В этой главе также много голосов. Комната,строенная на перекрытии в куполе алтаря старой церкви, служит спальней 24 заключённым. Белый свет уже выключен, время отбоя, в комнате горит синий свет, напоминающий кому-то зажжённую синюю лампадку. Мы слышим разрозненные обрывки разговоров. Отдельно брошенная кем-то фраза освещает нам какую-то деталь из жизни заключённых или общества, и одной реплики, порой, достаточно для раскрытия судьбы или характера.

А- В Ледовитом океане есть остров такой - Махоткина. А сам Махоткин - лётчик полярный, сидит за антисоветскую агитацию.@

А- В Освенциме я был. В Освенциме вот страшно: с вокзала к крематориям ведут - и музыка играет.@

А- Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом - рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших учёных: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле - это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаевичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны.@ (1, 87)

24 человека - 24 разных мира. У каждого из них свои воспоминания, своя прожитая жизнь, и эти жизни встретились в действительности данного мига в купольном пространстве алтаря, под синим светом, точно в точке пересечения разнонаправленных прямых линий. Именно такие наполненные голосами главы АКруга первого@, АРакового корпуса@, ААрхипелага ГУЛаг@ позволили Ж.Нива считать Солженицына автором собирательным, множественным. АОн говорит за всех,... он уполномоченный слова... Мёртвые и живые, предатели и герои отдали

73

Перевес диалогов, также как и символизация действия, единство места, драматизм несут в себе наследство приёмов драмы. Вспомним, что роману АВ круге первом@ предшествовала драматическая трилогия А1945 год@, а также сценарий АЗнают истину танки@. АНо диалоги АКруга первого@ - благодаря расширению пространства в романе - впишутся в концепцию, намного более широкую.... Вдобавок диалог в АКруге первом@ носит характер намного более педагогический, майэвтический (по-сократовски), чем в трилогии. Для Солженицына шарашка была ААкадемией@. В беседах с учёными, историками, философами, старыми революционерами он осознал сложность человеческой культуры. От таких ветеранов ГУЛага, как Фастенко, он услышал о подлинной судьбе русского социализма. Он расспрашивал Копелева о русском терроризме. Это были не только Аперипатетические@ семинары в коридорах тюрьмы... Четыре года кряду Солженицын **вёл диалог** с самыми независимыми и просвещёнными умами своей страны.@ (Нива 1992, 59-60) Сравни высказывание Копелева: АСегодня мыслящий русский человек может быть свободен только в тюрьме.@ (Копелев 1991, 77)

ему своё слово, - потерянное ими самими.@ (Нива 1992, 31) Полифоничность, многоголосность прозы Солженицына, которую единодушно отмечают почти все исследователи, служит прежде всего тому, чтобы увидев множественность взглядов, разных точек зрения на предмет, читатель приблизился к постижению жизненной реальности во всей её сложности и глубине. Кроме того за этими разными точками зрения стоят реальные факты. Анализируя причины, которые влекут писателя к предпочтению реального факта вымыслу, П.В.Палиевский писал, что у документальных образов есть преимущество: они обладают способностью Апробировать существующий штамп@, Ана них расползается по швам любой стереотип@, они берут свою силу из Асамодвижения жизни.@ (Палиевский 1974, 94-95)

Нержин лежит на своей верхней койке в синем неярком свете и не может уснуть. Он думает о своей прошлой жизни и о том, что его ждет впереди. Всё яснее приходит понимание, что отказ от криптографической работы В не служебное происшествие, а поворотный пункт всей жизни. Так совпало, что завтра Глебу тридцать один год⁷⁴: середина ли это жизни, конец её или только начало. АНо мысли мешались. Огляд вечности не состраивался.@ (1, 91) Здесь снова возникает параллель между главным героем романа Глебом Нержиным и Александром Солженицыным - сходство их психического склада: быстрый переход от больших стратегических решений, определяющих весь дальнейший ход жизни, к практическим действиям, требуемым обстоятельствами данной минуты. Решение этих насущных проблем как бы снимает напряжение от главного и лечит душу. Нержин тут же на постели начинает планировать все приготовления к будущему этапу, вызывая из памяти картины обысков и переездов.

На соседней кровати один из самых молодых заключённых шарашки Руська Доронин тоже не спал. Покурили, ... и начался разговор о мировой истории. Такой разговор, стремящийся подвести итоги развитию всего человечества - типичная для русских классиков *mise-en-scene*, и у Солженицына примеров тому можно найти множество как в этом романе, так и в других его произведениях. Почти все разговоры любых двух собеседников, начавшись с будничного, переходят вскоре к вопросам принципиальным и мировоззренческим. Именно это подразумевает русский термин Асозерцать@, то есть рассматривать, размышлять, выяснять на основе жизненного опыта. Такое философствование редко встречается в западной литературе, например, англосаксонской, которая больше направлена на действие, на показ восприятия мира через действие. Русская литература большей частью комментирует, учит и даёт прямую оценку. Западная же литература, со своей стороны, больше повествует и содержит имплицитные оценки. Если первая часто внушает, то вторая развлекает, если для первой на первом месте дух (*spirit*), то для второй чувства и ощущения (*empiria*), если первую можно назвать трансцендентной, то вторую В имманентной. И последнее: западная литература описывает действительность, русская В ищет правды.

⁷⁴ АТо, что Нержин родился именно 25 декабря, специально не педалируется, но в математически стройном романе, где едва ли не каждая деталь играет символическими бликами, это, разумеется не случайность. Нержин не отождествляется с Христом, но, видимо, в большей степени, чем другие персонажи, близок к обретению сути человеческой (по Солженицыну, это значит - христианской).@ - Немзер 1990, 33

Под впечатлением от книги Моммзена АИстория древнего Рима@ и отчасти под влиянием Рубина идейно незакалённый Руська ударился в мизантропию, которая пробуждает в Нержине желание протестовать. АСреди своих старших товарищей Глеб привык ниспровергать, но перед арестантом более молодым чувствовал ответственность. - Хочу тебя предупредить, Ростислав, - очень тихо возражал Нержин, склонясь почти к уху соседа. В Как бы ни были остроумны и беспощадны системы скептицизма или там агностицизма, пессимизма, - пойми, они по самой сути своей обречены на безволие. Ведь они не могут руководить человеческой деятельностью В потому что люди ведь не могут остановиться, и значит, не могут отказаться от систем, что-то утверждающих, куда-то призывающих...@ (1, 95)

Здесь Нержин, отвергая фанатизм всех оттенков, любую истину в последней инстанции, высказывает свое ясное жизненное кредо: сомневайся, но и строй. Так сможешь избежать как тоталитаристических идеологий коммунизма и фашизма, так и опасных пессимизма и фатализма.

От этих общих вопросов писатель вскоре переключает наше внимание к одному актуальному, частному и конкретному положению томящегося за колючей проволокой человека, когда его влечения и инстинкты, биологические законы живого существа доминируют над всем остальным. Толчком служит наполовину случайно брошенная Нержиным фраза, аргумент, с помощью которого он хочет сформировать у Руськи положительные жизненные установки: АСомневаться можно и нужно. Но не нужно ли что-нибудь и полюбить, что ли?@ (1, 95)

Последние слова возбуждают в Руське настоящую бурю чувств, шквал, горячие волны которого достигают и самого Нержина, несмотря на то, что он и пытается рассудочно говорить о сублимации и философии как убежище от таких затмений. В этом месте их диалога Солженицын пользуется типичной для драматургии техникой ремарок: действия или реплики героев комментируются параллельными заметками в скобках, из которых мы узнаём истинные настроения и мысли героя в тот момент, когда он произносит ту или другую реплику⁷⁵.

В окончательном тексте романа в этом месте большая вставка, где Нержин размышляет о своей прошедшей молодости и сожалеет, что не жил на свободе так, как нужно было бы. Только на тюремном полу перебрал он и осознал упущенные возможности А...целые годы упущенные, целый мир В жгли его тут напрокол.@ (1, 96)

Следует отметить, что эти чувства прошедшей, упущенной молодости обостряются именно в отношении к женщине.

75

Одно из самых важных положений метода Станиславского состоит в том, что актёр своими действиями на сцене (движениями, жестами, мимикой, интонацией) передаёт не только то, что он сообщает, но также и то, что им движет, то, что он на самом деле думает или чувствует, словом, раскрывает внутренний мир своего героя. В печатном тексте это можно сказать в ремарках, в комментариях автора, на сцене это выражается сценическими приёмами.

4.6 Разговор Сологдина с Нержиным Ана дровах@. Скептицизм Нержина и христианство Сологдина. Разница с Нержиным в их отношении к системе. Полемичное отношение Солженицына к Достоевскому и его героям. (Пилка дров)

Зимнее свежее утро в Марфино. Даже здесь природа творит чудеса, обращая уродство в красоту, и писатель глазами своего героя способен эту красоту увидеть. Красота мира заставляет даже бесправного зэка ощущать ту полноту бытия, которая делает человека счастливым, и способность героя к этому свидетельствует о высоте и силе человеческого духа.

АЩедрый царственный иней опушил столбы зоны и предзонника, в двадцать ниток переплетённую, в тысячи звёздочек загнутую колючую проволоку, покатую крышу сторожевой вышки и нескошенный бурьян на пустыре за проволокой. Дмитрий Сологдин ничем не застланными глазами любовался на это чудо.@ (1, 193)⁷⁶ Далее следует перечисление дюжины причин, по которым героя повествования, заключённого Дмитрия Сологдина можно считать очень несчастливым человеком, исходя из обычной житейской логики. Он отсидел уже 12 лет, но из-за второго срока конца тюрьме не предвиделось. Своего единственного сына Сологдин никогда не видел: при его аресте жена была беременна. Он прошёл два следствия, чердынские леса и воркутские шахты. Денег он получал в месяц 30 рублей, дышать свежим воздухом мог только по разрешению начальства. Имущества его было - подержанные ватные брюки и брезентовая рабочая куртка. АИ был нерушимый покой в его душе. Глаза сверкали, как у юноши. Распахнутая на морозце грудь вздымалась от полноты бытия@ (1, 194)⁷⁷

Секрет сологдинской невозмутимости пока ещё не открывается, напротив повествование прерывается, чтобы дать ироничную картину пилки заключёнными дров и того, что может скрываться за этим обычным делом в этом необычном социуме, выбранном писателем для скрупулёзного наблюдения. Такие конкретные и часто очень простые явления, относящиеся к бытовой жизни, или события (как, например, поломка токарного станка) могут вызвать осложнения, по их поводу может быть заведено дело,⁷⁸ и этому типичному для

⁷⁶ АКосмическое чувство Творения, изначально прекрасного во всём, чувство той красоты, о которой говорит Книга Бытия, напитывает кульминационные эпизоды в любом произведении Солженицына. Мир - это поистине Анерукотворенный@ образ.@ (Нива 1992, 94) Здесь же присутствует тема рождения света (одна из любимых у Пастернака), превращающая этот абзац в стихотворение в прозе. В романе она объединяет четыре разные судьбы: Асудьбу Яконова Ана краю бездны@, который, после ночных скитаний, видит занимающийся над Москвой день, Сологдина, проникающегося первыми лучами этого же самого волшебного дня, Спиридона, грубого на язык брянского мужика, чьи глаза уже не способны уловить эти лучи, и, наконец, Нержина, решившегося, как и Солженицын, превратить тюрьму в Аблагословение.@ (Нива 1993, 137)

⁷⁷ По словам писателя, Амы не разговариваем с Богом, мы только ощущаем его присутствие, Господь всё время посылает нам энергию жизни.@ (Солженицын 1995-1997, т.3, с.435) АКаждый из нас получает духовную поддержку ежедневно, - говорит Солженицын, - и тот, кто чувствителен к этому, эту поддержку слышит. Доступно каждому её слышать. У всех у нас эта поддержка есть.@ (Там же, с.192)

⁷⁸ Предпосылкой же этих осложнений, разбирательств и Адел@ является принципиальное недоверие системы к любому человеку, и это даёт возможность тысячам бюрократов и

всего советского общества явлению в романе посвящены социологические пассажи, отступления часто на страницу.

Из-за угла дома показывается круглая фигура дворника Спиридона. Спиридон - простой русский мужик, и это выделяет его на фоне других образованных заключённых. Разговор с ним свободен от их постоянного, часто пустого теоретизирования и стремления найти объяснение всем явлениям. Спиридон осторожно советует Сологдину держать пилу иначе. АКаждый из них ощущал своё явное превосходство над другим: Сологдин -потому что знал теоретическую механику, сопромат и много еще наук, имел обширный взгляд на общественную жизнь, Спиридон - потому, что все вещи слушались его. Но Сологдин не скрывал своего снисхождения к дворнику, Спиридон же снисхождение к инженеру скрывал.@ (1, 196) Так лаконично и вместе с тем с иронией Солженицын затрагивает одну из Абольных@ тем русской общественной мысли - отношение интеллигенции и народа. После ухода Спиридона Нержин и Сологдин втягиваются в философский разговор, который по своим темам и аргументам очень напоминает беседы Нержина и Рубина, но сейчас Нержин вынужден спорить со взглядами, совершенно противоположными взглядам Рубина.

Этот разговор Нержина и Сологодина Ана дровах@ в последней редакции романа переписан совершенно заново. Сологдинские Аправила@, изобретённый им Аязык предельной ясности@, т.е. речь без использования иностранных слов, что это - гимнастика ума, отвлечение от инженерных задач или за ними стоит опыт сопротивления личности тюремной системе тоталитарного государства, отстаивание своей внутренней свободы и права на независимое от системы мышление? Нужно признать, что Сологдин, также как и Рубин, и более молодой, чем они, Нержин, - человек идеи. Сологдин, к тому же, такой человек, который чувствует себя уверенно в диалоге, в идейном споре один на один, в споре, осмысливаемом им как поединок, который он непременно хочет выиграть. Его манера принижения своих сил скорее всего является способом психологического Аобмана@ противника, подготовкой эффектного хода.

Нержин хочет поделиться с Сологдиным своей важной новостью - отказом от предложения Яконова, влекущим за собой перевод на общие работы в лагерь. Сологдин не поддерживает Нержина в этом его решении. По его мнению с системой нужно действовать холодно-расчётливо, как в шахматах, имея в виду достижение для себя наилучших практических результатов, задавая собственные условия игры, а не подчиняться чувствам и настроениям минуты, как поэт, романтик или идеалист.⁷⁹ Именно такая тактика привела Сологодина к

людей, облаченных хоть малой властью, проявлять Аадминистративный восторг@, по меткому выражению Достоевского, а в настоящее время и бессовестно брать мзду.

⁷⁹ В действительности именно Дмитрий Панин уговаривал Солженицына вместе вернуться в ГУЛаг и тем самым избавиться от Адобровольного рабства@ шарашки; их Авышибли@ с шарашки в лагерь в один день, 19 мая 1950-го года. Удивительно, что по своим взглядам Сологдин настолько похож на своего прототипа Дмитрия Панина, что, тот, эмоционально откликнувшись на роман в своей книге АЗаписки Сологодина@ (Франкфурт, 1973) и признав значительное сходство героя с собой, в дальнейшем резко критиковал позицию Солженицына, продолжая развивать те же взгляды, которые характерны для Сологодина. В 1974 году в сборнике А Из-под глыб@ Солженицын предлагает в качестве способа сопротивления личности давлению тоталитарного государства принцип Ажизни не по лжи@ и настаивает на важности для человека **внутренней свободы**, которую определяет как Аспособность мыслить и действовать, не завися от внешних пут. @ (Из-под глыб, 1974, 239)

возможности досрочного освобождения, но об этом он пока ничего не говорит. А- Да, на меня это не похоже. Но вдруг так всё опротивело, что ничего не хочется. В Сибирь, так в Сибирь ... Я с сожалением замечаю, что Лёвка прав, скептик из меня не получился. Очевидно, скептицизм - это не только система взглядов, но прежде всего характер. А мне хочется вмешиваться в события. Может быть даже кому-нибудь ... в морду дать! (1, 198), - невесело говорит Нержин.

Сологдин, вся деятельность и мышление которого подчинены принципу активности и борьбы, сразу же ободряет Нержина в его отказе от скептицизма и замечает, что **скептицизм** в развитии взглядов Нержина - неизбежная промежуточная ступень на пути от Асатанинского дурмана® (марксизма) к Асвету истины®. По мнению Сологодина, отвержение одной ложной идеи не должно превращать человека в скептика, таким образом, скептицизм, в его представлении, - промежуточная ступень, помогающая освободиться от ложной идеи и ведущая к истине. АТы ... должен ... понять соотношение добра и зла в человеческой жизни и должен выбирать®, - напутствует он Нержина. Здесь следует интересный поворот в их беседе, который говорит о том, что Нержин - уже вполне самостоятельный в своих воззрениях человек и что он хочет сохранять дистанцию по отношению к любому навязываемому духовному авторитету. АСологдин смотрел на Нержина со значительностью, но тот не выразил намерения тут же вникнуть и выбрать между добром и злом.® (1, 199), - иронично комментирует автор. Нержин отрицает коммунизм Рубина, но также он ставит под сомнение и христианскую идеологию Дмитрия Сологодина⁸⁰.

Наряду с христианской идеологией в Дмитрие Сологдине уживаются и другие воззрения, и часто запал спора может увести его в чистую софистику. Что за человек он в конце концов? Сам о себе он говорит, что в нём девять сфер, или на его языке, Аошарий®, но он редко кому даёт увидеть внутреннее. По мнению Сологодина, в человеке может уживаться вместе разное, и люди сложнее, чем их изображают в романах. Как пример невозможности до конца понять человека он приводит персонажей Достоевского. АЧем ближе с ними знакомишься, тем меньше понимаешь®. Нержин суживает вопрос о человеческой личности, считая, что в человеке всегда можно увидеть главное (и в этом кстати чувствуется **polemичное отношение самого Солженицына к Достоевскому и его героям**). АРазве когда новичок переступает порог камеры, а ты на него свесился с нар, прорезаешь глазами - разве тут же, в первое мгновенье, ты не даёшь ему оценки в главном - враг он или друг? И всегда безошибочно, вот удивительно!® (1, 200) По мнению Нержина, человека не стоит мистифицировать, потому что в конце концов главный вопрос - порядочен он или нет - можно решить сразу, с первого взгляда, и он напоминает Сологдину об их первой встрече, о своей

Панин отвечает Солженицыну так, как мог бы ответить Сологдин Нержину: АНо ведь так действует только распушенный психопат или самоубийца! Всякий нормальный человек неизбежно обязан считаться с препятствиями и угрозами, которые мешают проявлению его свободы, сообразовываться с ними и, если он борец, то применять определённую тактику.® (Панин, 1975, 60) Так, разговор Ана дровах®1949 года продолжился в жизни в 1975.

⁸⁰ Подобным образом и Александр Солженицын отрицает коммунизм, но ставит под сомнение и его противоположность - либеральную западную демократию в её абсолютном значении. Особенно сильную критику вызывает у него основанная на законности мораль. (Смотри АУгодило зёрнышко промеж двух жерновов®, АНовый мир®, 1998, т 10.)

откровенности с ним тогда и о своей оценке его - Ачеловек с такими глазами не может быть стукачом@. В тот же первый день их знакомства Нержин задал Сологдину карамазовский вопрос - что делать с урками - на который христианин Сологдин не задумываясь ответил : АПерестрелять@. Нержин и сейчас как бы проверяет, не откажется ли Сологдин от своих слов. Но Сологдин твёрд, как гора:

А- Друг мой! Только те, кто хотят погубить христианство, только те понуждают его стать верованием кастратов. Но христианство - это вера сильных духом. Мы должны иметь мужество видеть зло мира и искоренить его. Погоди, придёшь к Богу и ты. Твоё ни-во-что-неверие - это не почва для мыслящего человека, это - бедность души.@ (1, 200-201) Характерно, что Сологдин, разработавший оригинальные воззрения, методы и правила, всё же может быть причтён к той части верующей интеллигенции, для которой христианская религия - это прежде всего система взглядов, а не нравственное мерило любого собственного поступка, слова и мысли и не мистический опыт. Может быть, именно поэтому его позиция неубедительна для Нержина. Для Сологдина христианство остаётся скорее идеологией, исходящей из определённых постулатов, априорных суждений, и не становится верой сердца.

Разговор **о существовании Бога**, о вере в русской литературе один из краеугольных её камней, его жар видоизменённо присутствует даже в атеистических романах русской и особенно советской литературы, как например, в романе Чернышевского АЧто делать?@, в романе Горького АМать@ и в АКак закалялась сталь@ Островского.⁸¹ Это тот источник, из которого так или иначе проистекает всё остальное. Быть может, пограничные ситуации, так часто свойственные русской жизни, отчасти повлияли на теоцентризм русского мышления. Так и этот разговор доносит до нас ясное эхо раздумий Толстого и Достоевского о Боге, бессмертии души, добре и зле. Например, совершенно потолстовски отвечает Нержин на безусловные требования Сологдина: А... почему обязательно ты хочешь, вы всегда хотите, чтоб непременно признать не только Бога вообще, но обязательно конкретного христианского, и триединство, и непорочное зачатие ...@ (1, 201)

Так и не сдав своих позиций, друзья снова принимаются за пилку дров. АМерная работа вносила покой и перестраивала мысли.@ (1, 202) Получается, что друзья вступили в спор отчасти ради самого спора, отчасти для того, чтобы отвлечься. Во время пилки мысли обоих возвращаются к тому, что действительно существенно для них в данную минуту - к своему настоящему положению и к тому, что может ждать их в скором будущем. Солженицын и здесь умело пользуется приёмом внутреннего монолога, помогающим лучше раскрыть истинные чувства и мысли героев. У одного впереди пять лет истощающих принудительных работ. Особенно поражает хладнокровность и реалистичность Нержина - АПять лет - это не десять@- и дающее ему силы самостоятельно выработанное кредо : АТюрьма не только проклятье, она и благословение@. Сологдину же уже грезится свобода, и для него тюрьма - это только проклятье.

⁸¹ Так во всех перечисленных романах присутствует рассказ о жизни героя, повторяющий структурные особенности жанра и композиции древнерусского жития.

4.7 Правила Дмитрия Сологдина - путь в творческую лабораторию писателя Солженицына. Метод узловых точек. Тайна Сологдина. Крайности его судьбы. (Немного методики. Штрафные палочки)

Напилив достаточно дров и не имея топора для их расколки (топор приносил младший лейтенант Наделашин, так как это было орудие, страшное в руках арестантов и требовавшее большого догляда), друзья решили передохнуть. Сологдин спрашивает у Нержина, что будет с его исследованием по русской революции, если того отправят обратно в лагерь. Нержин говорит, что и в этом отношении он ничего не потеряет, что в практическом исполнении замысла, в самом написании и хранении написанного его ждут те же опасности, что и здесь: хранение единой строки одинаково рискованно, что там, что здесь. Допуска в публичную библиотеку у него нет и в шарашке, не говоря уже об архивах, к которым его и до смерти не подпустят. АЕсли говорить о чистой бумаге, то уж бересту или сосновую кору найду я и в тайге. А преимущества моего никакими шмонами не отнять: горе, которое я испытал и вижу на других, может мне немало подсказать догадок об истории, а? Как ты думаешь?@ (1, 203) В восторге от этой реплики Нержина Сологдин начинает увлеченно излагать свою методику, правила, наработанные им за годы тюрьмы, собирающие волю и дающие возможность в сколь угодно трудных условиях добиться выполнения поставленной перед собой научной, инженерной или иной исследовательской задачи. Отправной точкой такой работы должна быть первоначальная сильная мысль, и она должна быть собственной оригинальной мыслью исследователя. АСперва надо все мысли найти самому - и только потом сверять с книгами.@ (1, 203 -204)

Сам **метод Сологдина**, метод исследования любого неведомого явления - **способ узловых точек** - заимствован из математики. Даже историческое лицо, такое, скажем, как Ленин, может быть понято, если, следуя этому методу, охватить его жизнь одним взглядом, увидеть в ней важнейшие Аперемены постепенности@, крутые смены направлений и прочесть только то, что относится к ним. АКак он вёл себя в эти мгновения? Тут - весь человек. А остальное тебе совершенно незачем.@ (курсив -А.С., 1, 204) Здесь писатель Александр Солженицын открывает перед нами не только внутренний мир и правила Дмитрия Сологдина, но как бы впускает и в свою творческую лабораторию. Ведь это его собственный метод исследования истории, на основе которого строится всё повествование десяти томного АКрасного Колеса@, Апрочерчивающего@ через узловые точки всю Акривую@ русской революции. Также строятся портреты как исторических, так и вымышленных лиц.

Метод Аузловых точек@ А.Солженицына перекликается с Апринципом всевыражающих пунктов@ Ф.Достоевского, о котором последний писал в письме из Флоренции А.Н. Майкову (май 1869): А... воспроизвести ... всю русскую историю, отмечая в ней те точки и пункты, в которых она, временами и местами, как бы сосредоточивалась и выражалась вся, вдруг, во всём своём целом. Таких всевыражающих пунктов найдётся во всё тысячелетие, до десяти, даже чуть ли не больше.@ (Достоевский, Собр.соч. в 30 т., Т.29-1, с.39)

Пользуясь этим же методом, Солженицын описал в романе АВ круге первом@судьбы многих и многих заключённых, в том числе самого Сологдина, их

начальников, женщин -вольнонаёмных сотрудниц института и в отдельных шести главах (19 -24) - Сталина.

Взволнованный предстоящей разлукой с другом Сологдин спешит поделиться хотя бы некоторыми своими выводами о путях создания единства цели, исполнителя и его работы. Трудности в области неведомого следует рассматривать как скрытый клад. Преодоление растущего сопротивления предмета приводит к росту исследователя. Конечное правило - А правило последних вершков@: АРабота уже почти окончена, цель уже почти достигнута ... но качество вещи - не совсем то! ... В этот миг усталости и довольства собой особенно соблазнительно покинуть работу, так и не достигнув вершины качества. Работа в области последних вершков очень, очень сложна, но и особенно ценна, ибо выполняется самыми совершенными средствами! Правило последних вершков в том и состоит, чтобы не отказываться от этой работы!@ (курсив -А.С., 1, 206 -207) Сологдинские правила используют видоизменённые для гуманитарных наук понятия и законы механической физики и математики, и они являются не только головным теоретическим построением. Именно эти правила помогли Сологдину в одиночку добиться выдающегося инженерного решения - разработки конструкции главного узла шифратора, что может принести ему сталинскую премию и открыть путь на свободу. Но это его тайна, а он, как упоминал уже сам в разговоре с Нержиным ранее, не открывает никому своих Авнутренних ошарий.А

Как у Нержина, так и у Сологдина есть одно главное дело, проект всей жизни, который определяет всё их поведение, несмотря на враждебность обстановки, несмотря на Авнешнее сопротивление@, в терминах Сологдина. Но если Нержин занимается историей, то Сологдин - техникой. Стоит заметить, что каждый делает свою работу тайно и в одиночку. Сологдин Асчитал, что большие идеи могут родиться только озарением одинокого ума ... И действительно за последние полгода он нашёл такое решение, которое никак не давалось десяти инженерам, специально на то назначенным.@ (1, 245) Нержину грозит за его работу, если она откроется, новый срок, Сологдину же свобода и, быть может, премия. Многолетняя цель Сологдина уже почти достигнута. Общепризнанный научный авторитет шарашки, профессор математики Челнов уже дал Сологдину своё позитивное заключение по поводу его изобретения. Кто угодно на месте Сологдина потерял бы контроль над собой. АУже при первых словах профессора он ощутил ополоснувшую его горячую волну. А сейчас плечом и боком налегал на оконный косяк, чтобы, кажется не взмыть к потолку от ликования. Его жизнь выходила, может быть, на свою зенитную дугу.@ (1,248) К этому мигу он готовился всю жизнь. Прожив несколько лет на дне лагерного ада, постоянно вынужденный скрывать свою глубокую ненависть к этой системе, используя все силы своей воли и ума, наконец-то он вытащил козырную карту.

Из марфинских заключённых, пожалуй, только он и Бобынин (смотри главу 18 АСивка- Бурка@) узнали самые страшные стороны жизни ГУЛага: в жизни Сологдина Абыл день, когда его свалили на носилки и понесли в морг - разбивать голову большим деревянным молотком перед тем, как отвозить в могильник. А он - пошевелился ...@(1, 257) И вот тот же самый доходяга по счастливому совпадению обстоятельств оказывается в воскресный вечер один на один с венероподобной Ларисой Еминой. Из морга в объятия Венеры. АИли всё отнять или всё дать, у судьбы так.@ (1, 260) Особенно у русской судьбы.

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, - я раб, - я червь, - я Бог!*
Гавриил Державин 1784

4.8 История Дмитрия Сологодина. Его взгляды на общественную жизнь. Изобретение и досрочка - или не жить никогда. Смысл анонимного жертвенного героизма для личности и общества - ключевой вопрос романа. (На путях к миллиону. Под закрытым забралом. Решение принимается)

Дмитрий Сологдин происходил из старинной дворянской семьи, останки которой повторили судьбы многих дворянских семей в революцию: А... одних расстреляли, другие эмигрировали, третьи схоронились, даже кожу себе сменив. (1, 248 -249) Но не так просто сменить свой характер, врождённые свои качества, сам строй личности. Дворянское происхождение Сологодина проявляется как в его внешности - бравый, налитый молодостью, с завивом белокурой бородки (А вот идёт граф Сологдин - 2, 206), так и в его подчас высокомерной манере покровительственного отношения (разговор с гравером) или поучительства (разговоры с Нержиным и Рубиным). Очень часто писатель подчёркивает в его внешности или поведении черты витязя или рыцаря, иногда и с иронией. АС белокурой бородкой, ясными глазами, высоким лбом, прямыми чертами древнерусского витязя, Сологдин был неестественно, до неприличия хорош собой. (2, 37). Но одной из главных черт этого рыцаря всё же является большое тщеславие⁸², театральность - Всегда он в позе (Рубин о Сологдине (2, 156) и большая скрытность - один из его принципов - никому не открывать своих внутренних ошарий.

Юношей Сологдин долго колебался, как ему отнестись к революции. Он ненавидел её как бунт раззадоренной завистливой черни, но в её беспощадной прямолинейности и не устающей энергии он чувствовал себе родное. С древнерусским пыланием глаз он молился в угасающих московских часовенках. В юнгштурмовке, как все носили, с пролетарски расстёгнутым воротом поступал в комсомольскую ячейку.... Он был искренне набожен и захваченно тщеславен. Он был жертвенен, но и сребролюбив. (1, 249) Позднее, в главе АПод закрытым забралом, где Сологдин сталкивается в споре с своим главным идеологическим оппонентом Рубиным, писатель очень искусно добавляет ещё один штрих в его историю вступления в комсомол: в пылу спора Сологдин, теряя обычную осторожность, проговаривается: А- А как мне было не вступить? Разве вы оставляли возможность не вступить? Не был бы я комсомольцем - как ушей бы мне не видать института! Глину копать! (2, 159)

Сологдин - человек воли и цели. Несмотря на свою религиозность он

82

Мы уже отмечали в предыдущей главе большое сходство Сологодина со своим прототипом Дмитрием Паниным. Характерным штрихом, подтверждающим тщеславие и большие амбиции последнего является его обида Аза искажение образа Сологодина и умаление заслуг Солженицына : АУспех и заслуженная слава Солженицына в немалой степени зависели от людей, с которыми он оказался в лагерях и тюрьмах. (Панин 1975, 61)

разделял убеждение Абезбожника Демокрита: АСчастлив тот, кто имеет состояние и ум.@ Ум у него всегда был, - не было состояния.@ (1, 249) И в восемнадцать лет, в последний год НЭПа, он ставит себе цель - приобрести миллион⁸³ и таким образом выдержать Аэкзамен на делового человека@, доказать себе, что он не пустой фантазёр. В отличие от Аподростка@ и Раскольников@ путь к миллиону для Сологодина лежит в каком-нибудь ослепительном инженерном изобретении, но сама его позиция встать выше толпы, черни, Абезбожного потерянного развращенного народа@ очень близка позиции Раскольников@.

АНо дальше всё решилось тем, что Сологдин по размеру стал больше стандартной ячейки невода, и захвачен был в одну из ловель, получил первый срок, а в лагере ещё и второй.@ (1, 249) Казалось, он должен был бы забыть и забросить мечту о миллионе, но он с достойным уважением упорством и несмотря на тяжёлые условия лагерной и тюремной жизни продолжал работать над собой и над инженерными задачами и, оказавшись намного хитрее и талантливее своих тюремщиков, приблизился к тому самому выдающемуся изобретению, о котором в молодости мечтал. Но приблизившись к заветной черте, он понимает, что его изобретение будет служить тем, кто его посадил, тем, кого он искренне ненавидит всеми силами своей души, и это ставит его перед необходимостью тяжёлого выбора: Адосрочка или не жить никогда@, свобода или тюрьма до конца дней. Прежде чем говорить о сделанном им выборе, рассмотрим взгляды Сологодина на общественную жизнь, потому что они, как увидим ниже, окажутся решающими в его выборе.

Сологдин - последовательный антимарксист и антикоммунист, и это с полной ясностью обнаруживается в его спорах с Рубиным (глава АПод закрытым забралом@). Он открыто осуждает революцию как злодейство и на примерах судеб заключённых пытается доказать Рубину безнравственность и дикость того строя, который установили коммунисты в России, его кастовость, несправедливость, насилие и ложь. Идеал же и ориентир Авитязя@ Сологодина - католичество. Именно с ним у Сологодина связывается идея активного отстаивания народом своих интересов, активность церкви: А... все народы, имевшие несчастье быть православными, заплатились несколькими веками рабства!.. православная церковь не могла противостоять государству! Безбожный народ был беззащитен! И получилась косопузая страна. Страна рабов!@ (2, 156) Эти воззрения Сологодина конечно находятся в русле давней традиции русской интеллигенции⁸⁴, и отчасти такая Апрозападная@ позиция обнаруживает в нём несмотря на его борьбу с языковыми иностранными заимствованиями всё же наследника скорее Азападников@, чем Аславянофилов@. Славянофильство Сологодина лишь чисто внешняя сторона, обманывающая тех, кто незнаком с его истинными взглядами. Так, свой Язык Предельной Ясности в

⁸³ Демоническую мечту о миллионе Сологдин позаимствовал у Аподростка@, а тот у Ротшильда и Скупого рыцаря.

⁸⁴ Эти убеждения точно воспроизводят многие черты мировоззрения Дмитрия Панина. Последний, подобно П.Я.Чаадаеву, считал источником всех бед России православие и полагал, что страна обречена на гибель. Подобно П.Я.Чаадаеву и В.С.Печерину, Панин перешёл в католицизм. Он также разделял положение Н.А.Бердяева о том, что в истории России роковую роль сыграло отсутствие рыцарства: АНедостаток мужественного характера и того закала личности, который на Западе вырабатывался рыцарством, - самый опасный недостаток русских: и русского народа, и русской интеллигенции.@ (Бердяев 1990, 29-30) Вслед за К.Н.Леонтьевым Панин верил в мистическое значение власти императора, и также как и В.Соловьёв высоко ценил власть наместника Христа - папы римского.

споре с Рубиным Сологдин назовёт лишь игрой, Аупражнением под закрытым забралом@: АМы - в постоянной тюрьме, и надо казаться как можно дальше от своих истинных взглядов.@ (2, 157)⁸⁵

Разгорячённый спором с Рубиным Сологдин ясно осознаёт в себе неистребимую ненависть к этому строю, и его уже выигранная Ашахматная партия@, возможность досрочного освобождения и награды оказываются под угрозой. АЕсли раньше Сологдин мог колебаться, то теперь-то с наслаждением влепит он удар этой своре: не давать им шифратора! Не давать! Не катить же и тебе их проклятой колесницы!@⁸⁶(2, 159) Кроме того, его выдающееся изобретение может быть присвоено другими и послужит пропаганде силы коммунистического строя, его имя останется незамеченным. После спора Сологдин уходит с решением об уничтожении чертежа.

Утром в понедельник на свежем воздухе Сологдин ещё и ещё раз проверяет ночное решение. Объявление о крепчании тюремного режима - еще одно предупреждение о том, что вся обстановка будет суроветь и выхода из тюрьмы в виде Аконца срока@ может и не быть. И перед тем, как пойти к пригласившему его на разговор Яконову, узнавшему от Челнова об успехе Сологдина, он за несколько минут решает задачу своей жизни. Попробуем тем методом, который мы уже использовали ранее, проследить за аргументами Сологдина. Итак, вопрос себе Сологдин ставит так: Аизобретение и досрочка или не жить никогда@, то есть передавать своё изобретение властям или нет.

Вечернее решение - Ане давать шифратора@

- ненависть к режиму - Ане катить их проклятой колесницы@
- Ак высокой цели ведут только высокие средства@ (2,206) (низко давать им в руки оружие)
- боязнь быть лишенным славы изобретателя (если кто-то другой присвоит открытие)

Утреннее решение - Аотдать с условием назначения главным инженером и таким образом оградить себя от непредвиденностей А

- утреннее объявление о крепчании тюремного режима (освобождения в виде конца срока может для Сологдина и не быть)
- жажда жизни
- А... всему цветущему хочется жить. Дмитрий Сологдин, с незаурядными способностями ума и тела, имел право на свою жатву, на свой отстой молочных благ.@ (2, 206)
- Адурная страна@, которая не достойна жертв
- АВот обнажающая плоскость: можно ли любить столь дурную страну? Этот обезбоженный народ, наделавший столько преступлений, и безо всякого раскаяния - этот народ рабов достоин ли жертв, светлых голов, анонимно лежащих под топор? Ещё сто и двести лет этот народ будет доволен своим корытом - для кого же жертвовать факелом мысли? Не важнее ли сохранить этот факел? Позже нанесёшь удар сильней.А (2, 207)

⁸⁵ Здесь можно увидеть ещё одну параллель с прототипом Сологдина Дмитрием Паниным. Критикуя предложенную Солженицыным формулу сопротивления режиму Ажизнь не по лжи@, Панин считает её нереалистичной именно из-за того, что Ав условиях режима все вынуждены притворяться, а не Ажить не по лжи@ (Панин, 1975, 48)

⁸⁶ Реальный Дмитрий Панин, решив проблему создания шифратора, сжигает свои чертежи и выбирает путь сопротивления режиму. Вместе с Солженицыным он попадает на этап, так что Сологдин близок Панину только по своему мировоззрению. В последней версии романа весь образ Сологдина значительно снижен и более глубоко психологически разработан. Возможно, снижение образа Сологдина имело целью более яркое противопоставление его Герасимовичу, подчёркивание героизма последнего. (Шнеерсон 1983, 26)

Последний аргумент, конечно же, главный в цепи размышлений героя, и его роль в принятии Сологдиным окончательного решения решающая. Кроме того, здесь писатель до конца открывает нам движущую Сологдиным установку на свою избранность, исключительность и самоценность. Он также поднимает уже в который раз вопрос, являющийся по нашему мнению, ключевым во всём романе: нравственный и общественный смысл анонимного жертвенного героизма. Если Сологдин оказывается на него абсолютно и сознательно неспособным, то выбор Нержина, Герасимовича и Иннокентия Володина показывает силу их духа и, верит писатель, оказывает решающее значение не только на самих этих людей, но и на общество, да и на всю историю. Эта основополагающая идея христианской этики и является основой, над которой возвышается весь каркас романа.

4.9 Человек в плену идеологии. Искренний коммунизм Льва Рубина. (Поединок не по правилам. Под закрытым забралом. Будем считать, что этого не было. Гражданские храмы. У истоков науки)

Выше во вступлении мы уже определили роман АВ круге первом⁸⁷ как роман философский из-за обилия споров, диалогов, размышлений, посвященных мировоззренческим вопросам. Ещё одна важная черта романа, проходящая красной линией через весь его строй и роднящая его с ААрхипелагом ГУЛаг⁸⁸, - это его идеологический контекст. Также как и в ААрхипелаге ГУЛаг⁸⁹, Солженицын развенчивает в АКруге первом⁹⁰ то, на чём держится тоталитаризм советского образца - марксистско-ленинско-сталинскую идеологию. Но если в ААрхипелаге ГУЛаге⁹¹ писатель делает это, последовательно описывая историю советской пенитенциарной системы и судьбы миллионов невинно убитых и замученных в лагерях, тюрьмах и ссылках; то в АКруге первом⁹² ложь идеологических построений сталинского времени обнажается многочисленными художественными приёмами, органично присутствующими в самой структуре романного повествования как на уровне его композиции, сюжета и образов, так и на внутритекстовом уровне - в иронически окрашенных авторских ремарках и отступлениях, метких афоризмах, пословицах и выразительной экспрессивной лексике.⁸⁷ Так, основная функция некоторых глав романа, как например, АКнязь Игорь⁹³ и АУлыбка Будды⁹⁴ - пародийная, причём главная мишень пародии - идеология и система советского правосудия. Обе эти главы никак не связаны с основными сюжетными линиями романа.

На уровне текста наиболее частый скрытый приём, к которому прибегает автор на протяжении всего романа, это показ нелепости, лжи, нелогичности и даже просто абсурдности идеологических догм через призму судьбы человека,

⁸⁷ Документы о лагерях были известны и раньше, но документы против идеологии бессильны, это было доказано не раз. Победить её по силам лишь искусству. Ж.Нива считает, что только новый взгляд на человечество, новизна суждения, явленная в ААрхипелаге ГУЛаг⁹⁵ и других лагерных произведениях Солженицына, а также Асвет, который прорезал бесчеловечный подвал нашей планеты⁹⁶ и создал тот Акрик⁹⁷ в защиту справедливости, который был услышан. (Нива 1992, 31)

жизненного опыта того или иного персонажа, через воспоминания героев или через их сравнения жизни советской с российской дореволюционной жизнью. Писатель раскрывает перед нами внутренний мир самих служителей идеологии, показывая их двойную жизнь, низкие человеческие качества, благодаря которым они смогли выдвинуться и дослужиться до своих чинов. Через историю их жизни и особенности характера мы понимаем, почему они выбрали для себя такой путь. Обычно главная и скрытая иногда даже для них самих причина лежит вовсе не в любви к строю или идее, а в корыстных или трусливых мотивах. (смотри, например, историю Рюмина, Яконова, Абакумова или Поскрёбышева). Часто какая-то одна деталь (как, например, роман низкорослого майора Шикина с долговязой подслеповатой секретаршей или подсобное хозяйство освобождённого секретаря Степанова с квашеньем капусты и выращиванием поросят) показывает нам истинные мысли, чувства и цели Ажрецов идеологии. Так Солженицын продолжает традицию великих русских реалистов Толстого и Достоевского⁸⁸, ставя Идею, Теорию в человеческое измерение, измеряя её меркой человеческой жизни и судьбы.

Отметим, что в идеологических романах Асоциалистического реализма человек, личность всегда лишь материал, иллюстрация Идеи, то есть человек измеряется, оценивается Идеей, соответствием идеалу. Это объясняет вопиющее противоречие мира героев романов Асоциалистического реализма реальной жизни того времени. В одном из своих последних двучастных рассказов ААбрикосовое варенье писатель нарочито контрастно сталкивает эти две позиции - ложного, служащего лишь идеологическим целям восприятия и воспроизведения действительности и реальной жизни типичного маленького человека советской эпохи; таланта писателя, поставленного на службу идеологии, и трагедию одного незаметного человека, отраженную в его бесхитром письме-документе; красивой лжи и неприглядной правды.

В настоящей главе нашей работы мы решили ещё раз обратиться к одному из главных действующих лиц романа Льву Рубину и к тем главам, где идеологические аспекты даются писателем не имплицитно, а в прямых эксплицитных столкновениях, спорах и размышлениях. Мы уже касались в главах 2.1, 2.3 и в конце главы 2.4 настоящей работы отношения Рубина к коммунистической идеологии. В отличие от многих представителей власти, для которых идеология - лишь средство сделать карьеру и хорошо устроиться в жизни (исключение здесь Мамурин, да и то в настоящий момент он оказывается в положении заключенного, смотри о нём главу 1.3 настоящей работы), Рубин, как мы уже подчеркивали раньше, искренне верит в идею коммунизма, живёт ею и служит ей с той высокой преданностью, на которую не повлияла даже тюрьма и невзгоды его личной судьбы, которые он приписывает недобросовестным чиновникам. А за то посажен он был людьми равнодушными и казёнными, что любил общее дело до неприличия глубоко. (2, 164) Он ощущает себя в роли некоего Ажреца социализма и поздно ночью в приступе бессоницы даже сочиняет АПроект о создании гражданских храмов. Он считает, что для нравственности нужен институт, подобный церкви в старом обществе, и сейчас для советской страны спасти людскую нравственность, быть может,

⁸⁸ Сравни разочарование Пьера в масонстве, путь Раскольников в АПреступлении и наказании или всестороннюю провидческую критику Достоевского социалистической идеи в АБесах.

Агораздо важнее Волго-Донского канала или Ангарстроя.^{@(2, 172)} Он разрабатывает проект, в котором придаётся больше значимости революционным, гражданским и семейным праздникам обрядной торжественностью актов, совершаемых в величественных Гражданских Храмах специальными служителями.⁸⁹ Рубин обдумывает их одежды, систему подготовки таких Аслужителей, пользующихся любовью и доверием народа за свою совершенно безупречную и некорыстную жизнь^{@(2, 174)}, особенно подчеркивая их высокую образованность и владение основами ораторского искусства. Несомненно, что в виде такого служителя Рубин прежде всего мыслит себя, но, понимая своё бесправное положение заключённого, готовится передать свой проект в ЦК партии бескорыстно от имени какого-нибудь фронтового товарища. В этом отчасти проявляется, хотя писатель нигде прямо на это не указывает, некоторая иудейская преданность вере отцов, хотя замещением иудаизма здесь является вера в Апередовой строй[@].

Важная часть политического мировоззрения Рубина - это убеждение в полярной разделённости, расколотости мира на две системы - капитализма и социализма. Для него это Ажелезный закон века: два мира - две системы^{@ (1, 57)}, и неизбежный выбор: за какую из них стоять и в какую верить. Третьего пути, по его мнению, не дано. АКто не с нами, тот против нас. А (1, 377) Поэтому и воровство атомных секретов Рубин считает оправданным, так как это самый быстрый путь к мировой революции и самая лучшая защита Азавоеваний социализма[@]. То, что это может угрожать гибелью всей планете, Рубину в его упоении от причастности к судьбам мира и коммунизма, просто не приходит в голову. Его распирает от тщеславия и возможности доказать тем, кто его посадил, как они в нём ошиблись. Его немного смутили и заставили задуматься аргументы Нержина, заставляющие посмотреть на это дело глазами неизвестного позвонившего и найти причины этого поступка. Рубин начинает колебаться, не видя для звонившего действительно никакой собственной выгоды в этом звонке. Но окончательно решение помочь найти преступника и тем самым Аспасти бомбу для революции[@] укрепляется после спора с Сологдиным.

Сам Сологдин начинает этот спор лишь из забавы. Он упоён своим открытием, возможностью скоро оказаться на свободе, налит новыми силами и бодростью после свидания с Ёминой и, не желая скучать, в избытке хорошего настроения начинает задевать своего всегдашнего противника. Из забавы спор скоро перерастает в яростный идеологический поединок, в котором оба героя ясно обнаруживают свои позиции и открывают друг другу даже больше того, чем им хотелось бы. Сначала Рубин проигрывает этот поединок на теоретическом уровне. Сологдин вынудил его спорить о законах диалектики, и Рубин не смог логично и стройно объяснить значение закона Аотрицание отрицания[@]. Это произошло отчасти из-за того, что свой вопрос Сологдин поставил не так, как обычно, отчасти от того, что Рубин был утомлён прошедшим днём с его калейдоскопом событий и был не в ударе. Не найдя вовремя подходящих аргументов, Рубин не соглашается и на поражение, потому что Ани в одном споре Рубин не должен был быть побеждён, ибо представлял тут, на шарашке,

⁸⁹ Рубин вовсе не первооткрыватель в этом вопросе. Так, сразу же после революции возникли обряды революционных свадеб с трёхкратным обведением вокруг куста, революционных Акрестин[@] и других гражданских праздников, в каких-то чертах повторяющих от обратного обряды православной церкви.

передовую идеологию⁹⁰(2, 121) и был служителем её, хотя и Абез храма⁹⁰, без Ачистых одежд⁹⁰ и без какой-либо награды. Они выходят в коридор, и далее спор касается уже вопросов политического устройства общества.

Аргументы Сологодина логичны и беспощадны, он использует Аоружие врага⁹⁰: А- Значит, в чём нет противоположностей - то не существует? Зачем же вы обещали бесклассовое общество?... Вы знали, что общество без противоположностей невозможно - и нагло обещали ? ... вы распинались отменить притеснение, а навязали притеснителей худших и горших! И для этого надо было убивать столько миллионов людей?⁹⁰ (2, 150) Наконец Сологдин находит самый беспощадный для Рубина аргумент о правящем классе. АКласс новый, класс правящий - есть или нет?⁹⁰ (2, 151) Это самый больной для Рубина вопрос, который он и сам себе боится честно поставить. Рубин и сам видел этот класс. Он понимает, что укоренение этого класса лишило бы революцию Авсякого и единственного смысла⁹⁰. Он уклоняется и на сей раз от ответа, в душе считая, что этот Аправлящий класс⁹⁰ отомрёт с отмиранием государства, а поэтому явление временное, на которое нужно закрыть глаза. Ведь Агнило - только по видимости, только снаружи, а стержень здоровый⁹⁰ (1, 57), - обманывает себя Рубин. Сологдин же считает, что правящая верхушка, используя идеологию лишь в качестве удержания власти, никогда эту власть добровольно не отдаст. Он, как впрочем и его прототип Дмитрий Панин, видит выход только в революции, в насильственном свержении этого паразитического класса и этой власти.⁹⁰

Рубин - опытный спорщик. Он Аот первой камеры фронтовой контрразведки и потом во всей веренице камер бесстрашно вызывал на себя всеобщее исступление гордым заявлением, что он - марксист, и от взглядов своих не откажется и в тюрьме. Он привык быть овчаркою в стае волков, обороняться один против сорока и пятидесяти. Его уста запекались от бесплодности этих столкновений, но он обязан, обязан был объяснять ослеплённым их ослепление.⁹⁰ (2, 152)

Как и в прошлых тюремных спорах, один из весомых аргументов Сологодина - многолетнее и многомиллионное насилие системы над своими гражданами. Рубин легкомысленно объясняет это Анеточностью пенитенциарной системы⁹⁰ и тем, что высокая цель оправдывает низкие средства. Сологдин называет эти Асредства⁹⁰ вероломными, а революцию - террором, Акровью с топора⁹⁰(2,153) и приводит на память Рубину судьбы встреченных ими в Бутырках заключённых. Рубин продолжает повторять также, как он повторял Нержину, что неудача их жизни вовсе не доказывает неверности социалистической идеи.⁹¹

Свою веру в революцию Рубин перенял у своего двоюродного брата, по просьбе которого он когда-то прятал типографский шрифт и получил за это свой первый двухнедельный срок. АИменно от него он узнавал, что не всё так нарядно и беззаботно, как на первомайских демонстрациях. Да, Революция была весна -

⁹⁰ Панин призывал к насильственному свержению власти ещё в 1975 году и очень резко нападал на Солженицына, осознающего опасность любых революций.

⁹¹ Очень интересна трактовка споров Рубина и Сологодина в книге Ericson E.E. Solzhenitsyn: The moral vision.: Indeed their debates are somewhat like an internal struggle within Solzhenitsyn - before and after his abandonment of Marxist ideology.⁹⁰ (Ericson 1980, 61)

поэтому и грязи было много, и партия хлюпала в ней, ища скрытую твёрдую тропу.@ (2, 168)⁹² И именно с братом связано одно из самых тяжёлых воспоминаний Рубина. Ещё в пору его работы на Тракторном заводе, где двадцатилетний Лёва работал в редакции заводской многотиражки и воодушевлял людей на ударный труд, его вызвали в кабинет парткома. А Кабинет парткома был строг, как исповедальня, выдержан в пламенно-красных и деловых чёрных тонах.@(2, 167) Парторг и следователь ГПУ в гражданском спросили у Рубина, правда ли то, что его брат был членом подпольной троцкистской организации. А Десять пистолетных дул, уставленных в его лицо, не запугали бы Лёвку Рубина. Ни холодным карцером, ни ссылкой на Соловки из него не вырвали бы истины. Но перед Партией?! - он не мог утаиться и солгать в этой чёрно-красной исповедальне.@ (2, 169)⁹³ После его признания ему дают подписать протокол, и только тогда Рубин понимает всю непоправимость ситуации и свою ошибку: А-Кто вы?? Вы - не Партия! - Почему не партия? - обиделся гость. - Я тоже член партии. Я - следователь ГПУ.@ (2, 169) Так бездумное и искреннее служение Идеологии заставляют Рубина совершить предательство родного человека, которого он любил и перед которым даже преклонялся. Этот случай, также как и воспоминания о раскулачивании, в котором он участвовал, он отодвигал на самые задворки своего сознания и переживал как личную трагедию, считая в глубине души, что и тюрьма, и болезни посланы ему отчасти и из-за этого. Это воспоминание Рубина очень характерно. Часто через воспоминание, сон, болезнь, жизненное испытание герои Солженицына возвращаются к тем жизненным развилкам, на которых выбрали неверный путь, совершили ошибку.⁹⁴

Рубин продолжает спор с Сологдиным как терпеливый учитель или религиозный служитель, верящий несмотря на неприязнь к противнику, что тот, в конце концов не Авраг социализма@, а заблуждающийся человек, помутившийся в своём сознании Аот личной обиды, но начнись завтра война с Америкой, и дай этим людям оружие - они почти все поголовно забудут свои разбитые жизни, простят свои мучения, пренебрегут горечью отторгнутых семей - и повалят самоотверженно защищать социализм, как сделал бы это и Рубин.@ (2, 152) Здесь мы еще раз видим наглядно такую черту Рубина, как очень плохое знание людей и человеческой психологии. Он слишком погружён в свои книги и слишком легко увлекается теориями, что часто просто плохо представляет, с кем он имеет дело. По свойственному людям качеству он представляет всех других подобными ему самому. На этот раз горячность спора приводит спорщиков к личным нападкам и оскорблениям, и в пылу личных обид они обнажают свои сокровенные мысли. Рубин в первый раз понимает, что Сологдин - беспощадный враг социализма, который никогда и ни при каких

⁹² Здесь, как и везде в подобных случаях, Солженицын много использует несобственно-прямую речь, которая перемежается авторской речью, максимально сближая точки зрения автора и героя. Образ автора при этом становится Арупором точки зрения персонажа, его сознания, его индивидуального восприятия.@ (Спиваковский 1998 d, 21)

⁹³ Солженицын показывает через описание кабинета -исповедальни то, как власть знала и умела цинично использовать искреннюю веру и доверчивость своих граждан. Очень часто в подобных ситуациях давление было чисто психологическим и сводилось к призывам верности Идеологии как какому-то ложному богу, которому человек однажды поклонился и присягнул.

⁹⁴ Из героев романа отметим Ройтмана, Яконова, а также Русанова из АРакового корпуса@, маршала Жукова, героя рассказа АЭго@ Эктова.

обстоятельствах не будет защищать его, а наоборот с оружием в руках готов бороться против. Это открытие поражает Рубина до глубины души.

Исход этого спора, где противники разошлись смертельными врагами, имел прямое отношение и к судьбе Иннокентия Володина. Если днём Нержин и заставил Рубина усомниться в моральной оправданности его поступка, то сейчас Рубину, тщеславие которого многократно уязвлено нападками Сологодина и его доводами, которые он не смог отразить, Апрояснялся тот единственный сокрушительный удар, который он мог нанести Сологдину и всей их своре. Ничем другим их не проберёшь, меднолобых! Никакими фактическими доводами и историческими оправданиями потом не будешь перед ними прав! Атомную бомбу! - вот это одно они поймут. Перемочь болезнь, слабость, **нежелание** (выделено мной -П.Ф.) - и завтра с раннего утра припасть, принюхаться к следу этого анонима-негодяя, спасти атомную бомбу для Революции.@ (2, 159-160)

Так заканчивается 69 глава романа АПод закрытым забралом@, и идеологический спор очень оправданно решает композиционную и сюжетную задачу, связывая психологическое состояние Рубина после спора, в котором главным образом задевается и унижается его человеческое тщеславие, его претензия на учительство, проповедничество и служение, с логично вытекающим его решением во что бы то ни было найти преступника и таким образом восстановить своё лицо *избранного служителя Идеи*. Ослеплённый и изнемождённый этой борьбой Рубин больше не хочет думать о причинах, побудивших высокого чиновника министерства иностранных дел сделать свой роковой звонок в посольство. Сейчас им движут лишь чувства оскорблённого в своих амбициях человека.

С утра в понедельник он, забыв ночную бессоницу и боли в сердце, с необычным душевным подъёмом (кроме того, что он ловит врага социализма, спасает бомбу для революции и тем самым получает надежду на освобождение; это и способ расквитаться с Сологдиным, и искреннее увлечение созданием новой науки Афоноскопии@) принимается за сличение голосов на плёнках. После целого дня вдохновенной работы Рубин сообщает Ройтману, что из пяти подозреваемых троих он уверенно отводит, а голоса двоих - Володина и Щевронка - похожи на голос звонившего Апо частоте основного тона@ и по Аиндивидуальному речевому ладу@. Захваченный созданием новой науки, Рубин, как человек легко увлекающийся, полностью забывает остальное. Он даже больше подозревает Щевронка и хотел бы получить больше времени на исследование его голоса. Пришедший генерал Осколупов без малейшей благодарности и пафоса разом опускает Рубина на землю, как и следователь ГПУ в допросе о деятельности брата. Осколупов считает, что на данном этапе их работа закончена, что больше ничего выяснять не надо, что арестуют обоих и Органы разберутся, какое дело завести на второго. Как и в случае с братом, Рубин в увлечении идеей на этот раз создания новой науки, в пылу своего энтузиазма решает судьбу не только Авиновного@ Иннокентия, но и не причастного к этому разговору Щевронка. Оказывается, новая наука нужна была только для поимки преступника, а Рубина использовали лишь как бесплатную рабочую силу. Единственная незамеченная Рубиным привилегия - более лучший, чем обычно обед, из-за которого долго пришлось согласовывать и хлопотать Ройтману. На минуту чувство горечи объединяет начальника Ройтмана

и его подчиненного Рубина. А Они сели на те самые стулья, на которых незадолго мечтали о великом будущем зарождающейся науки.... Как будто растоптали всё, что они так ажурно и хрупко построили. Как будто фоноскопия была вовсе и ненужна. Если вместо одного можно арестовать двух, - то почему не всех пятерых для верности?@ (2, 291)

Так Солженицын показывает через раскрытие внутреннего мира своего героя, что человек в плену идеологии, который он сам ощущает как некое жреческое служение, возвышающее его над остальными, не только слеп к действительности, не только плохо разбирается в людях и обстоятельствах, но в своей слепой вере в гуманность Идеи, способен на один из самых подлых и антигуманных поступков - предательство, и часто даже сам не замечает, как оказывается в ловушке.

4.10 Значение отдельного Афрагмента текста@ в композиции главы и романа. История инженера Потапова. Свобода выбора. Клише советологов - homo soveticus. (Недоуменный робот)

Седьмая окончательная редакция романа содержит некоторые как структурные, так и стилистические изменения : А... восстанавливая, я кое-что и усовершенствовал : ведь тогда мне было сорок, а теперь пятьдесят@, - отмечает писатель во вступительном слове к роману. (1, 7) Одно из важных структурных изменений, сделанных в последней редакции, - добавление нескольких глав, а также изменение стыковки глав. Так 29 глава в окончательной редакции кончается на странице раньше фразой АПодполковник Климентьев знал устав и любил порядок.@(1, 225) Описание, длиной примерно на страницу, того, что чувствует Нержин, только что получивший важную весть о свидании, перенесено в начало следующей 30 главы (АНедоуменный робот@). Так сильнее оправдывается название 29 главы (АРабота подполковника@), и вся глава получает большую художественную законченность. Перенос стыковки глав эстетически оправдан, несмотря на то, что описание радостной суety Нержина перед поездкой на свидание и отвлекает нас от нового персонажа, инженера Потапова, чья история занимает центральное место в этой главе, названной АНедоуменный робот@. Этот фрагмент - утренние хлопоты и мысли Нержина перед свиданием - настолько важная часть всей мозаики романа, что его нельзя убрать без того, чтобы не пострадала художественная целостность романа. Структурная функция этого фрагмента - крепление этой главы к романному каркасу, иначе бы она превратилась в отдельное самостоятельное литературное произведение или стала бы выполнять функцию Арассказа в романе@. Таким образом, этот фрагмент служит переходным мостом-смычкой между двумя главами. Вслед за Нержиным камера логически перемещается из кабинета Климентьева в общежитие тюрьмы, где герой, выбранный автором для пристального исследования в этой главе⁹⁵,

⁹⁵ Говоря о своей любимой форме романного повествования без главного героя, Солженицын подчеркивал: АУ меня нет главного героя. ... для меня главный герой тот, кому посвящена данная глава, и я должен строить всю главу полностью в его психологии, и стараясь передать его правоту. Больше того, я свой язык - не прямую речь, а свой авторский язык - строю так, чтобы он был верным фоном именно к этому герою, именно в этой главе, ...у

сидя на нижней койке, расположенной под койкой Нержина, читает газету.

Андрей Андреевич Потапов был украинский инженер по высоковольтным передачам, проработавший всю жизнь на ДнепроГЭСе. Уйдя добровольцем на войну и попав в немецкий плен, он был опознан немцами как строитель ДнепроГЭСа и получил от них предложение работать над его восстановлением. Ему было обещано освобождение из лагеря, где ели кору с деревьев, траву и умерших товарищей; продуктовые карточки, деньги и работа, которую он сам ставил в жизни превыше всего (за это в прошлом друзья в шутку называли его роботом). А-Вы ж понимаете, я ведь присягу подписывал. А если э т о подпишу - вроде противоречие, а? Так мягко, не театрально, Потапов предпочёл смерть благополучию.@ (1, 229)

Даже в этих крайних условиях у человека всё же оставалась свобода выбора, но сам выбор был часто экзистенциальным: Enten - Eller? Это был выбор, где второе - Eller ставило под угрозу само существование и являлось мерилom человеческого достоинства. Выбрав смерть, этот скромный человек, прозванный роботом за его страсть к работе и всю жизнь интересовавшийся только высоковольтными передачами, был возвращен ещё на три года в немецкий каннибальский лагерь, а по освобождению из лагеря и окончанию войны, несмотря на то, что Потапов вернулся на фронт и участвовал во взятии Берлина, осуждён на 10 лет в ГУЛаг. Точно такой же срок получил инженер Маркушев, согласившийся на сотрудничество с немцами. Сталинские приговоры не знали никаких ни юридических, ни просто логических законов. Может быть, именно это и заставило Аробота@впервые задуматься. АТам, под нарами Бутырской тюрьмы, робот впервые стал недоуменным, что, как известно, противопоказано роботам. Нет, он по-прежнему не раскаивался, что отказался от немецких хлебов, он не жалел трёх лет своих, погибших в голодном смертном плену. ... Но искра сомнения была заронена в него и затлелась. Недоуменный робот впервые спросил : а на чёрта, собственно, строился ДнепроГЭС?..@ (1, 232) Этот образ инженера Потапова, Анедоуменного робота@, противостоит и подвергает сомнению введённое Александром Зиновьевым и широко распространившееся понятие-стереотип, обозначающий среднего советского человека **homo soveticus**, не способного на самостоятельное, не зависимое от системы поведение и мышление. Все персонажи Александра Солженицына - прежде всего личности со своими индивидуальными характерами, поведением, мышлением и способностью к выбору. Так это и в случае инженера Потапова, который оказался способен не только на самопожертвование, но в конце концов приходит и к самостоятельному политическому мышлению.

4.11 По пути на свидание. Символичность, образность повествования. Правда детали. Нержин и герои романтизма. Размышление Нержина о своём призвании: Аузнать и понять! откопать и напомнить !@ (Немой набат)

По пути на свидание Герасимович и Нержин обмениваются в автобусе лишь парой реплик, не вступая в более пространную беседу, потому что свидание с родными - слишком великое событие в жизни арестанта, оно заставляет собираться с мыслями и проверять чувства целого года. А Приходит время будить свою забытую милую душу, спящую в усыпальнице.@ (1, 277) Редкая возможность встретиться со своими родными означает для заключенного своего рода уплотнение временного потока. Свидание - это исключение из временных и пространственных законов ГУЛага, выход в другой мир со своей логикой, понятиями и языком. АЭти свидания были что-то вроде древнегреческих стелл - плит-барельефов, где изображался и сам мертвец и те живые, кто ставили ему памятник. Но была на стеллах всегда маленькая полоса, отделявшая мир тусторонний от этого. Живые ласково смотрели на мёртвого, а мёртвый смотрел в Аид, смотрел не весёлым и не грустным - прозрачным, слишком много узнавшим взглядом. А (1, 278) В своей книге АНа весах Иова@ Лев Шестов приводит рассказ-притчу о человеческой душе, которая несколько раз попадает на границу жизни и смерти, и каждый раз, возвращая её к жизни и отпуская её обратно в мир, ангел смерти дарит ей еще одни глаза, так что по возвращении она смотрит на мир и людей другим, Аслишком много узнавшим взглядом@, и это новое знание, открывшееся ей, невозможно выразить и передать живым.⁹⁶

В АКруге первом@ заключённые часто сравниваются с мертвецами (хотя подчас эти Амертвецы@ живее, веселее, остроумнее и даже счастливее многих живых, тускло проводящих свои дни в условиях свободы, достатка и власти над себе подобными). Одно из таких мест романа - проводы Нержина на этап. АКак на похоронах вспоминают всё хорошее, что сделал покойник, так сейчас они в похвалу Нержину вспоминали, каким любителем качать права он был и сколько раз защищал общеарестантские интересы.@ (курсив - А.С., 2, 379) Острова лагерного архипелага много раз ставят человека на грань выживания, и столько же раз Аангел смерти@ дарит ему новое видение и новый опыт, который трудно передать живым. Нержин, как и сам Александр Солженицын, относится к тому удивительному роду гулаговских Амертвецов@, которые поставили задачей своей жизни донести именно этот опыт Апотустороннего мира@ до всех живых. Образ древнегреческой стеллы, символизирующей положение заключённого, своей символичностью и философской глубиной опровергает излюбленное мнение некоторых критиков о том, что основное качество прозы писателя - публицистичность.⁹⁷ Соположение бренного и вечного, Ауплотнение@ времени и

⁹⁶ Шестов 1975

⁹⁷ Так, например Евгений Евтушенко (АЛитературная газета@ май 1998) заявляет, что Солженицын в своём позднем творчестве (начиная с ААрхипелага ГУЛага@) утратил свойственную ему ранее лиричность. Несмотря на то, что Солженицын, находясь в изгнании, не написал, ни одного стихотворения в прозе (признание писателя - смотри АНовый мир@ 1994), в его АКрасном Колесе@ можно встретить множество лирических отступлений. Обычно они связаны с настроением героя или его воспоминаниями: смотри

пространства в вышеприведённом отрывке, образность и лаконизм текста, наконец, его философский подтекст ставят его намного выше уровня злободневной публицистики.

Огляд на тюрьму с высоты пригорка погружает Нержина в элегическое настроение - под ровный шум мотора и звуки детских голосов он размышляет о своей жизни, судьбе и призвании. Здесь интересно отметить, что внешние наблюдения (взгляд на тюрьму, потом на ребёнка, который хотел перебежать шоссе) дают толчок размышлениям о своей судьбе. А И Нержин, годами не думавший ни о каких детях, вдруг ясно понял, что Сталин обокрал его и Надю на детей.⁹⁸ Именно так человеческое сознание и реагирует на то, что человек видит, слышит или воспринимает через другие органы чувств: чувственное восприятие внешнего явления может поднять из глубины подсознания забытое, отторженное сознанием, но всё же угнетающее душу воспоминание или мысль.⁹⁸

Время от времени почти во всех своих произведениях Солженицын вступает в полемику с писателями, жившими до революции, с их романтическими представлениями о социальном зле и о будущем России⁹⁹. Так и здесь цитаты из Пушкина и Лермонтова - АСижу за решёткой, в темнице сырой@ (Пушкин) и АОтворите мне темницу, дайте мне сиянье дня, черноглазую девицу, чёрногривого коня@ (Лермонтов) - служат отправной точкой для совершенно иного подхода к той же теме. Писатель смотрит на неволю и на то, как её описывали романтические поэты, с совершенно иной точки зрения - взглядом узника сталинского ГУЛага.

АВ описании тюрем всегда старались сгущать ужасы. А не ужаснее ли, когда ужаса нет? Когда ужас - в серенькой методичности недель?¹⁰⁰ Уход от полноценной жизни и сосредоточенность только на поддержании чисто физического существования (сравни философию выживания Абрамсона) могут служить материалом для литературы лишь в двадцатом веке.¹⁰⁰ Ни Пушкин, ни Лермонтов никогда не были в тюрьме, поэтому и описание неволи у них проникнуто духом байронского романтизма. АЧтобы написать АСижу за решеткой в темнице сырой@или - отворите мне темницу, дайте черноглазую девицу - почти и в тюрьме сидеть не надо, легко всё вообразить. Но это

размышления Ирины Архангородской или воспоминания Ковынёва о Тамбове. Кстати Иван Бунин заметил, что удача художественного произведения складывается лишь из нескольких его вершин, всё остальное - вода. (Бунин. О Чехове)

⁹⁸ Интересно, что Солженицын перекликается здесь даже с такими далёкими от него по стилю писателями, как, например, Пруст. Вспомним, как вкусы, запахи, вид знакомых предметов переносят Свана в далёкие путешествия во времени.

⁹⁹ Например, в ААрхипелаге ГУЛага@, да и в АКруге первом@ (смотри главу 42, - 1, 321), подвергается своего рода Аироничному отстранению@ мечта чеховских героев о кирпичном заводе. Сравни также в конце АДоктора Живаго@ комментарий Гордона к строкам Блока АМы дети страшных лет России...@

¹⁰⁰ В отличие от Солженицына В. Шаламов был тем современным писателем, который намеренно - и это очень существенно для его стиля, который он сам больше считал символическим, чем реалистичным - поставил себе задачу описать дно лагерного ада как мира ужаса и такого мрака, где А свет не светит@ и где человек в стремлении сохранить себя биологически переходит все границы цивилизации, культуры, морали и нравственности. Жорж Нива сделал интересное сравнение трёх писателей и их методов: АУ Александра Зиновьева торжествует горизонтальная поэтика, у Шаламова поэтика падения (вертикально вниз), у Апервого@ Солженицына - поэтика взлёта (вертикально вверх).@ - Нива 1993, 287

примитив. Только непрерывными бесконечными годами воспитывается подлинное ощущение тюрьмы.@ (1, 280)

Сила воздействия прозы Александра Солженицына, посвященной лагерной теме, именно в том и состоит, что правдиво воспроизведена каждая **деталь**, каждый штрих лагерной жизни, всё взято либо из своего опыта, либо из опыта товарищей и бесчисленных жертв ГУЛага. Даже в этом отрывке, описывая изо дня в день повторяющиеся тюремные будни, писатель даёт нам точную и конкретную их картину, выбирая одну - две запоминающиеся читателю детали: **АИ мысли твои заняты тем, как с тюремного подноса захватить не серединку, а горбушку, как получить в очередную баню нерваное и немаленькое бельё.**@(1, 280) **Вспомним, как Потапов, сидя на Лубянке с герцогом Эстергази и обучая его русскому языку по АТюремным правилам@ на стене, подарил ему в день рожденья три пуговицы из хлеба - у него всё начисто было обрезано - и тот Аклялся, что даже от Габсбургов не получал подарка более своевременного.**@(1, 230) Эту деталь - **Ахлебные пуговицы@** читатель запомнит, ей поверит, потому что **Авыдумать этого нельзя@**. Именно это имел в виду писатель, повторяя одну из своих любимых пословиц: **АОдно слово правды весь мир перетянет@**, именно это и было его самое сильное оружие, от которого закачался и в конце концов рухнул советский тоталитаризм. Слово правды, например, конкретные подробности и детали одного дня простого рабочего человека Ивана Денисовича, и перетянуло весь мир от романтической увлечённости коммунистической идеей к трезвому видению действительности.

Текст Солженицына часто разворачивает перед нами новые и новые смыслы, ведёт читателя к большей и большей глубине. Так, например, в данном отрывке писатель начинает с зрительного образа - **Аперебегающий дорогу малыш@**, которого видит герой. Этот чувственный образ вызывает у него цепь воспоминаний о семье, доме и о тюрьме как препятствии его воссоединению с женой. Далее размышления героя касаются тюремной жизни вообще и того, что калечит тюрьма человека не столько ужасами, хотя и ими тоже, сколько **Асеренькой методичностью недель@**, и читатель, следуя за логикой рассуждений героя, отождествляя себя с ним, может задуматься и о смысле собственной жизни, о том, что **Асеренькая методичность недель@** есть в жизни каждого человека и что и на воле можно прожить жизнь без всякой пользы, отдавшись заботам **Аоголтелого внешнего коловращения.**@ (1,280) Здесь Солженицын поднимается до тех глубоких проблем человеческого существования, которыми так много занимался, например, Чехов. И мы понимаем, что находим в отрывке длиной меньше страницы не только описание чисто сюжетного события - поездки героя на автобусе на свидание, не только будни далёкой от нас тюремной жизни и ироническую переключку с романтическими строками русских классиков, а мы вбираем то, что касается и задевает непосредственно каждого.

Но тюрьма не только калечит человека. Вспомним, как Нержин в споре с Рубиным о счастье говорил: **АБлагословение тюрьме!!** Она дала мне задуматься.@(1,52) И далее -**А... люди сами не знают, к чему стремиться. Они исходят в пустой колотье за горстку материальных благ и умирают, не узнав своего собственного душевного богатства.**@¹⁰¹ (1, 54) Оказывается, Глеб со

¹⁰¹ А... the paradoxical notion of an invaluable freedom which only prisoners can enjoy

стороны по видимости несчастливый, был Атайно счастлив в этом несчастье. (1, 226) Ведь с молодости больше всего он боялся погрязнуть в повседневной жизни. Как герои Байрона и Лермонтова бегут от покойной замкнутости домашнего очага, от повседневности, влекомые жаждой приключений и своей беспокойной душой, так и Нержин попадает в трудные положения, но не добровольно, а по воле судьбы. Время и опыт постепенно учат Нержина понимать и даже использовать себе во благо кажущиеся произвольными удары судьбы. Так, оказавшись в жестоких условиях ГУЛага, он Авызнавал ... тех людей и те события, о которых на Земле больше нигде нельзя было узнать. (1, 226) Сталкиваясь с испытаниями тюремной и лагерной жизни, он выковывал свою волю и характер, в конце концов осуществляя себя более полно, чем мог бы сделать на воле. Именно в тюрьме Нержин до конца осознаёт своё назначение, и это делает время, проведённое им в тюрьме, величайшим по смыслу этапом его жизни. Даже Надя на свидании не находит в Глебе ни слабости, ни усталости, ни болезни, ни мольбы о помощи. Она заметит его подтянутость и бодрость АНо он улыбался! Он также самонадеянно улыбался, как тогда на Красной Пресне!.. Он выглядел здоровым, глаза его искрились насмешкой над тюремщиками. А(1, 307) А- Тебе - идёт. ... Всё это. Быть здесь (1, 307), - замечает она.

Оксюморон Анемой набат, давший название ключевой для понимания Глеба Нержина 37 главе, восходит к роману Гюго АДевяносто третий. Он относится к тому эпизоду, когда Лантенак сидит на дюне и видит сразу несколько колоколен. На всех на них смятение, колокола бьют в набат, но ураганный ветер относит звуки, и слышит он безмолвие. Очень визуальная, почти кинематографическая сцена, где роль слухового восприятия усиливается именно из-за отсутствия звука. Противоречие между визуальной картиной (смятение на всех колокольнях, раскачивание огромных колоколов) и слуховой (безмолвие) угнетает, оно усиливает чувство беды. Данная глава даёт нам ключ к постижению характера и призвания Нержина (а через него и самого Солженицына, так как во многих чертах Солженицын через Нержина описывает удивительно откровенно и свою жизнь). Немой набат, который слышал всю жизнь Нержин - это ощущение большой исторической лжи, огромного несоответствия между тем, что действительно происходило, и тем, как это преподносилось; это заглушенные крики и стоны убитых и замученных, вопиющие если не о мщении, то, по меньшей мере, о том, чтобы это стало известно и было осмыслено.

А... каким-то странным слухом ещё с отрочества слышал Нержин этот немой набат - все живые звоны, стоны, крики, клики, вопли погибающих, отнесённые постоянным настойчивым ветром от людских ушей.

В численном интегрировании дифференциальных уравнений безмятежно прошла бы жизнь Нержина, если бы родился он не в России и не именно в те годы, когда только что убили и вынесли в Мировое Ничто чьё-то большое дорогое тело.

Но ещё было тёплое то место, где оно лежало. И, никем никогда на него не возложенное, Нержин принял на себя бремя: по этим ещё не улетевшим

частицам тепла воскресить мертвеца и показать его всем, каким он был; и разуверить, каким он не был.® (1, 283-284) В этих трёх абзацах текста, добавленных писателем в последнюю редакцию, кроется разгадка судьбы и жизненное кредо как Нержина, так и Солженицына.

С отрочества Глеб подробно читал стенографические отчеты в газетах о процессе инженеров-вредителей, убийстве Кирова, необъяснимые Асаморазоблачения® старых большевиков, и, не веря ни актёрскому голосу диктора со столба, ни писателям, Аудручающе-приторно хвалословящим тирана®, ни угодливым композиторам, Глеб с ранней молодости слышал гром Анемого набата®А- и неисторжимо укоренялось в нём решение: узнать и понять! откопать и н а п о м н и т ь !® (разрядка - А.С. 1, 285)

Это желание узнать и понять перерастает у Глеба в страсть, которая вытесняет всё остальное: науку, время, жизнь и даже любовь к жене. АЕму казалось - лучшей жены не может быть для него на всей земле, и вместе с тем - вряд ли он любил её. Одна большая страсть, занявши раз нашу душу, жестоко измещает всё остальное. Двум страстям нет места в нас.® (1, 285)

Не имея возможности получить интересующие его материалы ни из каких библиотек и архивов, Глеб ещё в молодости решает когда-нибудь проникнуть Ав самую Большую и самую Главную тюрьму страны® и там найти ключ к разгадке. Всё сбылось и исполнилось в жизни Глеба. Он, хотя и не добровольно, попал в конце концов в эту сердцевину таинственной, засекреченной системы, на Большую Лубянку, Ахотя это оказалось совсем не так легко и не так приятно®, как приключенчески мечталось ему в молодости на бульварах родного города. АОн был схвачен и привезён - именно туда, и встретил тех самых, ещё уцелевших, кто не удивлялся его догадкам, а имел в сотню раз больше, что рассказать.® (курсив - А.С. 1, 285)

Герой Солженицына, подобно героям фольклора или античности, попадает в различные испытания, но в конце концов получает ключ к разгадке тайны.¹⁰² В это время Нержин ещё не может знать своей дальнейшей судьбы, но он уже предчувствует исполнение как будто предначертанного ему и в то же время сознательно им понятого и выбранного призвания. Солженицын верит в детерминированность хода истории и отдельной человеческой жизни, но его детерминизм не абсолютен, так как предполагает принцип активности человека и свободу его выбора. Поэтому более правильно, с нашей точки зрения, говорить не о фатализме Солженицына, а скорее о его вере в Провидение.¹⁰³ Это обстоятельство сближает его не только с великими классиками русской литературы Пушкиным, Толстым и Достоевским, но и со всей мировой христианской мыслью.

Что же касается мира его героев, понятие добытой через поражение победы - другой полюс жизненной философии писателя, и это отличает его героев как от героев античной литературы (где трагедия - окончательное и

¹⁰² Сравни нисхождение в ад Одиссея, Орфея или героев АБожественной комедии®.

¹⁰³ Провидение - одно из центральных понятий во всём творчестве Солженицына и в его мировоззрении. Особенно важную роль оно играет в эпосе АКрасное Колесо®, само название которого говорит о судьбоносной силе космического масштаба ... В своей художественной автобиографии Солженицын очень часто говорит о Провидении, роль которого в своей собственной жизни он понимал много позднее происходивших с ним событий.

безвыходное положение героя), так и от фольклорных героев (герой попадает в различные испытания, но всё же не терпит поражения).¹⁰⁴

4.12 Надя и Глеб. Наталья Герасимович. Свидания. (Изменяй мне. Красиво сказать - в тайгу. Свидание. Ещё одно. За воскресение мёртвых!)

Прототипом Нади послужила первая жена писателя Наталья Решетовская, и события их знакомства, замужества, недолгого счастья и долгих лет ожидания мужа сначала с фронта, потом из лагеря - все взяты из жизни. Они находят подтверждение в автобиографических очерках Солженицына АБодался телёнок с дубом@, в книгах воспоминаний Н.Решетовской, в их письмах, фотографиях, а также в ранней автобиографической поэме писателя АДороженька@ и в неоконченной повести АЛюби революцию@. В двух последних книгах даже имена героев - Глеб Нержин и Надя - те же, что и в романе АВ круге первом@. Несмотря на большую близость к своим прототипам, главные герои романа всё же литературные герои со своей судьбой, характером и логикой поступков.

В первый раз мы встречаемся с Надей в главе АРабота подполковника@. Полковник Климентьев случайно встречает жену заключённого Нержина в субботу вечером в многолюдном метро и в инерции хорошего настроения и опасаясь привлечения внимания к ним говорит ей о разрешенном свидании (смотри главу 1.5 настоящей работы). Уже в этой главе автор отмечает контраст между её хрупкостью, усталостью, робостью и гранитной настойчивостью, с которой она молила о свидании. АОна смотрела в глаза подполковнику сухим, горячим, просящим, неменяемым взглядом. Климентьев поразился этому взгляду - какая сила приковала её с таким упорством и с такой безнадёжностью к человеку, которого она годами не видит и который только губит всю её жизнь?@(1, 223) Таким образом, с первой же сцены, где мы встречаемся с Надей, писатель освещает главное в ней - подвиг многолетней женской верности и преданности.

Письма от Глеба прекратились в последние месяцы перед концом войны, и началась тяжёлая полоса неопределённости. АВ военкомате ей не сказали - убит, сказали - пропал без вести. Смелое на аресты, государство было стыдливо на признания.@(1, 287) - афористичный и лаконично-точный авторский комментарий. Только спустя 4 месяца после войны Надя получила потрёпанный треугольник письма мужа с Красной Пресни с вестью о полученном сроке - 10 лет - и предложением Глеба не ждать её, а считать себя свободной и выходить замуж. Надя выбрала - ждать и вскоре стала находить в своём новом положении даже некую романтическую высоту, возвышающую их рядовую студенческую женитьбу. Романтизм переживаний и мыслей очень характерен для Нади, но в дальнейших главах, посвященных Наде и Глебу, Наде и Шагову, Солженицын опишет положение женщины, согласившейся на многолетнее ожидание и верность мужу, вовсе не романтически и возвышенно, а покажет всю сложность

¹⁰⁴ В какой-то степени герои Солженицына похожи на средневековых мучеников - смотри Юрий Боров. История эстетики 1-2, Минск, 1997

и тяжесть её внутренней борьбы с собой и обстоятельствами.

Узнав, что Глеб в Москве, Надя решает всеми силами пробиваться в недостижимую московскую аспирантуру, чтобы быть ближе к мужу. И снова Солженицын, как и раньше, даёт краткую социально-историческую справку: АПотомкам никогда не вообразить, что значило ехать тогда, а особенно - в Москву. Сперва, как и в тридцатые годы, гражданин должен был документально доказать, зачем ему не сидится на месте, по какой служебной надобности он вынужден обременить собою транспорт. После этого ему выписывался пропуск, дававший право неделю таскаться по вокзальным очередям, спать на заплёванном полу или совать пугливую взятку у задних дверей кассы.@ (1, 288)¹⁰⁵ И далее об образовании: АВысшая аспирантура страны приняла безвестную провинциалочку без имени, без денег, без связей, без телефонного звонка ...@(1, 288) Это было чудо, совпадение разных непредвиденных обстоятельств, но в то же время Ата нравственная вершина жизни, когда какие-то добрые силы помогают нам, и всё нам удаётся.@ (1, 288)

Вспомним сологдинские Аузловые точки@. Здесь в судьбе Нади явная перемена, поворот, и на этом повороте её самостоятельное решение и Анравственная вершина@ - ждать мужа, поддерживать его, хранить ему верность и надеяться на поворот к лучшему в их судьбах. Много часов провела она под тюремными стенами. Сначала свидания не давали, а писем на пересылке Глеб не получал, поэтому и не знал сначала, что Надя в Москве. АСвиданий вообще не давали: все каналы ГУЛага были перенапряжены - лился из Европы поток арестантов, поражающий воображение.@(1, 288) За одной человеческой судьбой, за одним фактом этой судьбы Солженицын никогда не забывает показать нам судьбу народа и лик истории, и это придаёт всему повествованию эпические черты.

Как и многие женщины, Надя проводила под воротами тюрьмы много часов в надежде хоть что-то узнать о Глебе, и радость от мысли, что он всё-таки жив, сменялась на горе от неопределённости его дальнейшей судьбы.¹⁰⁶ Она была не одна в этом горе и в этой надежде. Множество женщин по всему Союзу также стояли в очереди под тюремными стенами, ожидая вести о своих близких. Именно этим женщинам посвятила А. Ахматова свою поэму АРеквием@:

Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжёлые солдат.
Подымались, как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,

¹⁰⁵ Трудно поверить, что и после всех Адемократических перемен@ в России всё ещё действует механизм прописки, непонятный для западного человека, и регистраций въезда и проживания для любого иностранца, а в Москве даже для иногороднего. В 2000 году финскому человеку, приехавшему в свою столицу из любого финского города, показалось бы дикостью и абсурдом сложная процедура регистрации в трёхдневный срок и преследования, вплоть до кратковременных арестов, за несвоевременную регистрацию.

¹⁰⁶ Образ жены, ожидающей мужа и хранящей ему верность, перед крепостной или тюремной стеной восходит в русской литературе еще к образу Ярославны из АСлова о полку Игореве@, находит отражение в литературе житийной, перекликается с образом Сони, поехавшей за Раскольниковым в острог.

Там встречались, мёртвых бездыханней,
Солнце ниже и Нева туманней,
А надежда всё поёт вдали.

Однажды Надя увидела, как из деревянных некрашенных ворот тюрьмы выводили на работу к пристани у Москва-реки колонну арестантов, и мгновенно загадала: Глеб - здесь! Снова случай, совпадение, загадывание, приносящее удачу. Человек верующий назвал бы это молитвой и ответом на неё. Солженицын никогда не говорит в таких случаях о мистическом или потустороннем, целомудренно избегая рассуждений о Боге или молитве. Увидав Глеба, Надя бежала рядом с колонной, выкрикивая его имя, но он не слышал её за разговором и залившимся лаем охранных собак. Несколько чувств теснились в её груди: жалость к Глебу, месяцами задыхающемуся в тёмных тюремных стенах; счастье видеть его; гордость за него, что не сломлен, - и обида, что Аон совсем не горюет, он о жене забыл! И прозрела боль за себя - что он её обездолил, что жертва - не он, а она.@ (курсив - А.С. 1, 289) За один миг её любящее сердце, женское чутьё, интуиция открыли ей всё, даже то, что не она - главное в его жизни и что тюрьма в каком-то непонятном ей смысле дала Глебу новые возможности реализации себя.

Второй раз повезло Наде, когда Глеба не увезли в Заполярье, а выгрузили в самой Москве - в маленьком лагерьке, строившем полукруглый дом на Калужской заставе для начальства МГБ и МВД, и она получила возможность передач, переписки и свиданий. На этих свиданиях она отмечала множество перемен в Глебе. АНа свиданиях нельзя было его узнать. Как на всех заносчивых людей, несчастье оказало на него благое действие. Он помягчел, целовал руки жены и следил за искрами её глаз.@ (1, 291) То и дело он, не вполне веря этому сам, предлагал оставить его сейчас, не дожидаясь конца срока, тех последних, самых трудных лет ожидания. Надя же, один раз разгадав уже сердцем, что главная страсть в жизни Глеба - не женщины, и даже не она, и уже не то Внешнее оголтелое коловращение@, принимаемое людьми за свободу, не хотела вдумываться в это, а один раз сделав выбор, повинувшись голосу сердца, видела смысл своей жизни в верности мужу несмотря на все трудности и жертвы.

Даже своё женское самолюбие бросает она в костёр этой жертвы, передав Глебу в предверии возможного его перевода в лагерь и долгой разлуки зашитую в полотенце записку: А... твоя девочка будет тебе верна, пока она только жива ... Если в той безысходно-мрачной жизни развлечения смогут развеять тяжесть твоей души - что ж, я смирюсь, я разрешаю тебе, милый, я даже настаиваю - изменяй мне, встречайся с другими женщинами. Только бы ты сохранил бодрость! Я не боюсь: ведь всё равно ты вернёшься ко мне, правда?@ (1,292) Автор нарочно оставляет в Надином письме возвышенный стиль, некую позу героического самоотвержения и в некотором роде самолюбования. Это черты его героини. Заметим, что центральная глава, посвящённая Наде так и называется АИзменяй мне!@ Интересно, что в последующих главах, эта романтическая позиция и героический ореол жертвы будут подвергнуты тщательному реалистическому наблюдению.

Уже в главе АСвидание@, где Глеб и Надя встречаются по счастливой воле случая в день рожденья Глеба перед отправкой того на этап, Надя решает просить у Глеба разрешения на развод. Она считает для себя развод лишь формальностью, благодаря которой она сможет избежать вопросов анкеты о

муже и защитить диссертацию, которую она уже подготовила. Ведь если она напишет правду, что муж осуждён по 58 статье, то не только будут закрыты все пути в науку, но и из Москвы придётся сразу же уезжать. Надя хочет оформить развод тайно, в другом городе, а в анкете написать: Ане замужем@. Она приходит на свиданье в Лефортово уже без обручального кольца, с которым раньше никогда не расставалась, и это больно ранит Глеба, который уже привык к её ожиданию. АПервый, и второй, и третий год тюрьмы он уверен был, что Надя сменится, перебросятся, рассеется, отойдёт. Но этого не случилось. И вот уже Глеб стал понимать её ожидание как единственно-возможное.@(1, 282) Хотя Глеб и стремится стать независимым от всех привязанностей, чувство к жене, достаточно глубокое и сильное, и её верность много значит для него. После свидания, уединясь от всех в Аательё@ художника Кондрашёва-Иванова, Нержин перебирает подробности свидания с Надей.

АКак будто в драгоценной пылице были те места пальцев, которыми он на прощанье касался её рук, шеи, волос. Годами живёшь без того, что отпущено на земле человеку. Оставлены тебе: разум (если он вмещается в тебя). Убеждения (если ты до них созрел). И по самое горлышко - забот об общественном благе. Кажется - афинский гражданин, идеал человека. А косточки нет. И одна эта женская любовь, которой ты лишён, словно перевешивает весь остальной мир. И простые слова :

- Любишь?

- Люблю! А ты? -

сказанные там взглядами или шевелением губ, теперь наполняют душу тихим праздничным звоном. Сейчас Глеб не мог бы представить или вспомнить каких-либо недостатков жены. Она казалась сплетённой из одних достоинств. Из верности.@(1, 362)

Развод, даже формальный, - один шаг к отдалению, один компромисс с обстоятельствами. Нержин, уже довольно побитый жизнью, знал, что у обстоятельств и событий есть своя неумолимая логика. АВ повседневных действиях людям никогда и не грезится, какие совсем обратные последствия вытекут из их поступков. ... Вот и Надя. Разводится, чтобы избежать преследований. А разведётся - сама не заметит, как выйдет замуж.@ (1, 362-363) Отчасти размышления Нержина оправдались событиями реальной жизни автора - Наталья Решетовская вторично вышла замуж, так и не дождавшись окончания срока мужа. Так романтическая позиция не выдержала проверки жизнью.

Вслед за главой АСвидание@, описывающей свидание Нержина с Надей, Солженицын ставит главу АЕщё одно@, посвященную свиданию в том же Лефортово супругов Герасимовичей, и главу АИ у молодых@ - о свидании Руськи с Кларой в пустой комнате марфинской шарашки. Таким образом скомпонованные, эти три главы образуют своеобразный триптих с одной сквозной темой. Для более полного понимания образа Нади очень важна центральная часть этого триптиха, описывающая страдание доведённой до отчаяния жены Герасимовича.

Её образ дан контрастно Наде, и контраст проявляется даже в описании её внешности: Надя аккуратно причёсана и одета в лучшее. На ней новая шубка, которой она хвастается перед мужем. Наташа опустила и совсем почти не следила за собой. АШубка была ещё довоенная, давно просилась хоть в

перелицовку, мех воротника проредился, полёг, а платок - платок был с незапамятных времён, кажется ещё в Комсомольске-на-Амуре его купили по ордеру - и в Ленинграде она ходила в нём к Невке по воду.® (1, 309) У Нади Амягкие губы®, Аигольчатая радуга глаз®, Адевически-точёная шея®. При взгляде на жену Герасимович отмечает её непривлекательность - Аглаза подведены впалыми ободками, у глаз и губ - морщины, кожа лица - дряблая.® (1, 309) Но эту внешнюю сторону перечёркивает высокое чувство, связывающее супругов. Наташа прождала уже два срока, и оставшиеся три года были самыми тяжёлыми, даже невыносимыми.

Контраст между Натальей Герасимович и Надей проявляется в их поведении перед свиданием и во время него. Во время ожидания Надя патетически говорит о жёнах декабристов и о своей готовности отдать себя до конца, поехать в тайгу, за Полярный круг. На самом же деле, как мы узнаём позже, она готовится к формальному разводу, а не к жертве, но слова её о жёнах декабристов несомненно искренни. АЖенщина со строгим лицом монахини, в облешем сером платке, с удивлением и уважением посмотрела на Надю: АУ вас есть ещё силы ехать в тайгу?? Какая вы счастливая! У меня уже ни на что не осталось сил. Кажется, любой благополучный старик согласись меня взять замуж - и я бы пошла.® АИ вы могли бы бросить?.. За решёткой?..®(1,298) - ужасается Надя. Далее Наталья Герасимович очень эмоционально и почти истерично говорит о преследованиях родственников заключённых, о том психическом и моральном давлении, которое не испытывали жёны декабристов.

Три дня назад Наталью Павловну, не отрёкшуюся от своего мужа, из-за родства с ним уволили с работы. Ей не на что жить. Для неё закрыты все возможности найти работу. Надя хвастается Глебу нарядами и своей концертной деятельностью, увлечённостью музыкой : (Алучше увлекаться чем-нибудь, чем кем-нибудь... Это - не между прочим было, это звонко она сказала, это - был удачно сформулированный её новый принцип! - И она выставила голову, ожидая похвалы.®(1, 304) Этот её Апринцип® также не выдержит испытания жизнью, потому что через несколько глав писатель покажет, как незаметно для себя Надя увлекается и начинает даже кокетничать и играть с Шаговым, остановившись только от его слов о невесте и через усилие над собой вернувшись душой к Глебу.

Наталье Герасимович не только не до концертов и мужчин, у неё нет сил и желания больше жить. Она изнемогает в борьбе даже не за жизнь, а за существование, за выживание. ®Мне не на что больше жить! Меня никуда не примут! Я не могу! Я больше не в силах! Я больше не проживу ни одного месяца! ... Мне лучше умереть! Соседи меня притесняют, как хотят, мой сундук выбросили, мою полку со стены сорвали - они знают, что я слова не смею... что меня можно выселить из Москвы! Я перестала ходить к сёстрам, к тёте Жене, все они надо мной издеваются, говорят, что таких дур больше нет на свете. Они все меня толкают с тобой развестись и выйти замуж. Когда это кончится? Посмотри, во что я превратилась! Мне тридцать семь лет! Через три года я буду уже старуха! Я прихожу домой - я не обедаю, я не убираю комнату, она мне опротивела, я падаю на диван и лежу без сил. Ларик, родной мой, ну сделай как-нибудь, чтоб освободиться раньше! У тебя же гениальная голова! Ну, изобрази им что-нибудь, чтоб они отвязались! ... Спаси меня! Спа-си ме-ня!!.. Она совсем не хотела этого говорить, сокрушенное сердце! ... Трясясь от рыданий и целуя

маленькую руку мужа, она приникла к покоробленному шероховатому столику, выдавшему много этих слёз.® (1, 313-314) Эта женщина с Асокрушенным сердцем®, прождавшая много дольше Нади, так легко бросившая слова о разводе и Аблагополучном старике®, поставленная на границу физического существования, морально униженная даже своими родными, не говоря уже о соседях, находит в себе силы не отречься от своего мужа, даже перед угрозой гибели.

Автор несколько не морализирует, сравнивая этих двух героинь, и даже само сравнение глубоко спрятано в подтексте (оно дано скорее в композиционном расположении глав, чем в прямых сопоставлениях), он не порицает Надю, когда она принимает и поощряет ухаживания Шагова. Как и мужские персонажи романа, Надя и Наталья описаны изнутри, с их точки зрения и их языком. АНадя сама не заметила, как и когда она впала во всё это - Алишний® билет в кино, шутливая схватка из-за записной книжки. А сейчас, едва Шагов вошёл в комнату и ещё препирался с Дашей, - она сразу поняла, что пришёл он к ней и что неизбежно случится что-то. И хотя перед тем она безутешно оплакивала свою разбитую жизнь, - порвав червонец, стояла обновлённая, налитая, готовая к живой жизни - сейчас.®(1, 415) Писатель с большим мастерством описывает психологию женщины, перемены её настроений и чувств и эту всё побеждающую силу жизни, которая заставила и Наташу Ростову справиться со своим горем и снова начать жить всей полнотой своего естества. В описаниях женской психологии и смены чувств Солженицын продолжает традиции русского классического реализма и, пожалуй, по глубине психологических наблюдений и раскрытию внутреннего мира героев ближе всех стоит к Толстому.

Интересно, что часто тонкие психологические состояния героев лаконично и символично передаются в романе через музыку. Так в главе АХьюги-Буги® поверхностный оптимизм Валентули передан через джаз и противопоставлен серьёзности Глеба, слушающего 17 сонату Бетховена, просветляющую его и возвышающую к существенному. Кульминацией 52 главы АЗа воскресение мёртвых!®, главы, в которой мы в последний раз встречаемся с Надей, становится листовский этюд фа-минор, который слышится из соседней комнаты по радио. Надя призналась Шагову о свидании с Глебом и о том, что тот в тюрьме, Шагов быстро вышел из комнаты, забыв шинель. Надя в одиночестве, прислонясь лбом к оконному переплёту слушает листовский этюд - А... она ведь его играла когда-то в юности - но понимала разве?... пальцы играли, душа же не отзывалась на это слово - *disperato* - отчаянно ... Она стояла как распятая на чёрной крестовине окна. Была в жизни маленькая тёплая точка - и не стало. Впрочем, в несколько минут она уже примирилась с этой потерей. И снова была женой своего мужа. Она смотрела в темноту, стараясь угадать там трубу тюрьмы Матросская Тишина. *Disperato!* То бессильное отчаяние, в порыве встать с колен и снова падающее! Это настойчивое высокое ре-бемоль - надорванный женский крик! Крик, не находящий разрешения!..®(1, 417) Подобного лаконизма и правдивости в описании чувств живой, жаждущей любви женщины, вынужденной сдерживать напор своих эмоций, обречённой судьбой и самой выбравшей подвиг ожидания и верности, трудно найти в мировой литературе.

4.13 Герасимович. Учёный и общество. Любимая мысль Достоевского и её отголоски в романе. Техно-элита. (Еще одно. Техно-элита. Не ловец человеков. На задней лестнице)

Илларион Павлович Герасимович - Афизик-оптик, узкоплечий невысокий человек с тем подчёркнуто-интеллигентским лицом, да ещё в пенсне, с каким рисуют на наших плакатах шпионов^(1,277) - на марфинской шарашке недавно. Он чем-то Анеизъясно нравился[@] Нержину. Случай познакомиться поближе представился, когда им обоим было разрешено свидание.

Историю Герасимовича мы узнаём в 41 главе АЕщё одно[@], посвященной свиданию Герасимовича с женой. Это свидание, как мы отмечали выше, является центральной частью своеобразного Атриптиха[@] - трёх свиданий: Нержина с Надей, свидания Герасимовичей и свидания Руськи и Клары. Первое, что мы узнаём о Герасимовиче, - это чувство его глубокой любви к жене. А... подлую мысль, что жена некрасива, исподнюю мысль существа, Герасимович подавил. Перед ним была женщина, единственная на земле, составляющая половину его самого. Перед ним была женщина, с кем сплеталось всё, что носила его память.[@] (1, 309) Они женаты уже двадцать лет, и вот уже второй срок Наталья Павловна ждёт мужа.

Так же как и истории других заключённых, биография Герасимовича дана через саркастический рассказ о его незаконных преследованиях и арестах. Первый раз Герасимовича арестовали в 1930 году за Авредительство[@], и автор (и это характерная черта всего повествования) объясняет, что на самом деле скрывается за этим понятием:¹⁰⁷ начало инженерной работы Иллариона Павловича совпало с тем временем, Акогда слово Аинженер[@] равнялось слову Авраг[@] и когда пролетарской славой было подозревать в инженере - вредителя. А тут ещё воспитание заставляло молодого Герасимовича кому надо и кому не надо предупредительно кланяться и говорить Аизвините, пожалуйста[@] очень мягким голосом.[@] (1, 310) Не найдя никакой особой причины, ему дали пять лет и на Амуре сразу же расконвоировали. Туда и приехала к нему Наташа из Ленинграда, чтобы стать его женой. Пройдя годы репрессий, попрёков прошлым, увольнений и работы не по специальности, Илларион Павлович изменился: @ .. менялось это лицо, твердели эти губы, излучались через пенсне охолодевшие, а то и жестокие вспышки. Илларион перестал раскланиваться и перестал частить Аизвините[@]. (1, 310) После отбытия первого срока они скитались по разным местам, бедствовали, потеряли дочь и сына и только к июню 1941 смогли вернуться в родной Ленинград. С началом войны Герасимовича как человека неблагонадёжного снова не принимают никуда на работу, и он, Апризрак лабораторный[@], копает осенью траншеи, а с наступлением зимы становится могильщиком.

Во всех испытаниях и перипетиях судьбы Герасимович, как и Нержин, не только не слабел, а, наоборот, становился сильнее духом. Ещё до конца войны его арестовывают второй раз Аза намерение изменить родине[@]. И снова авторское отступление - расшифровка очередного советизма: АВ Ленинграде и многих

¹⁰⁷ Часто такие советизмы Солженицын выделяет курсивом, по ним можно составить целый словарь понятий и реалий советской эпохи.

брали так - за намерение, потому что нельзя было прямо дать измену тому, кто не был даже под оккупацией. А Герасимович, в прошлом лагерник, да приехал в Ленинград в начале войны - значит с намерением попасть к немцам.@ (1, 311) Долгое тюремное прошлое научило Герасимовича невозмутимости, собранности, сдержанности, и все эти годы, так же как и у Нержина, шла в нём большая внутренняя работа. Он твёрдо решил не работать на палачей, не давать им ничего важного, и хотя обстановка шарашки и его инженерный талант и позволили ему сделать выдающееся открытие, он считает его слишком ценным, Ачтобы отдавать за собачью подачку и в эти руки.А (2, 189)

Наталья Павловна рассказывает ему об увольнении с работы и травле соседей, она измучена и просит его спасти её каким-нибудь изобретением, дающим досрочное освобождение. Она в состоянии крайнего отчаяния и на пределе своих физических и душевных сил. Но даже измученное состояние его жены не колеблет его решения: А... изобретения здешние ... свойства ... весьма нежелательного@, - говорит он с оглядом на надзирателя. В конце главы контраст между сдержанностью Герасимовича и истеричным плачем Натальи Павловны еще усиливается. Внутреннее состояние Иллариона Павловича автор передаёт лишь несколькими штрихами. АЛицо Герасимовича перекошено застыло и слишком заблестало пенсне.@(1, 314) Ещё одним средством передачи трагизма и типичности этой ситуации в мире ГУЛага, её разновариантной повторяемости служит одна деталь - Апокоробленный шероховатый столик, выдавший много этих слёз@ и имевший историю богаче иной человеческой жизни.

В действительности Герасимовича глубоко потрясло бедственное положение жены, он пролежал как больной всё воскресенье и понял, что его срок не может течь и дальше так, как он тёт, что Наталья Павловна может не вынести трёх оставшихся лет и что нужно что-то предпринять. Ночью и на утренней прогулке Илларион Павлович мечтает, чтобы подвернулось что-нибудь лёгкое, Абезделушка для досрочки@ (2, 189), но тут же охлаждающий авторский ли, самого ли героя голос: АНо так не бывает. Ничего не даёт нам бесплатно ни наука, ни жизнь.@ (2, 189)

Герасимович ещё и ещё раз проверяет своё решение, к которому пришёл за долгие тюремные годы: работать на этот режим вполсилы, Атемнить@, не служить той карательной системе, которая стала главной силой в государстве. Свой давно наболевший вопрос он задаёт на прогулке Бобынину, с которым прежде мало общался: АВам не бывает стыдно?@ (2, 244) К этому вопросу его подтолкнул и рассказ художника Кондрашёва утром о картине Павла Корина АРусь уходящая@ с её глубоким историческим и нравственным смыслом. Возможно, рассказ об этой картине, содержание её и была та гиря на чаше весов, которая перевешивала страдания Наташи и его личные чувства. Картина эта - об исчезновении, уничтожении целых сословий, целых пластов русского населения, и что особенно важно и трагично, самого здорового, талантливого и нравственного в нём. К преступлениям, повлекшим исчезновение этих прекрасных лиц, Герасимович не хочет добавлять никакого своего участия, никакого вклада своих рук и ума, и даже страдания самого близкого ему человека не должны вовлечь его в преступную деятельность палачей. Он резко уходит утром от художника, не дослушав его комментариев по поводу картины, зримо представив все эти русские типы, и через некоторое время Нержин,

издалека наблюдавший за гуляющими, отмечает, что Герасимович ёжится в своём пальтишке и походит на воробья из-за своей щуплости и рядом с высоким Бобыниным. И снова авторское добавление, завершающее главу и дающее новый смысл всему образу Герасимовича. АНа того из народной поговорки воробья, у которого сердце с кошку.@(2, 243)

Пословица в конце главы¹⁰⁸ служит не только ярким стилистическим штрихом, не только связывает данную главу с последующей, но и выражает как авторскую позицию, так и народный взгляд на жизнь и на то, что в ней является существенным и ценным.

В разговоре на прогулке с Бобыниным (глава АТехно-элита@) Герасимович ставит свой вопрос-дилемму ещё острее:

- А... - а если бы за скорое освобождение вам предложили бы делать атомную бомбу?
- А вы? - с интересом быстро метнул взгляд Бобынин.
- Никогда.
- Уверены ?
- Никогда.@ (2, 244)

Этот диалог перекликается с одной из излюбленных мыслей Достоевского, найденной им впервые у Бальзака (АОтец Горио@, решение французского студента о китайском мандарине¹⁰⁹) и представляющей собой как бы квинтэссенцию, самую внутреннюю сущность евангельского учения, которое ему всегда было близко и дорого. Лектор Хельсинкского университета Оскар фон Шульц в своих лекциях о Достоевском считал эту мысль одной из главнейших мыслей Асветлого, жизнерадостного@ Достоевского. АНа несчастье другого, каким бы отвратительным, презренным и ничтожным он ни был, нельзя основать своего собственного счастья. Это главная мысль АПреступления и наказания@, где она выражена Соней Мармеладовой, но составляет подоплёку всего романа. Та же мысль проходит через все отношения князя Мышкина к Настасье Филипповне (АИдиот@). То же самое является заключением АБесов@, и то же с необыкновенной силой выражено в разговоре Ивана и Алёши в пятой книге АБратьев Карамазовых@. (фон Шульц 1999, 221) Таким образом, Солженицын в

¹⁰⁸ Очень типичный приём в прозе Солженицына, особенно в АКрасном Колесе@ много поговорок, завершающих главы и части узлов.

¹⁰⁹ В первоначальной редакции Пушкинской речи 8.6.1880 Достоевский подробно разобрал, почему Татьяна в АЕвгении Онегине@, всё ещё любившая Евгения, не согласилась для него оставить своего старого мужа Гремина - А... разве может человек основать своё счастье на несчастье другого? Счастье человека не в одних только наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа. Чем успокоить дух, если назади стоит нечестный, безжалостный, бесчеловечный поступок?@ - и приводил отрывок из АОтца Горио@, выпущенный в окончательной редакции. АУ Бальзака в одном его романе один молодой человек, в тоске перед нравственной задачей, которую не в силах ещё разрешить, обращается с вопросом к любимому другу, своему товарищу, студенту и спрашивает у него: послушай, представь себе, вот ты нищий, у тебя ни гроша, и вдруг где-то там, в Китае, есть дряхлый, больной мандарин, и тебе стоит только здесь, в Париже, не сходя с места сказать про себя: умри, мандарин, и он умер, но за смерть мандарина тебе какой-то волшебник ... пришлёт сейчас миллион, и ... никто этого не узнает, и главное он где-то в Китае, он, мандарин, всё равно что на Луне или на Сириусе - ну что, захотел бы ты сказать: АУмри, мандарин@, чтоб сейчас же получить этот миллион? Студент ему отвечает:... А что, он очень старый, твой мандарин? Впрочем, нет, безразлично, стар он или молод, болен или здоров, я всё же не сказал бы Аумри@. Вот решение французского студента.@ (Цитируется по фон Шульц 1999, 219)

этом диалоге даёт новую формулировку той глубоко христианской идеи, которая обща Достоевскому и Толстому, Руссо, Бальзаку и Канту, идеи о том, что ни один человек не вправе основать своё счастье на несчастье другого, как бы этот другой ни казался ничтожным по сравнению с первым, ни один человек не вправе использовать другого в качестве орудия для достижения своих целей, какими бы высокими эти цели ни казались ему. Эта мысль - одна из основных мыслей Достоевского, и её же выражают своими словами и, главное, действиями все лучшие герои романа АВ круге первом@.

Далее Герасимович развивает свои мысли об ответственности учёного перед обществом, далеко выходя за рамки работы на шарашке и во многом нащупывая проблемы будущего развития науки. АУчёный либо должен в с ё знать о политике - и разведанные, и секретные замыслы, и даже быть уверенным, что возьмёт политику в руки сам! - но это невозможно ... Либо вообще о ней не судить, как о мути, как о чёрном ящике. А рассуждать чисто этически: могу ли я вот эти силы природы отдать в руки столь недостойных, даже ничтожных людей?@ (2, 245) Эти слова очень современны и приложимы не только к 1949 году, но и к нашему миру с его всё набирающим скорость техническим прогрессом и незатухающими очагами насилия. Здесь же намечены те проблемы, над которыми размышлял в своё время и академик Сахаров.

В конце главы АТехно-элита@ Герасимович, отталкиваясь от содержания картины Корина, говорит Бобынину, что, уничтожив целые пласты русского населения - мыслителей, проповедников, государственных деятелей, бунтарей, Амохнатая чёрная лапа@ не дотянулась до одной группы - инженеров и учёных. Их расстреливали и арестовывали меньше других. И сейчас, считает Герасимович, именно эта группа должна наследовать Анеисполненный жребий гуманитарной элиты@ - вмешиваться в общественные дела, строить Аинтеллектуальное общество@, а не продавать себя и свой труд преступным властям за горстку призрачных благ.

Эти несколько патетические манифестации своей позиции Герасимович вскоре подкрепляет и личным поступком. В тот же самый понедельник, когда он мучился, как помочь жене, и беседовал с Бобыниным, он был вызван Осколуповым к Яконову, и ему было предложено то досрочное освобождение, о котором так молила его жена. Нужно было разработать на Спиридоновке (одной из московских шарашек) приборы слежки: ночной фотоаппарат и мини-фотоаппарат, который мог бы быть встроен в дверной косяк. АЭто было исполнение молитвы Наташи!.. Её иссушенное лицо со стеклянно-застылыми слезами стояло перед Илларионом. Впервые за много лет возврат домой своей доступностью, близостью, теплотой обнял сердце. А сделать надо было только то, что Бобёр: вместо себя посадить за решётку сотню-две доверчивых лопухих вольняшек.@(2,280) Илларион Павлович отказывается сначала мягко, потом выпрямляясь, с презрением глядя на Осколупова и забывая об опасности: АНет! Это не по моей специальности! - звеняще пискнул он. - Сажать людей в тюрьму - не по моей специальности! Я - не ловец человеков!¹¹⁰ Довольно, что нас посадили...@ (2,281) Он не выбирает даже полуотказа, когда, дав согласие, можно было бы тянуть время, не выполняя самого задания. Он выбирает то, о

¹¹⁰ Хотя здесь и сохраняется новозаветный оборот Аловец человеков@ (ср. Мф.4,19), но содержание его негативно и никак не связано с евангельским смыслом, что является свидетельством свободы Солженицына в использовании библейской лексики.

чём думал много лет и что сегодня ещё раз проверил в разговорах с Кондрашёвым и Бобыниным. Этот жертвенный выбор, как и выбор Нержина и Иннокентия является своеобразной доминирующей темой романа, и тройное повторение одинаковой по смыслу ситуации, усиливающейся от этого повторения, создаёт некий каркас, на котором держится всё Аздание@ романа.

Отметим ещё, что отказ Герасимовича, мотивированный его позицией, углублённой писателем в последней версии романа (Солженицын добавил две главы АТехно-элита@ и на АЗадней лестнице@, представляющие Герасимовича как глубокого близкого ему самому мыслителя), - не случайный порыв честного человека, а поступок, основанный на глубоко продуманной и чётко выработанной нравственной позиции. (Шнеерсон 1983, 25)

Кроме того, он оказывается отчаянно смелым человеком. Пригласив плохо знакомого ему Нержина на заднюю лестницу, Илларион Павлович в темноте излагает ему свой план смены государственной власти в России через Аобыкновенный дворцовый переворот@, и это, по его мнению, задача русской технической интеллигенции. АВвиду несбыточности всенародной революции и вредности надежд на помощь извне, выход остаётся один: обыкновеннейший дворцовый переворот ... Нужно всего от трёх до пяти тысяч отважных, инициативных и умеющих владеть оружием людей, плюс - кому-нибудь из технических интеллигентов ... установить связь с военными верхами ... чтоб обеспечить их благожелательный нейтралитет.@ (2,320) Герасимович верит, что после переворота среднее звено управления можно оставить, так как он мало верит в их искреннюю веру в идеи коммунизма. Нержин находит и сам план переворота и проект разумно устроенного общества утопичным, но ему импонирует решительность и смелость Герасимовича. По мысли Нержина, любая революция неприемлима, он с сомнением относится к прогрессу в истории и считает, что общество должно основываться только на нравственных началах. Настоящую же систему может переменить только Ановый век ... с его сквозной информацией@ и Аслово, разрушающее бетон@.(2, 323) Здесь Солженицын очень близко подводит читателя к своей позиции, многократно высказанной в его публицистике.

4.14 АХождение@ Нержина Ав народ@. Солженицын contra Толстой. Критерий Спиридона. (Хождение в народ. Спиридон. Критерий Спиридона)

Спиридон Егоров, в отличие от всех других заключённых марфинской шарашки, - человек, попавший сюда почти случайно, привезённый Апо карточке@ после трёх лет СевУралЛага в качестве стеклодува и оставленный дворником. Мы впервые встречаем его в главе АПилка дров@, когда он приносит Сологдину пилу. Нельзя представить двух более разных людей. Они разнятся в возрасте, внешности, образовании, языке, манере держаться, в поведении.

Мы уже обращали внимание на то, что Сологдин, несмотря на свою внешность ААлександра Невского@ и стремление заменять все иностранные слова в речи русскими, на самом деле относится к народу, людям из народа, даже русской истории, как выясняется в споре с Рубиным, с некоторым высокомерием

и презрением, и это отношение типично для определённой части русской интеллигенции. Для Сологодина народ - Абезразличное тесто истории®, Асерые, грубые существа, беспросветно тянущие упряжку, в которую они впряжены рождением.®(2, 130) На историю могут влиять, по его мнению, лишь одинокие яркие личности, которые Анесут в себе высшее понимание®. К таким личностям он безусловно относит и себя.

Рубин же считает Анарод® понятием вымышленным, для него всякий народ делится на классы, и высшее понимание жизни можно почерпнуть только в Аколлективизме и бескорыстии® пролетариата. Класс же крестьянства реакционен и непоследователен, и в Асветлом будущем® отомрёт сам собой, потому что при коммунизме классовые различия будут уничтожены.

Дружбу Нержина с дворником Спиридоном Рубин и Сологдин Аблагодушно называли Ахождением в народ® и поисками Авеликой сермяжной правды®, которую тщетно искали Гоголь, Некрасов, Герцен, славянофилы, народники, Достоевский, Лев Толстой... АСами же Рубин и Сологдин не искали этой сермяжной правды, ибо обладали Абсолютной прозрачной истиной¹¹¹®(2, 130), которая у каждого из них, как мы показали выше, разная. Так немного иронично писатель Аоправдывает® введение в повествование нового лица, никак не участвующего в основном сюжетном действии.

Играет ли этот образ свою самостоятельную роль в повествовании или он дан лишь для прояснения взглядов и отношения к народу и его Асермяжной правде® Нержина, и в чём заключается эта найденная Нержиным Асермяжная правда®?

Нержин рос в городе, в той среде, где ценилась образованность и наука, и Анарод® для него в юности был понятием почти абстрактным, что-то отдельное от него - образ страдающего брата, созданный русской литературой, - Ана книжной полке и где-то там - в деревнях, на полях, на перепутьях девятнадцатого века.® (курсив - А.С. 2.130-131) Честолюбие заставляло его учиться, чтобы принадлежать к Аизбранным®. Но в войну Нержин попал сначала ездowym в обоз, и обнаружил, что не знает и не умеет многих простых и полезных вещей, которые знал Анебритый, матерщинный, безжалостный, очень неприятный Народ.® (2, 131) Позже уже в офицерах, ощутив превосходство звания и положения, Нержин был более уверен в себе и А в полночь и в дождь был готов в поход и вёл за собой послушный, преданный, исполнительный и потому весьма приятный Народ.® (2, 131) Иронично и, как всегда, кратко автор показывает нам две крайности непонимания интеллигентом людей из народа и психологические причины этого.¹¹²

И только после ареста, в тюрьме, где не образованность и положение являли сущность человека, а только твёрдость характера, воля и преданность друзьям могла спасти или обречь на муки и смерть, Нержин ужаснулся изнанке некоторых Аизбранных®, их трусости и предательству и Асчёл, что ценны и значительны только те люди, кто своими руками строгаёт дерево, обрубает

¹¹¹ Очень типичное для русского мышления и языка различие правды - праведности, справедливости - и истины, точности факта. Отметим попутно, что Набоков, например, в своих лекциях по русской литературе, которые читал по-английски, произносил эти слова Аправда® и Аистина® всегда по-русски.

¹¹² Заметим, что ирония выражается и в том, что слово народ дано с прописной буквы, когда речь идёт о непонимании Нержиным простых людей, и с маленькой, когда Нержин сам разделяет их судьбу.

металл, кто пашет землю и льёт чугун. У людей простого труда Нержин старался перенять и мудрость всё умеющих рук и философию жизни.@ (2, 132) Таким путём сама судьба привела Нержина к той моде прошлого века - Аидти в народ@.

Отсюда, пожалуй, и начинается солженицынский спор с позицией Толстого, прямо высвечивающийся в дилемме, поставленной Нержиным (за позицией которого слышен ясный авторский голос) в главе 68 А Критерий Спиридона@. Уже у Толстого жизнеспособность каждого из персонажей АВойны и мира@ проверяется Амыслью народной@. В народной среде оцениваются лучшие качества Пьера - простота, бескорыстие, кротость, отсутствие эгоизма, пренебрежение к удобствам жизни, сила ... Идеалом, к которому Пьер стремится во время войны и затем плена, становится стремление войти в Аобщую жизнь@ народа, всем существом проникнуться тем духом, который движет простыми солдатами. Именно в крестьянской России Пьер видит Анеобычайно могучую силу жизненности, ту силу, которая в снегу, на этом пространстве, поддерживает жизнь этого целого, особенного и единого народа.@ (Толстой 7, 240)

Встреча с Платоном Каратаевым станет для Пьера решающим толчком к изменению всего его мировоззрения. Да и для других положительных героев Толстого путь идейного и нравственного роста ведёт к сближению с народом. Но если герои Толстого, разделяя с народом тяжесть и труд войны, остаются всё же в своих сословных рамках, а более поздняя интеллигенция времени Толстого и Чехова должна была переодеваться и ехать искать этот народ, и находить с ним общий язык; то для Нержина таких проблем не существовало - Аего просто турнули в народ, в изорванных ватных брюках, в заляпанном бушлате, и велели вырабатывать норму.@ (2, 132)

Когда Толстой пахал землю, он всё же оставался графом, владельцем большого поместья, и любой крестьянин воспринимал его работу как причуду дворянина. Революция бросила людей в один большой котёл, где сословия изничтожались и стирались, и поэтому - что потомки бывших дворян, что интеллигенты нового советского времени были в почти одинаковых условиях со всеми. Особенно все различия положения и образования стирались в условиях ГУЛага. АСудьбу простых людей Нержин разделил не как снисходительный, всё время разнящийся и потому чужой барин, но - как сами они, неотличимый от них, равный среди равных.@ (2, 132)¹¹³ После жестокой лагерной выучки Нержин понимает, что никакой особой Асермяжной правды@у этих людей нет и что они ничуть не выше его. Научившись переносить невзгоды лагерной жизни, Нержин осознаёт, что может быть так же твёрд духом, стоек и изворотлив, как они, и что даже есть у него и превосходства: А... были они слепей и доверчивей к стукачам. Были падче на грубые обманы начальства. Ждали амнистии ... были много жадней к мелким благам: Адополнительной@ прокислой стограммовой пшённой бабке, уродливым лагерным брюкам, лишь бы чуть поновей или попестрей.@ Главный же недостаток - отсутствие своего собственного мнения, собственных убеждений, Атой точки зрения, которая становится дороже самой жизни.@ (курсив -А.С. 2, 133) Так Солженицын, трезво видя не одни только достоинства простых людей труда, но и их ограниченность, избегает сусальной картины Народа, соединяющего в себе Амудрость, нравственную чистоту,

¹¹³ Это верно и для самого Солженицына и объясняет удачу таких характеров, как Матрёна или Иван Денисович. Можно даже сказать, что по условиям своей жизни и судьбы Солженицын оказался гораздо ближе к народу, чем Толстой, Чехов или даже Горький.

духовное величие@ (2, 130), и таким образом освобождает русское сознание от ещё одного мифа. Через мысли Нержина автор почти напрямую обращается к читателю¹¹⁴: АНе по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ. А по душе. Душу же каждый выковывает себе сам, год от году. Надо стараться закалить, отграничить себе такую душу, чтобы стать *человеком*. И через то - крупницей своего народа. С такой душой человек обычно не преуспевает в жизни, в должностях, в богатстве. И вот почему *народ* преимущественно располагается не на верхах общества.@ (курсив - А.С. 2, 133) Таким образом, и в этом писатель подчёркивает примат личностного начала и свободу человека в выборе своей судьбы и своего пути. В этом его большая близость к позиции Толстого и Достоевского, считавших, что улучшение общества можно достичь лишь через нравственное совершенствование личности, но в то же время и разница с Толстым, оценивающим народ как стихийную Ароевую@ силу, имеющую не свободное, а предопределённое значение и бессознательно направляющую ход исторического развития.

Переключка с Толстым и его Платоном Каратаевым видна и в самом образе Спиридона. В 67 главе АСпиридон@ писатель описывает почти всю советскую историю через судьбу одного мужика. На крутых её поворотах мы с удивлением вместе с Нержиным замечаем, что никакой системы, идеи и последовательности в действиях Спиридона как будто бы не было: он воевал и за красных, и за белых, и за зелёных; был Аинтенсивником@ и раскулачивал таких же как и сам трудолюбивых и спорых крестьян; получив 10 лет лагерных работ, был и работягой и Асамоохранником@; в войну был и в партизанах, и под немцами, и в плену, за который он и получил второй срок. И Аво всех жестоких выныриваниях и окунаньях, никакие раздумки не обессиливали Спиридона в минуты решений.@ (2,141) Его родиной, религией и социализмом была семья, и забота о ней да о земле определяла все поступки и выборы Спиридона. АТак же и в учении о добродетели всё у Спиридона было бесшумно и одно к одному подогнано. Он никого не оговаривал. Никогда не лжесвидетельствовал. Сквернословил только по нужде. Убивал только на войне. Дрался только из-за невесты. Ни у какого человека он не мог ни лоскутка, ни крошки украсть, но со спокойным убеждением воровал у государства всякий раз, как выпадала возможность.@ (2, 142)

Спиридон во многих чертах близок толстовскому Платону Каратаеву. Их сближает возраст - обоим около 50 лет; любовь к земле и своей семье; постоянная занятость какой-нибудь работой; оба были и в солдатах и в плену; речь обоих уснащена пословицами и поговорками, наконец, даже по внешности они похожи. Спиридон - Арыжий круглоголовый А(2,133), и А... вся фигура Платона в его подпоясанной верёвкой французской шинели, в фуражке и в лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки ... были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые.@ (Толстой 7, 58)

Поняв из рассказа Спиридона о своей жизни, что никакой особой идеи в его выборах не было, а действовал он всегда отчасти стихийно, повинуясь часто

114

Так как развенчание некоторых устойчивых стереотипов является одним из центральных нервов солженицынского творчества, авторский голос и авторская позиция в этих повествовательных фрагментах особенно явно себя проявляют.

чувству простого самосохранения, Нержин решается задать ему Атолстовский вопрос. Именно здесь Солженицын как будто проверяет позицию Толстого всем опытом безвинных страданий русского мужика в советское время. АСложная жизнь Спиридона, его непрерывные переходы от одной борющейся стороны к другой - не было ли это больше, чем простое самосохранение? Не сходилось ли это как-то с толстовской истиной, что в мире нет правых и нет виноватых?.. Что узлов мировой истории не распутать самоуверенным мечом? Не являла ли себя в этих почти инстинктивных поступках рыжего мужика - мировая система философского скептицизма?.. (2, 146) Это был настоящий Асоциальный эксперимент Нержина, и конечно же самого Солженицына: согласится ли рыжий круглоголовый мужик на то, что послереволюционная история России детерминирована, что есть в ней своя историческая необходимость, обуславливающая отсутствие суда, невозможность призвания к ответственности за преступления и кровь, что нет в ней правых и виноватых. Этот Асоциальный эксперимент Нержин ставит в разговоре со Спиридоном под лестницей, решившись наконец после долгого знакомства и войдя в полное доверие к дворнику задать тому свои Атолстовские вопросы.¹¹⁵ С какой мерой мы должны понимать жизнь? Где и отчего зло? Кто прав? - и, наконец, главный - А... если нельзя быть уверенным, что ты всегда прав - так вмешиваться можно или нет?.. Кто это может сказать?

- Да я тебе скажу! - с готовностью отозвался просветлевший Спиридон,... - Я тебе скажу: **волкодав - прав, а людоед - нет!** (2,148) И дальше Спиридон комментирует этот свой критерий различения добра и зла примером, имеющим, как ни странно, отношение к атомной бомбе (и здесь та же тема угрозы атомной войны получает уже какое-то новое сказовое звучание): он готов погибнуть под этой бомбой сам и со всей своей семьёй, которую любит больше всего в своей жизни, но только при условии, чтобы и АОтца Усатого и всё заведение их с корнем та бомба поразила, Ачтоб не страдал народ по лагерях, по колхозах, по лесхозах. (2, 149) Так устами простого русского мужика писатель приводит нас к тому, что бороться с произволом беззакония и тирании также необходимо и нравственно, как и защищать свою родину от внешних врагов, что каждый ответственен за свои поступки и именно из них слагается история.

Интересно отметить, что в 1959 году, прерывая работу над АКругом первым, Солженицын пишет за 40 дней АОдин день Ивана Денисовича. Этот рассказ - своеобразный Аотросток от романа, где Шухов повторяет, продолжает Спиридона, являя миру еще до АКруга первого и ААрхипелага сжатый вариант ээковской эпопеи.

4.15 Литература и искусство в плену идеологии. Галахов и Кондрашёв. АРыцари Грааля. (Два зятя. Замок святого Грааля)

Искусству, литературе, предназначению художника посвящены многие страницы

¹¹⁵ Параллель этого разговора и разговора Левина с подавальщиком Фёдором о богобоязненном старике Фоканьче отмечает Л.Ржевский: А... религиозно-этическое Акак жить Левина сгущается у Нержина в проблему - как вести себя в условиях всепроникающего насилия... (Ржевский 1972, 91)

романа. В главе АКак штопать носки@ Хоробров, бунтуя против обязанности работать по воскресеньям и уже обречённый на этап, оставшись в тишине запертой тюрьмы и стараясь скоротать время, просматривает книги современных писателей и досадует на лживость и искусственность того мира, который они создают. АНа хорошо оборудованных подмосковных дачах эти властители умов слушали только радио и видели только свои цветники. Полуграмотный колхозник знал о жизни больше них.@ (1, 239) Особенно достаётся модному писателю Николаю Галахову, прототипом которого послужил, скорее всего, Константин Симонов. Талант Галахова заставляет читателей ожидать от него настоящей правдивой прозы, но он Адавно сполз на эту принятую манеру писать как бы не для людей, а для дурачков, которые жизни не видели и по слабоумию рады любой побрякушке. Всё, что действительно рвало сердца человеческие, отсутствовало в книгах.@ (1, 240) Хорошо еще, что Отечественная война выручила - дала темы, героев и общепонятные чувства. На этих страницах Солженицын в оценке современной литературы приближается к стилю памфлета.

Тот же Галахов появляется во второй части книги, в главе 62 АДва зятя@, уже как самостоятельный персонаж на вечере у Макарыгиных, где расспрашивает Иннокентия о его работе дипломата. Он собирается писать пьесу о Аборьбе наших дипломатов за мир@ не потому, что его интересует эта тема, а потому что Апоследние годы ему казалось, что заграничная жизнь, или седая история, или даже фантазия о лунных жителях легче поддадутся его перу, чем окружающая истинная жизнь, заминированная запретами на каждой тропинке.@ (2, 95) Здесь Солженицын показывает не только лживость официальной советской литературы, но и стоящие за этим конформизм и трусость писателей, не смеющих правдиво описывать окружающую их жизнь, подчиняющихся определённому Асоциальному заказу@ и пишущих в огляде на могущественных критиков, для которых главное в оценке произведения - верность идеологической линии партии. Иннокентий в споре с Галаховым утверждает, что задача писателя - уметь подняться выше газетного факта, быть Анаставником других людей@(2, 96), как это понималось и русской классической литературой. Такова и позиция самого Солженицына. Для него важно влиять на людей, общество, изменять его к лучшему, то есть задача литературы и искусства в его представлении нравственная, учительская, а в годину несчастий и пророческая, то есть в определённом смысле идеологическая. Это объясняет большую идеологическую нагруженность самого романа АВ круге первом@. Автор как бы стремится вместить весь свой опыт жизни в марфинской тюрьме, все меткие услышанные и им самим найденные мысли, жизненные наблюдения, истории человеческих судеб в одно повествование, и местами текст и художественные образы не выдерживают такой идеологической нагрузки.

Так, явно Аперегружена@ глава 46 АЗамок святого Грааля@, где выведен тип художника, противопоставленного Галахову - Кондрашёва-Иванова. Если талант Галахова служит советской идеологии, и за это писатель получает славу, деньги и достаток, но жертвует правдой, своим талантом и Абессмертием@ (Аслава была, а бессмертия не было@, - думает о себе Галахов), то Акрепостной живописец@, правнук декабриста Кондрашёва, лишённый не только славы, но и нормальных условий работы и жизни, обречённый тюрьме на 25 лет только за то, что оказался среди слушателей крамольного романа Даниила Андреева, целиком

сосредоточен на своём творчестве и свободен в нём от всякой официальной критики и цензуры. Нержин, зайдя к нему побывать в одиночестве после свидания с женой, постепенно отходя от своих дум о Наде, размышляет о своём призвании историка революции, которому тюрьма только во благо, и о призвании художника: А... вот этот мечтатель, не восприимчивый к насмешкам века, - что потерял он, севши в тюрьму? Ну, нельзя бродить с ящиком красок по Подмоскovie. Ну, нельзя собирать натюрморты на столе. Выставки? Так он не умел себе их *устраивать*, и за полсотни лет ни единой картины не выставил в хорошем зале. Деньги за картины? Он не получал их и там. Дружелюбных зрителей? Но здесь он собирает как бы не больше. Мастерскую? Но даже вот такой холодной лестничной площадки у него на воле не было. ...Он не замечал, чем его кормили, во что одевали, когда пересчитывали его голову в числе других.¹¹⁶ Он пишет по памяти ненаписанные прежде натюрморты и пейзажи с тем новым пониманием цвета и формы, которое пришло ему в тюрьме.

Всё же в правоту Нержина в данном случае верится с трудом. Если его собственное *Аблагословение*¹¹⁷ в тюрьме в романе обосновано и логично вытекает из его судьбы и призвания, то совсем иное - положение художника, лишённого природы и обречённого до конца дней писать картины только по памяти. Неудачу этого образа отмечает и Вениамин Каверин: *АТрудно представить себе, что АНочной дозор*¹¹⁸ был бы написан, если бы Рембрандту грозил обратный этап на Аархипелаг¹¹⁹, с пересчитыванием эков, вынужденных стоять на одном колене и окруженных овчарками, преданными охранникам, как владимовский Руслан. Недаром же в *АКруге первом*¹²⁰ Солженицыну не удалась фигура художника, который пытался создать произведение, поднимающее на беспредельную высоту его жалкое существование.¹²¹ (Каверин 1997, 159) По сравнению с другими героями *АКруга первого*¹²² мы очень мало знаем о жизни художника, его характере или отношениях с другими людьми. Автор не даёт его портрета, крайне скудны детали его мастерской. Зато непропорционально много внимания писатель уделяет разбору его живописных полотен, смысл которых крайне сложно выразить художественным словом¹¹⁶, поэтому остаётся много неоднозначного, недосказанного или слишком общего. Сам же характер, суть личности остаются не понятны читателю. Из всех героев романа он самый малоубедительный, хотя и имеет, как большинство героев, своего реального прототипа.¹¹⁷

Даже по сравнению с Галаховым он выглядит слишком схематично. Отчасти это объясняется, что его рассуждения и его творчество по-своему идеологичны, и не зря во время празднования своего дня рождения (глава *АЛицейский стол*¹²³) Нержин называет его в шутку *Асто процентным соцреалистом*¹¹⁸, подчёркивая этим, что Кондрашёв стремится отражать не ту реальность, которую видит, а ту, которая существует в его воображении и является своего рода *Аидеальным состоянием*¹²⁴ реальности видимой.

¹¹⁶ Трактовку символики картин смотри - Нива 1992, 92; Dunlop 1975b, 254-255; Белопольская 1997.

¹¹⁷ Как и другие герои романа, Кондрашёв-Иванов имеет своего реального прототипа - марфинского художника Сергея Ивашова-Муратова.

¹¹⁸ Как ни странно, похоже называли и метод Солженицына: *Ачудо осовременивания соцреализма*¹²⁵ (Бёлль), *Асоцреализм наоборот*¹²⁶ (Игорь Виноградов).

Художник ищет в людях и природе отражение абсолютного и воплощает это в своих картинах, используя символику рыцарства. Так, в портрете калужской комсомолки он выявляет решительность и силу Орлеанской Девы, в простом натюрморте поднос сверкает, как щит, а в главной картине своей жизни, эскиз которой он показывает Нержину, изображен рыцарь Парсифаль в ту минуту, когда он впервые увидел замок Святого Грааля. По преданию, чаша с кровью Христа может явиться лишь тем, кто прошёл путь духовного восхождения. Этот образ высшей святости, глубинный для художника и для всей той ветви русской культуры, представители которой оказались в катакомбах, тюрьмах или изгнании, имеет здесь несомненно символическое значение. Жорж Нива считает его таинственным центром произведения, средоточием, сообщаемым ему его смысл: «В АКруге первом» центральный символ - рыцари Грааля. Узники марфинской шараги, освобождённые тюрьмой, избавленные от всех связей и владений, которыми нас нагружает и награждает обыденная жизнь, плывут, как некий мистический корабль, по безбрежному океану. ... Солженицынские Арыцари» должны биться в одиночку, в одиночку выбирать свою дорогу на символическом распутье. ... Их Аподвиг» - в борьбе с порабощением и растлением души - требует от них полного отречения ... Но, выдержав испытание, искус, они достигают того перевала, с которого виден АСвятой Грааль», иначе говоря - Совершенство, Божество Плотина. Достигнув перевала, рыцарь открывает сияние Вечности, как Шулубин в канун смерти (Ачто во мне - это не всё я»), то есть своего рода образную Трансцендентность. Восхождение на такую высоту - удел мужественных и готовых на жертвы, оно выступает завершением пути, который скорее победа над собой, нежели поиск Грааля.» (Нива 1992, 92-93)¹¹⁹ Нам кажется такая трактовка несколько натянутой. Солженицын очень целомудренно касается всего, что может быть связано с такими понятиями как АБожество» или АСовершенство». Нержин, хотя и преодолевает свой скептицизм, не приходит ни к какой законченной системе взглядов. Путь его познания и самопознания продолжается. К тому же Жорж Нива не улавливает некий иронический подтекст этой главы. Когда художник рассуждает о своём творчестве, он выглядит до некоторой степени даже смешным в своей патетике. При всей симпатии к нему Нержин считает его Анестарующим идеалистом», который не имеет опыта лагерной жизни, через который прошёл сам Нержин, и той философии здравого смысла, которой Нержин учится у Спиридона.

Отгалкиваясь от одной идеологической схемы, у художника есть опасность впасть в другую, пусть противоположную по смыслу и задачам, но всё же ограничивающую его.¹²⁰ Сам Солженицын, сознавая эту опасность, в данном романе и ещё больше в своём позднем творчестве всё больше стремится уйти от любой идеологичности и понять и отразить саму жизнь в её точных исторических формах.

¹¹⁹ Джон Дунлоп считает, что Кондрашёв является своеобразным духовным учителем Нержина, так же как Шулубин в АРаковом корпусе» является учителем Костоглотова. (Dunlop 1975b, 255 - 256) Действительно эти персонажи имеют некую параллельную функцию в обоих романах. Слова Шулубина о Мировом Духе могли бы быть очень естественны в устах Кондрашёва: АА иногда я так ясно чувствую: что во мне - это не всё я. Что-то уж очень есть неистребимое, высокое очень! Какой-то осколочек Мирового Духа.» (4, 453-454)

¹²⁰ Сравни творчество Ильи Глазунова, имеющее явную идеологическую перегрузку.

4.16 Иннокентий после звонка. (Князь Курбский)

Иннокентий принял своё решение плохо обдуманном порывом, в одержимости Асветлого отчаяния®, хотя и знал, что все телефоны прослушиваются и их только несколько человек в министерстве, осведомлённых о секрете Георгия Коваля. АОн просто бросился в пропасть, потому что осветилось ему, как это невыносимо, что так бессовестно уворуют бомбу - и начнут ею трясти через год.® (2, 268) Хотя в глубине души Иннокентий и таил надежду, что удастся как-то уйти от ответа, попасть за границу и там остаться, надежда эта была призрачна. АИннокентий ещё держался, сколько мог, с достоинством, но внутри уже был разрушен, у него отнялись все способности сопротивляться, искать выход, спастись.® (2, 268) В понедельник на работе Иннокентий узнаёт, что его назначение в ООН задержано, но у него даже нет сил проверить эту новость. Страх толкает его к мыслям о самоубийстве, к чувству жалости к себе от представления пыток. Он до сих пор не жалеет, что звонил. Тогда ему не было страшно. АБудто кто-то вёл его тогда.® (2, 269) Сейчас же А... ещё и дна не достигнув, он упал в опустошение, в изнеможение духа. Оборвался натяг его короткой решимости - и страх разорял и выжигал его.® (2, 268) Солженицын правдиво показывает не только светлую, высокую сторону героизма, но и обратную сторону - ту цену страха, страданий, колебаний безволия, которую часто платит человек за миг высокого противостояния.

Просматривая на работе свои записные книжки с целью уничтожения подозрительных записей, Иннокентий перечитывает мысли Эпикура, которые он когда-то выписал, о бессмертии, страдании, вечности. Он вдруг понимает, что больше смерти боится страданий телесных, пыток. Эпикур же говорит, что и пытки можно победить. Такой твёрдости Иннокентий в себе не находит. Особенно его удручает, что никто даже не узнает о его подвиге, Ачто был такой гражданин мира и спасал их от атомной войны. Атомная бомба у коммунистов - и планета погибла. В подземелье застрелят как собаку, а Адело® запрут за тысячью замков.® (2, 272) И соотечественники не поймут, даже если и узнали бы. Они принимают тирана за благодетеля. АКто князь Курбский? - изменник. Кто Грозный? - родной отец.® (2, 273) Так и Иннокентию достанется лишь позорная кличка изменника.¹²¹ Он не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, значит не дал её Родине! АА зачем она -Родине? Зачем она - деревне Рождество? той подслеповатой карлице? той старухе с задушенным цыплёнком? тому залатанному одноногому мужику?®(2, 273)

Здесь тема Аатомной бомбы® получает ещё один поворот - действительно, народу, измученному войной и внутренними потерями, меньше всего нужна атомная бомба. АИм нужны дороги, ткани, доски, стёкла, им верните молоко, хлеб, ещё может быть колокольный звон - но зачем им атомная бомба?®(2, 273)

¹²¹ Некоторые соотечественники не понимают поступка Иннокентия даже сегодня. Так Редькин В.И. в статье АСистема нравственных ценностей в творчестве А.И. Солженицына® в тверском солженицынском сборнике, выпущенном к 80-летию писателя, пишет: АСовременный читатель, получивший новый исторический опыт силового давления не только на Ирак или Палестину, но и на Сербию и новую некоммунистическую и разоружившуюся Россию, вряд ли поддастся обаянию всечеловеческих утопических мечтаний Иннокентия. ... Звонок Володина в американское посольство был безрассудным шагом. ... Всё-таки это предательство родины.® (Редькин 1998, 76)

Снова авторский голос страстно врывается в размышления героя, и мы снова узнаём мысли Солженицына, столь часто выраженные в его публицистике, о необходимости для России сосредоточения всех сил на внутреннем развитии.

Писатель в двух главах АТорпеда@ и АКнязь Курбский@ психологически точно показывает состояние своего героя до и после совершения поступка, изменяющего всю его жизнь. Настоящие же причины, подтолкнувшие Иннокентия к нему, рассматриваются автором через ряд отступлений.

4.17 Выбор Иннокентия. (Но и совесть даётся один только раз. На просторе.)

АНаша способность к подвигу, то есть к поступку, чрезвычайному для сил единичного человека, отчасти создаётся нашей волей, отчасти же, видимо, уже при рождении заложена или не заложена в нас. Тяжелее всего даётся нам подвиг, если он добыт неподготовленным усилием нашей воли. Легче - если был последствием усилия многолетнего, равномерно-направленного. И с благословенной лёгкостью, если подвиг был нам прирождён: тогда он происходит просто, как вдох и выдох.@ (2, 267) Если последнее относится к Руське, который жил Апод всесоюзным розыском - с простотой и детской улыбкой@, второе - к Нержину, подготовившему себя к переводу в лагерь многолетней тренировкой воли, то первое сказано об Иннокентии, для подвига которого достало единичного волевого порыва, но последствия своего поступка для себя самого он не смог оценить и представить.

В результате перемен, произошедших с ним за два последние года он вполне сознательно для себя подошёл к той черте, после которой его жизнь не могла продолжаться так, как она текла раньше. И если бы не этот случай, то наверняка произошло что-нибудь другое, что выбросило бы Иннокентия из привычной колеи и круто поменяло бы его жизнь.

В каком-то смысле Иннокентий не просто выбирает определённое решение внешней проблемы, его выбор гораздо глубже и фундаментальней: сознательно идя на жертву, он выбирает себя, своё уникальное, неповторимое и истинное Я. Становясь собой, он оправдывает и спасает прежде всего себя самого. АВнутреннее движение личности не оставляет времени на эксперименты мысли ... Наступит, наконец, минута, когда более и речи не может быть о выборе ... за человека выбрала сама жизнь, и он потерял себя самого, своё Я@, - пишет о таком выборе С. Кьеркегор¹²², сделавший проблему выбора одной из ключевых в своей философии, затрагивающей основные проблемы человеческого существования и получившей такое влияние в нашем веке. Поэтому этот рубеж выбора так значителен и именно поэтому он композиционно открывает и замыкает роман. Он выступает в романе как камертон, с которым становятся созвучны или несозвучны те выборы, которые делают Нержин, Герасимович, Потапов, Руська, Клара, а также выборы Яконова, Рубина или Сологодина. Каждый из этих героев конечно делает свой выбор, выбирает решение своей судьбы, и в каждом случае писатель показывает нам тот главный поступок, событие или цепь событий, определивших направление их жизни. В каком-то

¹²² Кьеркегор 1907, 231.

смысле здесь снова математик Солженицын применяет к человеческой жизни математические понятия. В данном случае уместно сравнение с вектором, задающим направление движения. В жизни человека, по мысли Солженицына, могут быть такие точки, где может круто меняться всё направление жизни, и вектор такому движению человек задаёт сам. Писатель верит, что для каждого возможно в любой точке его жизни измениться, и на этом основана его вера в человека, способного осознавать свои ошибки, заблуждения, ложь и неправду и подниматься из любого падения. Путь этот конечно не прост и требует от человека напряжения всех его душевных и духовных сил и часто жертвы. Важно подчеркнуть, что в этом поиске себя внешние обстоятельства, хотя и влияют на выборы человека, они скорее материал для его развития, конечный выбор остаётся всегда не за роком, судьбой или Богом, а за самой личностью.

Что же подвело Иннокентия к этой роковой черте экзистенциального выбора? История Иннокентия разворачивается перед читателем как бы с конца, как клубок, и его скрытая способность к подвигу проясняется читателю через ряд отступлений, посвященных Иннокентию. После первой главы мы встречаемся с ним только через 43 главы, почти в середине романа, в главе 44 АНа просторе®, не входящей в ранние редакции романа. События этой главы предваряют звонок Иннокентия, поэтому через Клару это глава связывается с главами, посвященными шарашке, и является своеобразной реминисценцией, отступлением в прошлое. В начале главы мы узнаём через жалобы Дотти и через Клару (Клара открыто или притаённо слушала эти разговоры Дотти с мачехой) о переменах, произошедших с Иннокентием в последнее время. Дотти рассказывает не только о разногласиях в их семейной жизни, но и о Аслужебных просчётах Иннокентия ... он ... стал пренебрегать мнением важных лиц, а это сказывается на их материальном положении.® (1, 330) Хотя этот рассказ говорит больше о самой Дотти, всё же перемена, произошедшая с Иннокентием, чем-то вызвана, она не случайна, её невозможно не заметить.

Семейная жизнь Иннокентия началась со счастливой любви и комфорта загородных дач и квартир, путешествий и удовольствий. АВзгляд их был: нам жизнь даётся только раз! ... Они старались отпробовать каждый новый диковинный фрукт. Узнать вкус каждого коллекционного коньяка ... Одеться в каждое платье. Оттанцевать каждый танец. Искупаться на каждом курорте. Побывать на двух актах каждого необычного спектакля. Пролистать каждую нашумевшую книжку. И шесть лучших лет мужского и женского возраста они давали друг другу всё, что хотел другой из них.® (2, 68-69) И не смущало их, что годы эти пришлись на войну, Акогда человечество рыдало в разлуках, умирало на фронтах и под обвалами городов, когда обезумевшие взрослые крали у детей корки хлеба. И горе мира никак не овеяло лиц Иннокентия и Доттары. Ведь жизнь даётся нам только раз!..® (2, 69) Как при противопоставлении мира Атюрьмы® и Аволи®, жизни советской и дореволюционной, идеологических догм и насущных будничных мыслей отдельного человека, Солженицын и здесь пользуется одним из самых любимых своих приёмов контраста, сопряжения разнородных пластов, что часто даже на уровне текста внутри главы проявляется в технике Амонтажа®: сочленения разнородного материала, высвечивающего через такое соположение новый смысл данного фрагмента текста. Так в данном отрывке картины жизни Иннокентия с Дотти получают новый смысл в соположении с штрихами военного времени.

Этот счастливый гедонизм сам собой перешёл для Иннокентия в пресыщение, и он даже испугался этого чувства, пробовал перебарывать его в себе, как болезнь, ждал, что оно пройдёт, но оно не проходило. И он сам не мог понять, откуда оно пришло и почему. А В двадцать восемь лет, ничем не больной, Иннокентий ощутил во всей своей и окружающей жизни какую-то тупую безвыходность.® (2, 69) Он отходит от друзей, отдаляется от жены - А ... эта женщина вдруг обнаружилась перед ним отсутствием тонкости и невыносимостью суждений.® (2, 70) Устойчивость их шикарной жизни стала стеснять Иннокентия. Дотти стремилась Аудержать в своём постоянном обладании все вещи на всех квартирах.® (2, 70) Главное же было не в жене и не в друзьях, а в самом Иннокентии. АЕму не хватало чего-то, а чего - он не знал.® (2,70)

Друзья называли его в шутку эпикурейцем, и однажды дома в Москве он решил найти и почитать Эпикура. С этим он и начал разборку старых книжных шкафов, принадлежащих его матери, привязанность к которой он чувствовал только в детстве, а в возрасте сознательном привык гордиться лишь отцом - знаменитым героем, прославленным в гражданскую войну матросским военачальником, погибшим в 1921 году при подавлении тамбовского мятежа. Мать Иннокентий помнил озабоченной, грустящей о чём-то, всегда обложенной книгами и грелками, и рано, в 47 лет, умершей. Мальчишкой он не задумывался, что соединило его родителей, когда его отец, Аопоясанный гранатами, в чёрном дождевике, вошёл по ордеру ЧК на обыск® в дом, где жила девушка, ставшая впоследствии его женой. Из старых писем и дневников матери вставал перед Иннокентием новый неведомый ему мир интересного, самостоятельно мыслящего человека, которого Иннокентий не знал, и атмосфера культурной жизни 1910-х годов: пестрота течений, столкновение идей, фантазии и тревожные предчувствия. В школе и институте это время Априучили считать самым позорным, самым бездарным во всей истории России - таким безнадежным, что не протяни большевики руку помощи - и Россия сама собой сгнила бы и развалилась.® (2, 73-74) Именно время февральской революции и октябрьского переворота заставляет его глубоко задуматься и начать искать причину слома русской жизни. Здесь мы снова видим центральный предмет интереса самого писателя.

Среди дневниковых записей внимание Иннокентия привлекают Аэтические записи®, особенно одна из них: АЧто дороже всего в мире? Оказывается: сознавать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть - не через тебя.® (разрядка - А.С. 2, 72) Как в неведомый скрытый от него мир погрузился Иннокентий в эти письма и дневники, а потом и книги матери, учась читать, критично оценивать и самостоятельно размышлять, постепенно освобождаясь от догм идеологического мышления. АИннокентий открыл, что он дикарь, выросший в пещерах обществоведения, в шкурах классово-борьбы.® (2, 74) После назначения в Париж открылся ему доступ и ко всем оттенкам мировых мнений и ко всей русской эмигрантской литературе. АСвою службу, свою работу, которую он до сих пор считал наилучшим, наиудачным жизненным жребием, - он впервые ощутил как нечто гадкое. ... Теперь она стала ему - против души, постылой® (2, 75) из-за тайной, задней деятельности сбора сведений и передачи инструкций. После дневников матери, книг и переоценки того, во что он верил раньше, Асозревшим новым

чувством он ощутил в себе и в мире новый закон: что и совесть даётся нам только один раз. И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести.® (2, 76) Всем этим он не может поделиться с Дотти, живущей теперь совсем в другом мире, ценности и понятия которого Иннокентий больше не разделяет. Их отчуждённость дошла до такой степени, что в одну из длительных командировок Иннокентий устроился ехать без неё, ему уже было легче и свободнее без неё, и даже её измена с одним инженером генштаба не приносит ему боли, скорей - облегчение. Отношения Дотти и Иннокентия напоминают здесь отношения Пьера с Элен у Толстого, и их отчуждение у Толстого также показано как через разницу их внутреннего мира и отношения к жизни, так и через разницу привычек, поведения в обществе.

Новое назначение в ООН нравилось Иннокентию из-за того, что ему нравилась сама идея ООН, но одновременно и пугало, так как снова он посылался с тайной целью, двойным заданием, с Аядовитой инструкцией®.

Как-то в один из будничных августовских дней Иннокентий, устав от своих тягостных никак не разрешающихся мыслей, непонимания жены и одиночества, предложил Кларе, с которой к тому времени у них установились простые дружеские отношения после её рассказа о встрече на лестнице, съездить на денёк за город и побродить по АРоссии простенькой®, попробовать найти такую. На настойчивые расспросы Клары о Европе, о том, как понимать жизнь здесь, Иннокентий сначала шутливо отмахивается, но в этих отговорках уже проявляется его потерянное положение: А- Но вы же дипломаты, вы нас всех ведёте - и вдруг ничего не понимаете?

- Да нет, все мои коллеги понимают, это только я ничего не понимаю. И даже я всё понимал примерно до прошлого, до позапрошлого года.® (1, 332)

Купив газету и устроившись на неудобной скамье у двери, выбранной Кларой, чтобы можно было свободно говорить, Иннокентий всё же начинает объяснять Кларе скрытый, недоговоренный или ложный смысл газетных сообщений. Такую же раздвоенность и противоречивость Иннокентий ощущает во всей своей жизни, особенно же в работе: АСлужить нашим дипломатом, Кларочка, это иметь две стенки в груди. Два лба в голове. Две разных памяти.® (1, 334-335) Он не может объяснить Кларе прямо, что главная работа советского дипломата не та, которая на виду, а вторая, тайная: встреча с зашифрованными личностями, сбор сведений, передача инструкций и выплата денег.

Интересно, что раздвоенность - черта и его внешности, и это замечает Клара. Она обнаруживает Атакую особенность его лица: отдельно верх его лица выглядел довольно жёстко, отдельно низ - мягко. От лба, свободно развёрнутого, от уха к уху, лицо косыми линиями сужалось и смягчалось к небольшому нежному рту. Около рта было много мягкости, даже беспомощности.® (1, 335) В лице Иннокентия могут сказываться наследственные черты как матери, так и отца в их большой несхожести и даже противоположности. Эта раздвоенность семейная, профессиональная, образа жизни и мышления привела к тому, что Иннокентий в своей стране чувствует себя как иностранец: он одет во всё заграничное, общается с женой и называет её на западный манер АДотти®, даже мало в нём осторожности - в поезде ищет, куда выбросить прочитанную газету, не осознавая, Акакой это заграничный жест!® (1, 334)

Сойдя с поезда на лесном полустанке и обогнув лес, они попали в сияющий бескрайний простор - Атакой объёмный, что никак его нельзя в два глаза убрать, не повернув несколько раз головы.@ (1, 335) Иннокентий признаётся, что никогда в России так просто не ходил, Атолько поезда, самолёты, столицы.@ (1, 336) А- Так это - Россия? Вот это и есть - Россия? - счастливо спрашивал Иннокентий и жмурился, разглядывая простор ... - Вот именно этого мне в жизни не хватает: чтоб во все стороны было видно. И чтоб дышалось легко!@ (1, 336) После долгих лет работы за границей Иннокентий, с одной стороны, чувствует большую отчуждённость от русской жизни, с другой, мучительно ищет то, что ему не хватало в Европе. В каком-то смысле он продолжает длинный ряд героев классической русской литературы - Чацкий, Онегин, Печорин, Рудин, Ставрогин, Мышкин. Он не может найти своё место в современной русской жизни. По своим запросам и мышлению он намного выше своего круга. Так же, как и вышеназванные герои, он критично оценивает состояние общества и мучительно ищет правды, он разочарован в любви, им владеет тот же Асплин@ и хандра, обрекающие его на бездействие. Но в отличие от героев русской классической литературы он поставлен в совершенно новые условия - тоталитарного государства с небывалой карательной системой, где неправильный выбор в критической ситуации может обречь на смерть множество невинных людей, где невероятно расширилась шкала преступлений и зла, которое причиняют друг другу люди, где человек живёт по двойным стандартам, где ложь прикрыта идеологией и носит всеобщий характер, где потеряли смысл и извращены привычные человеческие ценности, где вопросы совести и морали гораздо сильнее связаны с вопросами жизни и смерти, чем это могли только представить писатели предшествующей эпохи. Но не только эпоха отличает Иннокентия от этих героев. Его внутренний мир, его постепенное осознание себя, готовность на жертву и способность к подвигу, который он и совершает на пределе всех своих человеческих сил. По типу личности при всей своей отчуждённости Иннокентий гораздо ближе к героям Достоевского, мучительно ищущим и обретающим нравственный смысл и направление жизни и идущим в этом поиске до конца, до страдания и жертвы. В этом смысле, по мысли писателя, Иннокентий - это тот человек, через действие (осуществляемого как осознанный выбор) которого общество только и способно очиститься, измениться и воскреснуть. Он как то евангельское зерно, которое падает в землю не только для того, чтобы умереть, но и для того, чтобы принести таким образом Амного плода¹²³. И это безусловно одна из главных идей всего романа.

Посреди полей стояла выделяясь кучка деревьев, и, подойдя поближе, Иннокентий с Кларой обнаружили, что это кладбище. Интересно отметить, что обнаруживают они это тогда, когда Иннокентий на сочувственный вопрос

123

Солженицын и в публицистике говорит о смысле анонимного жертвенного героизма. Последний раз он писал об этом в заметке-письме в АНезависимую газету@ от 13.1.1998 АПрезрение к подвигу@. Эта заметка - ответ на статью в АНезависимой газете@ о бессмысленности кенгирского мятежа. Писатель возражает: АОднако именно несколько таких за короткое время Абесмысленных мятежей@ сотрясли и развалили в 1954-55 всю систему политических лагерей ГУЛага. Так же Абесмысленно@ восстали тамбовские мужики (даже шли Абрать Тамбов@ с топорами и вилами), и в 1921 их подавили, но они своими телами прикончили Авоенный коммунизм@. Так же Абесмысленно@ молодой китаец, на глазах всего мира стал под танк на площади Тяньаньмынь.@

Клары: АА у тебя когда всё это началось?@ прямо отвечает: АКогда я стал разбирать мамин шкаф ... Намного после смерти, намного. Да не так давно. ... Я ведь очень плохой был сын ... Я ведь при жизни маму по-настоящему никогда не любил. Я ведь во время войны из Сирии даже на её похороны ... Слушай, а это не кладбище?@ (1, 338)

Характерно, что классический образ России как раздольного поля смыкается здесь у Солженицына со смертью, кладбищем и воспоминанием Иннокентия о матери. Образ АРоссии-кладбища@ получает в этой главе своё развитие, когда Иннокентий и Клара доходят до деревни, в которой видят пустоту, запустение, грязь, бедность, людей-инвалидов, разрушенную церковь, дохлого цыплёнка в руках у старухи, груды сломанной техники под лозунгом АВперёд, к победе коммунизма!@, огромную колонну машин с военными. Кладбище и сама деревня стоят на просторе, и он как-то уравнивает и смягчает это ощущение смерти и разрухи, недаром в одном месте главы писатель употребляет это слово с прописной буквы. АСами плащи на землю бросились, само как-то селось - лицом к Простору.@ (1, 339) Через этот ёмкий образ автор доносит до читателя, что всё в конце концов и в судьбе отдельного человека, и в судьбе российской деревни, и на земле - совершается перед лицом и в присутствии этого Простора. Лицом к Простору Иннокентий признаётся Кларе, может впервые так ясно формулируя и себе: АКогда, Кларонька, всё ложь - очень утомляешься рано. Очень рано, вдвое быстрее.@ (1, 339), и позже в конце прогулки совсем по-гамлетовски: АЖизнь - распалась.@ (1, 348) Он рисует на земле круги: маленькие круги отечеств разных стран должны входить в один большой круг человечества.¹²⁴ АНич-чего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже - колючая проволока с пулемётами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества - нет. А только отечества, отечества, и разные у всех...@

По роду своей службы призванный следить за международной политикой, Иннокентий мучительно переживает разъединённость мира, его идеологическую разнородность, попытки отдельных стран, особенно сверхдержав, навязывать свою волю другим. Всё это, по мнению Иннокентия, может привести к глобальному конфликту, грозящему гибелью всей планеты. Он постоянно чувствует накал борьбы двух сверхдержав за мировое господство и свою личную ответственность за это. Эти чувства героя и новое состояние мира также отличаются от той картины, которую нам даёт русская классическая литература 19 века.

Хотя сюжетная линия, связанная с Иннокентием и похожа на линию детективного романа, глубина размышлений и чувств героя, сам тип его личности, его история, проблема его нравственного выбора разработаны с большой психологической глубиной, недоступной в границах детективного жанра. Его звонок в посольство не являлся следствием временного настроения, а

¹²⁴ Здесь получает ещё одно символическое значение образ круга как образ возможного единства, всечеловеческого братства. Рита Бракман в своей книге АВыбор в аду@ приводит и другие символические значения круга в поэтике Солженицына как образа законченности и совершенства, а также всего женственного. Так воплощением природного совершенства и самодостаточности становится озеро Сегден из одноименного этюда писателя. (Бракман 1983, 121)

оправдан всем его мировоззрением и имеет глубокие психологические и нравственные причины.

4.18 Нить Ариадны. Жизнь в затворе - способ неучастия во лжи. Последний шаг Иннокентия - бунт против отца или жертва за отца ? (Тверской дядюшка)

После прогулки с Кларой проходит год, и Иннокентий продолжает жить в своей отчуждённости и раздвоенности, всё время читая и раздумывая над тем, что однажды открылось. Перед новым назначением в ООН он приехал из Рима, где жил уже без Дотти, на несколько месяцев в Москву и тогда-то и решил навестить своего дядю Авенира, брата матери, живущего в Твери, поездку к которому долго откладывал. Этой поездке и посвящено следующее отступление в сюжетной линии романа, связанной с Иннокентием - глава 61 АТверской дядюшка@. Иннокентий предпринимает эту поездку, потому что Аэто был родной мамин брат, он знал жизнь мамы с детства, это был вообще единственный кровный родственник Иннокентия А (2, 79), и от него Иннокентий хотел доузнать, додумать о себе. Раз обнаружив в дневниках матери конец нити, распутывающей и объясняющей ему правдиво жизнь и себя, он, как Тезей, выходит постепенно по ней из лабиринта ложных ценностей и ложного представления о России в её истории и настоящем.¹²⁵ Встреча с дядей Авениром - продолжение этой Анити@. Интересно, что от книг и дневников матери Иннокентий стремится к России живой, некнижной и находит её в деревне Рождество больной и изувеченной, символом её становится кладбище; от книжного изучения истории он стремится узнать живую историю своей семьи, своего рода, проверяя тем самым и додумывая прочитанное. Все эти этапы - Аотрезки@ одной и той же выводящей из Алабиринта@ Анити@. На каждом из этих этапов Иннокентий узнаёт что-то новое и о себе и тем самым меняется.

Одноэтажный кривенький дом дяди с плохо открывающейся дверью походил больше на жилище отшельника и поначалу отталкивает Иннокентия своей унылой бедностью и запущенностью, наводя на него ещё большую тоску и вызывая ощущение западни. Как и у Гоголя в АМёртвых душах@, жилище очень похоже на хозяина: в кривом домике, с косым полом и косыми дверьми, увешанном внутри по стенам, окнам и мебели старыми газетами, дядя Авенир тоже кривоват, перекошен (одно плечо у него приподнято из-за угловато - выпершей лопатки), с запущенной бородой и усами, в старой жёлто-грязной кепченке и латаном-перелатаном костюме. Даже усмешка у него кривобока. Но запущенность эта только внешняя: Аон был, конечно, со многими немочами и недомогами, но ... глаза дядины не покрылись старческим туском и отрешённостью.@ (2, 78) Глаза были Аживые, хранящие силу@. Как жилище было на запорах: не открывалась легко ни дверь, ни калитка, заложена засовом внутренняя дверь, Акак будто дядя ждал, что ворвутся@ (2, 79), вечером закрываются ставнями с болтами окна (Ауспокоительное отделение от мира,

¹²⁵

Та же самая диалектика обнаружения действительности, прорыва к правде составляет внутреннюю пружину ААрхипелага ГУЛаг@. (Нива 1992, 71)

потерянное нашим веком@ (2, 84), так Ана запорах@ поначалу и сам хозяин, привыкший жить затворником за Агоды общего недоверия и проданности.@ (2, 80) Это один из способов Анеучастия во лжи@, жизни и Аработы по совести@ и даже физического сохранения себя - затворничество и уход от всех общественных связей, простые занятия по небольшому хозяйству и саду. Дядя Авенир делает в доме всю работу по хозяйству, а деньги в дом приносит Раиса Тимофеевна, медсестра, подобравшая и выходявшая дядю Авенира, когда ему было очень худо - А и душевно, и телесно, и в нищете@ (2, 82), и работающая сейчас на двух ставках.

С Иннокентием дядя говорит поначалу очень осторожно, всё время проверяя собеседника, но чем больше он встречает понимания со стороны Иннокентия, тем больше освобождается. На сочувственный вопрос племянника, тяжело ли управляться в его годы одному с хозяйством, дядя отвечает: Аводу таскать, дрова колоть, в земле копать, если в меру - нормальная человеческая жизнь. Скорей удушишься в этих пятиэтажных клетках в одной квартире с передовым классом ... кто домино как гвозди бьёт, радио не выключает от гимна до гимна ... Бутылки бьют прохожим под ноги, мусор высыпают вон посреди улицы. Почему они - передовой класс, ты задумывался?@ (2, 81) Так незаметно перейдя от быта к политике он по-сократовски задаёт Иннокентию вопросы, которые до сих пор никогда не приходили тому в голову: о вывеске флага как знака принудительной верности неуважаемому правительству, о Герцене и Аграницах патриотизма@ (АПочему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство?@- 2, 83), о расстреле крестьянских восстаний, о предательстве большевиками всех своих лозунгов, о секретности действий правительства. Все эти вопросы у дяди наболели, даже из своего укывища он продолжает следить за политикой, тратя последние деньги на газеты, посещая лекции заезжих лекторов и по полдня проводя за писанием статей, которые потом сжигаются, потому что хранить их слишком опасно. Зато хранил дядя старые газеты, во много слоёв навешанные будто от солнца или пыли - А это был способ некриминального хранения самых интересных старых сообщений.@ (2, 84) Вместе они просматривают самые интересные из них - тост Сталина за здоровье Гитлера в 1940 году, защиту Сталиным Аверных ленинцев Каменева и Зиновьева@ в 1924 и наконец вытащенные со дна сундука драгоценные номера АПравды@ второго дня октябрьского переворота. После просмотра газет долго беседуют, захватывая и ночь, и уже на вопрос о последней войне АИннокентий как привычное свободно формулировал такое, до чего без диалога никогда не доходила надобность: - Я так понимаю: трагическая война. Мы родину отстояли - и мы её потеряли. Она окончательно стала вотчиной Усача.@ (2, 86) Здесь собеседники полностью открыты друг другу, и от наводящих на суть дела вопросов дядя переходит к диалогу и с удовлетворением выслушивает и Иннокентия. Последний находит для своих мыслей точные и ёмкие формулировки, впервые облекая в слова свои разрозненные до того мысли. В конце ночной беседы всплыл и вопрос об атомной бомбе - посильно ли властям получить её или не посильно, и выношенное дядей уверенное горестное заключение: А- Но если сделают - пропали мы, Инок. Никогда нам свободы не видать@. Так тема Аатомной бомбы@ опять появляется и становится в ночном разговоре Иннокентия с дядей неким подведением итогов всей советской истории, самым худшим вариантом, грозящим отданием Авсего мыслящего в

законную власть тупоумия@ (2, 86) и возможной гибелью планеты.

Иннокентий остаётся ещё на день, читает старые газеты, вечером слушает воспоминания дяди о студенческой жизни на философском факультете, Авесёлом шумном студенческом революционерстве@. А к партии он никогда не примкнул ни к какой, видя во всякой партийной программе насилие над волей человека и не признавая за партийными вождями пророческого превосходства над человечеством.¹²⁶ (2, 87)

Особенно ярко дядя вспоминает разгон Учредительного собрания, разделивший родственников Иннокентия на два лагеря. Иннокентий узнаёт, что Отец его Артём был среди главных сухопутных матросов, разогнавших поганую *учредилку*, а дядя Авенир - манифестант в поддержку заветного Учредительного.@ (курсив -А.С. 2, 87) Атмосферу этого Единственного дня единственного свободного русского парламента - на пятьсот лет назад, на сто лет вперёд@ (2, 88) и расстрел той безоружной манифестации дядя передал Иннокентию так, как не мог Иннокентий прочитать ни в одной книге. И выходило по рассказам дяди, что дикие нравы (расстрел в спину мирных безоружных манифестантов, охлократия в Таврическом дворце с винтовками, нацеленными на ораторов) уже были готовы до всякой гражданской войны. И отца Иннокентия, которого тот привык считать героем, высвечивает дядя совсем по-новому в беспощадной своей памяти и не жалея Иннокентия, понимая, что он уже готов и нуждается в правде, только в правде, осязаемой, как эти подшивки газет.

А- И мой отец?!

- И твой отец. Великий герой гражданской войны. И почти в те самые дни, когда мама ... уступила ему ... Они очень любили лакомиться нежными барышнями из хороших домов. В этом и видели они сласть революции.@ (2, 90) Иннокентия обливает Аогонь от как будто собственного участия в подлости.@ (2,90) В темноте ночи дядя идёт ещё дальше: @- А ты никогда не ощущал правоту этой истины: грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?@ (2, 90) Так кончается их разговор и эта глава. Иннокентий впервые ощутил себя не частью Асоветского народа с его героическим революционным прошлым@, а сыном своих родителей, реально живших и создававших это вовсе не героическое прошлое. Распавшаяся Асвязь времён@ постепенно начинает соединяться. Благодаря дяде он понял многие причинно-следственные связи, ощутил Акладбищенски-убогое@ состояние России - закономерным звеном исторического процесса, в котором разгул зла имел и имеет своих конкретных исполнителей. Рядом с убогостью дядиной жизни он осознал своё благополучие как постыдное, потому что большая часть населения страны обречена на страдания, бедность и ложь. Самым же важным для него было то, что представление об отце как о герое рассыпалось вместе с ложной картиной недавней русской истории. Облик отца, как он выступил из рассказа дяди, связался с обликом разнузданной толпы, заполнившей Таврический и задушившей не только первый русский свободный парламент, но и саму идею свободы и путём беспощадного террора установившей невиданную в истории

¹²⁶

В этом отношении к любой партийности и к многопартийной политической системе можно видеть сходство взглядов дяди Авенира со взглядами философа Ивана Ильина (1882-1954) - смотри Иван Ильин. Яд партийности. Русский колокол. Берлин 1928, т 3 - и самого Солженицына

систему власти, истреблявшую лучших из своих собственных сограждан. Так его отец из героя превращается для Иннокентия в самого отвратительного насильника как над матерью, так и вместе с подобными ему над всей Россией. Эта переоценка отца, а через него и проснувшееся чувство собственного соучастия в подлости требуют очищения. Это и есть то важное, что хотел Иннокентий доузнать о себе. Принимая на себя вину отца, Иннокентий (кстати, имя его значит с латинского *innocens* - Аневинный®), делает последний шаг на пути осознания себя, внутренней готовности к раскаянию и жертве. Сложившиеся позже обстоятельства дают лишь возможность Иннокентию проявить то, к чему он уже внутренне готов.

4.19 Двойная кольцевая композиция романа. Принятие судьбы. Иннокентий в испытании ГУЛагом. (Да оставит надежду входящий. Хранить вечно. Второе дыхание.)

Последние шесть глав романа описывают арест Иннокентия и отправление на этап в числе других Нержина. Эти главы, с одной стороны, служат кульминационной точкой повествования, так как главные мысли автора находят в них своё логическое завершение, с другой, дают роману как бы двойную кольцевую композицию. Одно Акольцо® - звонок Иннокентия в начале романа и его арест в конце романа. Другое - соответственно, прибытие новичков с этапа в шарашку и отправление на этап.

Кроме того последние шесть глав, разделённые на три, посвященных Иннокентию, и три - Нержину, сами по себе представляют из себя законченное целое: если в первых трёх описывается вступление новичка в мир ГУЛага как в потусторонний незнакомый ему мир с непонятной пока ему логикой и его первые шаги и ошибки в этом мире, то в трёх последних ГУЛаг мы видим как огромную протяжённую адскую страну со множеством кругов глазами старожилы, закалённого зэка Нержина, свободно выбравшего себе и готового к возвращению в более тяжёлые по сравнению с Апервым® круги ада, не сдающегося перед судьбой и готового бороться за своё человеческое достоинство в тех рамках, которые будут заданы ему обстоятельствами.

Последние эпизоды перед арестом Иннокентия, на которых останавливается автор - бессонная ночь после звонка, тревожный день воскресенья с досадой на свой порыв и внутренним предчувствием беды; вечер у Макарыгиных и разговор со свояком - известным писателем Галаховым, ещё раз подтвердивший Иннокентию относительность ценностей как основу благополучия и славы писателя-конформиста; вернувшаяся нежность Дотти и близость с ней, давшая ему временное чувство безопасности, и наконец мучительный рабочий понедельник с непроверенным слухом об отсрочке его назначения в ООН и приглашением Дотти пойти вечером в театр. Аничто не показывало, что Иннокентий разгадан, но внутреннее предчувствие, неведомо вложенное в нас, щемило Володина, в нём росло предощущение беды - от него-то никуда и не хотелось ехать веселиться.®(2, 67)

Страх и расслабленность лишают Иннокентия способности холодно мыслить и действовать, внутренне собраться и подготовиться к худшему.

Вопреки предчувствиям он рассчитывает втайне на какой-то случай, могущий помочь ему выбраться из ловушки, и то радуется, как ребёнок, когда ожидаемый арест не происходит и есть еще минуты свободы и надежды на спасение, то приходит в полную панику, к мыслям о самоубийстве или желанию того, чтобы арест произошёл как можно скорей. Таким образом, крестный путь Иннокентия Володина начинается уже от звонка, и первая стадия его - казнь расслабляющим страхом, предчувствием беды, жалостью к себе и сознанием всё ещё большой привязанности к прошлой жизни - своему дому, Дотти, устоям сложившейся жизни. Мука Иннокентия, как и мука Раскольников у Достоевского, начинается сразу же за поступком, и для обоих этих героев это новый, не предугаданный ими опыт. Можно даже сказать, что они по-настоящему начинают узнавать себя и меняться именно в горниле этой муки.

Постепенно Иннокентий собирается, и Атоки воли® возвращаются в него. Он осознаёт, что подозрение на него - это еще не доказательство, и если нет способов помешать аресту и нечего прятать, то нужно воспользоваться этими последними днями и прожить их в полноте и внутренне подготовиться, например, воспользоваться теми мыслями Эпикура, которые в воскресенье он сам так остроумно защищал на вечере у тестя. АСледует знать, что бессмертия нет. Бессмертия нет - и поэтому смерть для нас - не зло, она просто нас не касается: пока существуем мы - смерти нет, а когда смерть наступит - нет нас.® (2, 271) Он вспоминает, что на вечере слышал то же самое от фронтовика Шагова, рассказывающего о своём военном опыте и вряд ли знающего эту мысль Эпикура: АВыходит, что смерть как бы тебя не касается: ты есть - её нет, она придёт - тебя уже не будет.® (2, 115 -116)

Солженицын многократно и очень искусно пользуется в своём романе цитатами. Трудно найти в мировой литературе примеры, когда мысль философа или писателя, выраженная в форме одного - двух предложений спасает героя от отчаяния (как в данном случае с Иннокентием) или помогает выдержать трудные годы тюрьмы, заново переоценить свои жизненные установки (как у Нержина). В этом сказывается как опыт жизни самого писателя, так и точный склад его ума математика, для которого цитаты и пословицы - своеобразные спрессованные Аформулы жизни®. Цитаты и пословицы в романе - один из способов авторского лаконизма и переключки контекстов разных эпох. Границы времени расширяются, и в одиночной камере Лубянки мысленным собеседником Иннокентия становится снова Эпикур, и таким образом мысли героя и автора оказываются поставлены в контекст опыта всей мировой культуры. Следует отметить, что Эпикур, хотя и становится почти персонажем романа (смотри мысленный диалог Иннокентия с Эпикуром в конце главы АВторое дыхание®), он остаётся всё же героем воображаемым, и писатель не переступает границ реалистического психологического повествования.

Сам арест застаёт Иннокентия врасплох, и это очень типичная черта арестов сталинского времени, разыгрываемых часто как театральные постановки. В ААрхипелаге ГУЛаг® Солженицын посвящает большую главу многообразию способов ареста и всегда одинаковой реакции шока и изумления человека перед фактом его ареста. И в ААрхипелаге® и здесь, в главе 91 АДа оставит надежду входящий®, писатель описывает арест с точки зрения арестуемого, и описание это строится исходя из опыта уникальной неповторимой человеческой личности, весь мир которой оказывается перевёрнут в секунду и

поставлен под угрозу смерти. Автор подчёркивает разницу общего и частного опыта. Одно дело - знать об арестах, и совсем другое - попасть в это положение самому. Это Асовсем другое@ испытывает каждый человек, попавший в мучительную или смертельную ситуацию. В этом переживании каждый ещё больней и отъединённой осознаёт свою Асамость@, своё отдельное от других уникальное бытие. Так Абытийно@ описывает Толстой смерть Ивана Ильича, так же описывает и Солженицын внезапные аресты в ААрхипелаге ГУЛаге@ и ещё более ярко, образно, психологично и глубоко - арест Иннокентия в АКруге первом@.

Власти инсценируют телефонный звонок начальника Иннокентия домой перед выходом Иннокентия и Дотти в театр. Шеф сообщает, что назначение Иннокентия окончательно утверждено и нужно явиться сейчас для согласования деталей. Иннокентий сразу же отбрасывает все сомнения и страхи по свойству человека верить в лучшее. Он воображает себя канатоходцем, при косом ветре идущим по скользкому канату и не упавшим. АИ теперь ещё надо оттолкнуться и сколько-то пролететь...@ (2, 326) Мыслями Иннокентий уже в Нью-Йорке и думает о том, как он там останется и какова будет реакция Дотти. Он так легковерно переносится в будущее, что не замечает настоящего - продолжения пьесы, составленной по сценарию МГБ. За ним заезжает незнакомый шофёр, потом они с улицы забирают Амеханика из гаража@, правая передняя дверь машины Азаедает@, и Ашофёр@ любезно просит Атоварища советника@ разрешить Аначальнику@ его сесть с ним рядом. Иннокентий в опьянении и азарте уже прокручивает в голове свой полёт до Варшавы, потому что только вылетев из Варшавы, будет чувствовать себя вполне спокойно, как вдруг нагло задымивший папиросой весь салон и кажущийся ему подвыпившим Амеханик@ даёт ему прочесть санкцию на его арест.

Ситуация меняется так резко, что Иннокентий не сразу осознаёт слов документа и смысла ситуации, он реагирует лишь самым поверхностным образом: АИ хотя Иннокентий прочёл, что он арестован, и это означало провал и конец его жизни, - в это короткое мгновение ему были невыносимы только эта наглость, впившиеся пальцы, дым и свет в лицо.@ (2, 328) Здесь и далее писатель со скрупулёзным вниманием прослеживает все перемены внутренних состояний Иннокентия. Отойдя от шока первых минут, он всё же не в состоянии верить и понимать смысл происходящего. Он представляет себе, что всё это Анесчастное стечение обстоятельств@, что зря он пустил Аподвыпившего механика@, что надо вырваться к шефу в министерство, и арест отменят. Хотя Иннокентий имел образование, необходимое для дипломатической работы, знал языки, много читал и, как ему раньше представлялось, разобрался в истории и понял, что собой представляет, как сложилась и как действует система тоталитарного государства - в жизни, на практике он оказывается совершенно не в состоянии применить все свои знания. Он чувствует, мыслит и действует, как Авольняшка@, и мудрую Абессмертную душу@ зэка ему ещё придётся строить и закалять долгими годами неволи.

Приехав на Лубянку, бывший государственный советник сразу и без протеста подчиняется всем командам и унижительным требованиям и даже успокаивается, думая, что всё худшее уже случилось. ААрест произошёл грубовато, но совсем не так страшно, как рисуется, когда его ждёшь. Даже наступило успокоение: уже не надо бояться, уже не надо бороться, уже не

придумывать ничего. Немотное, приятное успокоение, овладевающее всем телом раненого.@ (2, 329)

Для Иннокентия всё ново в этом мире, о котором он раньше знал только то, что он существует. Помещения Лубянки вначале кажутся ему то опрятной докторской приёмной, то мертвецкой, то больницей. Он не понимает ценности остающихся у него в употреблении вещей и брезгливо отказывается от носового платка, побывавшего в руках у надзирателя. Только потом в слепящем боксе, где он не может заснуть, Иннокентий понимает, какой опрометчивый поступок совершил. Он учится жить в этом мире, как первоклассник, пришедший впервые в школу, заново постигая смысл вещей и понятий, проверяя все свои книжные познания суровой школой ГУЛага. Даже языку ему приходится учиться заново: во-первых, надо освоить штампы казённо-канцелярского языка документов и псевдоправа, затем тюремные термины и команды, новую для него лексику ГУЛага (Иннокентий спрашивает у надзирателя, что такое пайка), а также привыкнуть к грубому стилю и широкому употреблению матерных ругательств.

Ему порой приходят здравые мысли, он сознаёт свои промахи: не опротестовал сразу же свой арест, не прочитал даже до конца ордер и не знает, в чём его обвиняют, так просто дался им в руки из своей московской квартиры, с московских людных улиц. Но эти трезвые мысли сменяются надеждами на то, что это ошибка и что шеф его ещё ждёт. От шума работающей где-то поблизости гудящей машины ему мнилось, что в его тесный бокс впускают газ для его удушения, и он в панике требует открыть дверь. Прокручивая в памяти своё прошлое, и особенно звонок, Иннокентий сокрушается, что звонил он зря, и никто не предпринял никаких мер для предотвращения передачи секретов, что его поступок - бессмысленное самоубийство и что лучше бы было ему уехать куда-нибудь подальше, в какую-нибудь Австралию и остаться там.

На Лубянке Иннокентий учится заново даже таким простым вещам, как сон и отдых в любом доступном положении, учится ценить свежий воздух, свет, тепло, пищу и питьё, возможность движения, он учится пришивать пуговицы, заново изобретая для себя свой способ шитья. Ему приносят в бокс эмалированную кружку с водой, на которой изображены кошка в очках, якобы читающая газету, а на самом деле следящая за прыгающим рядом воробушком. Иннокентий сразу же иронически придумывает: кошка - советская власть, книжка - сталинская конституция, а воробушек - мыслящая личность. Иннокентий даже улыбнулся и от этой кривой улыбки вдруг ощутил всю бездну произошедшего с ним. И от этой же улыбки странная радость - радость крохи бытия, пришла к нему. А (2, 336) Хотя мир Лубянки с первых же строк описывается как Апотусторонний@, перевёрнутый мир со своими законами и языком, где нет времени - АВ боксе Иннокентия потянуло узнать, который час. Он бездумно отодвинул обшлаг рукава, но *времени* больше не было.@ (курсив - А.С. 2, 338) - , где на документах с отпечатками его пальцев стоит надпись *Ахранить вечно@*, этот мир наполнен писателем очень точными реалистичными описаниями помещений, предметов, подробностей распорядка и инструкций. Даже молчаливые механические Аукло-люди@ Лубянки даны в их индивидуальных чертах и остаются в памяти читателя благодаря одной - двум чертам их внешности. Иннокентий нигде не встречает других арестантов, и в этом особый смысл психологического давления, когда арестанту кажется, что весь огромный механизм Лубянки занят и направлен против него одного. Только

стёртые ступени одной из лестниц открывают ему, сколько арестантов и надзирателей прошло по ним за все эти годы. Он как сказочный герой, попавший в злое царство, где нет союзников и друзей, и его учат вещи, как жить и справиться в этом мире. Они словно рассказывают ему то, что скрыто и погребено как тайна. АИ здесь-то, на ступенях последнего пройденного им марша, Иннокентий заметил: к а к были стёрты ступени! - ничего похожего нигде за всю жизнь он не видел. От краёв к середине они были вытерты овальными ямами на половину толщины. Он содрогнулся: за тридцать лет сколько ног! Сколько раз! Должны были здесь прошаркать, чтобы так истереть камень !@ (2, 358)

Самое большое открытие Иннокентия состоит в том, что и здесь, в аду, в потусторонности, жизнь продолжается, и он может даже испытывать такие удовольствия, какие раньше ему были неведомы (от смягчения какого-нибудь притеснения или неудобства), и даже способен на иронию. Прежде он представлял себе арест как Анеистовое духовное единоборство с государственным Левиафаном@, был готов к Авысокому отстаиванию своей судьбы и своих убеждений@, но оказался не готов к такой простоте, тупости, грубости и бесцеремонности. Никто, казалось, не интересовался его поступком, зато надзиратели были Азорко внимательны к мелочам, к которым Иннокентий не был подготовлен и в которых не мог сопротивляться. Да и что могло бы значить и какой выигрыш принесло бы его сопротивление? Каждый раз по отдельному поводу от него требовали как будто ничтожного пустяка по сравнению с предстоящим ему великим боем - и не стоило даже упираться по такому пустяку - но вся в совокупности методическая околичность процедуры начисто сламливала волю взятого арестанта.@ (2, 340)

Регистрация личности, обыск, санобработка, медицинский осмотр, баня - рутинные этапы, через которые каждый арестант проходит в своей жизни множество раз. Для Иннокентия это как открытие новой земли, где он воистину иностранец. На взгляд человека с воли, привыкшего к благополучию и комфорту, человека неглупого и образованного, жившего долго и за границей, действия лубянского конвеера полны нелепости, зла и абсурда. Такая точка зрения Ановичка@ даёт автору возможность очень саркастично описать картины обыска, стрижки, медосмотра. Иннокентий быстро воспитывается новыми условиями, приобретает новые понятия о жизни и радуется нескольким оставшимся после обыска пуговицам, возможности короткого отдыха, человеческому лицу и обращению одного из надзирателей. Его слабая воля поначалу сламывается изнуряющей машиной Лубянки, отдавшись в её власть, он погружается в Асладкое безразличие замерзающего на снегу@ (2, 343), но постепенно события и мысли этой бессонной изнуряющей ночи заставляют его признать случившееся реальным фактом и отбросить все надежды на свободу. Он понимает, что попал в страну Амёртвых@, откуда не возвращаются. АЕго поразила верность эпитафии:@Хранить вечно@. В самом деле, докажут или не докажут, что по телефону говорил именно он, - но, раз арестован, его отсюда уже не выпустят. Лапу Сталина он знал - она никого не возвращала к жизни. Впереди был или расстрел или пожизненное одиночное заключение.@ (2, 352) Иннокентий впервые мужественно смотрит в глаза смерти и принимает свою судьбу в случившейся реальности. Он начинает осознавать её не только как единичный случай, но как общую закономерность, как судьбу многих

справедливых, талантливых и просто самостоятельно мыслящих людей, прошедших и содержащихся вместе с ним в этой главной тюрьме страны. Ему хочется встретиться с ними и свободно говорить так, как неммыслимо на свободе. Изю всех жизненных благ он, как и Нержин, Герасимович, Руська и Спиридон - выбирает как главное справедливость. А Вот у него были деньги, костюмы, почёт, женщины, вино, путешествия - но все эти наслаждения он бы швырнул сейчас в преисподнюю за одну только справедливость! Дожить до конца этой шайки и послушать её жалкий лепет на суде!@ (2, 352)

И с этой новой вершины своей жизни он продолжает старый мысленный разговор с Эпикуром, но на сей раз уже в своём боксе, успокоенный и умудрённый зашиванием истерзанной одежды и поняв, что жизнь продолжается и в тюрьме, освобождённый этой простой работой от страха и угнетённости в последние часы покоя и собирания мыслей перед допросом. В нём Аоткрывалось высшее проникновение, открывалось то второе дыхание, которое возвращает каменеющему телу атлета неутомимость и свежесть.@ (2, 365) То, что ещё вчера было непонятно в мысли Эпикура об удовольствии, сегодня новым опытом новичка, получившего крещение Лубянккой, становится не только на свои места, но и подвергается строгой разоблачительной критике. А Внутренние чувства удовольствия и неудовольствия суть высшие критерии добра и зла.@ ... значит, то, что мне нравится - то добро, а что не нравится мне - то зло. Например, Сталину приятно убивать - значит, для него это добро? А нам сесть в тюрьму за справедливость не приносит же удовольствия, значит - это зло? ... С высоты борьбы и страдания, куда он вознёсся, мудрость великого материалиста оказалась лепетом ребёнка, если не компасом дикаря.@¹²⁷ (2, 366-367) Иннокентий понимает, что Акомпас@, разделяющий добро и зло, находится в нём самом, он обрёл его за эти последние годы, за ту поездку к дяде в Тверь (и дядя Авенир вдруг стал для него тут на Лубянке самым нужным, самым главным из всех встреченных им до сих пор людей), за эту бессонную первую ночь заключения, и что именно этот нравственный стержень и есть то, что в любых условиях даст ему согласие с собой, внутреннюю свободу и бесстрашие противостоять пыткам и смерти.

Если Андрей Болконский и Пьер Безухов у Тостого находят высшие истины в Боге, в постижении великого таинства бесконечно разнообразной жизни, которому нужно только отдаться, оставив всё мелкое и личное, то через героев романа А В круге первом@ Солженицын подводит читателя к тому, что хотя обстоятельства и могут сложиться особым судьбоносным образом (А... туда, на расплющивание, в самое страшное место, сунулся он позавчера. И - не мог иначе. Безучастным остаться не мог. Выпало это ему...@ (2, 366) - последнее слово всё же не за судьбой, роком, а за человеком, за его свободным волевым решением, и делая свой выбор, человек обретает, реализует в нём себя самого. Судьба же человека, по мнению писателя, это его характер, который он сам обязан совершенствовать, а также те удачные жизненные обстоятельства, которыми он может и должен воспользоваться для реализации всего доброго, что в нём есть. И этот путь открыт всегда и для каждого.

127

Ж. Нива считает, что Эпикур нужен Солженицыну как символ всей античной мудрости без Бога. - Nivat 1976, 59

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на всю силу и уникальность художественного дара писателя, произведения которого почти во всей полноте дошли уже и до российских читателей и критиков, Солженицын остаётся и по сей день не понят как художник, мыслитель, писатель, обновивший и продолживший традиции русской классической литературы. С одной стороны, это объясняется тем, что бурное обсуждение его мировоззренческих концепций и политических взглядов, его историософских построений и злободневной публицистики оттягивало внимание от его художественного творчества. С другой, сложившийся штамп обличителя раковых болезней советского общества мешает многим непредвзято, вдумчиво и неторопливо вчитываться в его произведения, подойти к нему прежде всего как к художнику и постараться услышать и понять ту новую художественную правду, новый художественный опыт, который он хочет нам передать. Это заставило нас выбрать роман АВ круге первом® для подробного анализа, сосредоточиться на мире его героев и попытаться ответить на вопрос, как писатель видит Зло, ограничивается ли оно бесчеловечной социальной системой, и, таким образом, роман, как это представляется многим, едкая социальная критика ушедшей уже в прошлое сталинской системы власти, или же рамки Зла, как его видит писатель, а значит, и романа, шире и глубже. Как оно возникает и на чем держится, и есть ли у человека даже в самой безнадёжной ситуации возможность выбора, борьбы со Злом.

Роман АВ круге первом® даёт для этого обильный и многообразный материал, который был не принят во внимание многими западными исследователями, писавшими и пишущими до сих пор прежде всего о 6-й редакции романа (вариант 87 глав), той, с которой были сделаны и все переводы. Между тем уже в 1978 году в собрании сочинений была опубликована каноническая версия романа (вариант 96 глав) с восстановленным сюжетом, с новыми главами, с изменённой трактовкой многих характеров, с углублённой психологической их проработкой. Эта версия до сих пор представляется недостаточно изученной. Между тем, как показывает наше исследование, она еще острее ставит проблемы, связанные с представлением писателя о человеке, с самоопределением личности, проблемы совести, выбора и нравственной ответственности как центральные в романе и еще больше смещает акцент от критики уродливой социальной системы к проблемам духовно-экзистенциальным. И это не случайно. Анализ мира героев романа и сравнение двух его версий позволяет сделать вывод о том, что именно в пору работы над романом в сознании писателя происходит сдвиг от критики тоталитаризма и коммунистических и социалистических идей к критичному отношению к безрелигиозному гуманизму, сформированному Возрождением и эпохой Просвещения. Мировоззрение разных героев романа, в чём-то близких автору, (например, Рубина, Сологодина, Герасимовича, Кондрашёва и Нержина), их идейные споры отчасти отражают этот сдвиг.

По мнению писателя, антропоцентризм, полагающий, что человек - превыше всего, лежит в основе неверной системы ценностей как советской России, так и Асвободного® Запада. АВесь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена

гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несёт в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены®, - скажет писатель в знаменитой Гарвардской речи в 1978 году, огорошившей Запад и либеральную русскую интеллигенцию. (9, 286)

Одна из центральных мыслей романа, что зло - только в человеке и через человека, что зло - это всегда падение, результат предания человеком своей человечности, что оно не в безликой системе или какой-то внешней человеку стихийной силе, а прежде всего в злых людях, выбравших и всё время выбирающих зло, - повторяется на протяжении всего романного повествования почти по всей галерее человеческих судеб.

Любое свидетельство писателя о системе, эпохе, структуре власти в романе АВ круге первом® всегда даётся через конкретного человека, через свидетеля, и это придаёт тексту неопровержимую силу. Таким образом, солженицынский Аад® не потусторонен, не имеет никакого внешнего мистического источника зла, не является самой в себе обоснованной сущностью, он сугубо реален, конкретен и личностен, хотя и носит личину лжи. Обличение этой лжи, страстное свидетельство против лжи, обступающей человека со всех сторон - лжи о режиме, обществе, истории, тюрьмах, народе, войне - придаёт скрытый пафос всему повествованию в романе. Каждый герой подвергается Солженицыным как бы просвечиванию на своеобразном детекторе лжи, и почти в каждой судьбе Солженицын находит тот момент, когда человек сознательно или неосознанно (как, например, Симочка) Апродаёт свою душу®, заключает сделку с властью, получая взамен определённые привилегии, власть над себе подобными, или делает это просто из трусости и чувства самосохранения. Можно сказать, что всё это варианты Афаустовской темы®. Среди героев АКруга первого® нет двух одинаковых историй - эта сделка могла быть совершена тысячами способов и из-за тысячи разных причин. Редкое исключение являют те, кто совершает эту сделку из-за слепой веры в коммунистическую идею, как Мамурин. Большевики с самого начала делали ставку на самые низкие качества человека, и наверх, как по какому-то биологическому отбору, поднимались люди трусливые, лживые, корыстные и бездарные. Выбрав путь сотрудничества с режимом и стремясь сделать свою карьеру, человек еще более развращался приобретаемой властью и в конце концов становился заложником той системы, служение которой он раз избрал. В романе к таким героям относятся лейтенанты Смолосидов, Шустерман, генерал Бульбанюк, старший следователь по спецделам Рюмин, министр Госбезопасности Абакумов. Хотя каждый из них и сделал успешную карьеру и добился определенных благ, он не застрахован от низвержения в бездну, каждый живёт в плену собственного страха и старается не допустить промаха или ошибки.

Особенный интерес для писателя представляет путь приспособления и конформизма тех, кто отличается умом и способностями и понимает суть происходящего, всю чудовищность системы, с которой вступает в сговор. Такова в романе история инженера Яконова. Автор ясно показывает, что ситуация отказа от себя, от своих принципов и взглядов в обмен на жизненные блага, удачу и успех - это прежде всего ситуация свободного человеческого выбора, и человек несёт личную ответственность за этот выбор в течение всей его жизни и расплачивается за него потерей своей живой души, Аболезнью к смерти®, по

выражению С. Кьеркегора. Из таких личностных выборов и складывается, по Солженицыну, судьба нации.

Хотя преимущественный подход писателя к изображению представителей власти и основан, как правило, на довольно прямолинейном, то есть ясном и твёрдом различении писателем той межи, которая пролегает в душе каждого человека между добром и злом и которую не может скрыть никакая увёртливая ложь, всё же следует отметить, что эта граница всё время подвижна, и иногда даже Алюдоеды® совершают добрые поступки, не осознавая порой и сами их причин, как полковник Климентьев или лейтенант Наделашин. Порой же сама жизнь вносит такие коррективы в картину мира, созданную пропагандой, что человек начинает задумываться и меняться, как меняется Симочка под влиянием своей любви к Нержину или Клара, после случая на лестнице, разговоров с Руськой и Иннокентием упорно пробивающаяся к правде и начинающая постепенно думать самостоятельно. Через последнюю героиню писатель показывает нам возможность бунта и освобождения души в недрах самой системы власти. Настоящий же бунт против системы и подвиг освобождения, воскрешения души совершает Иннокентий Володин.

Писатель начинает роман с неповиновения, восстания одного человека против всей страшной в своей даже количественной силе системы тоталитарного государства. Этим сразу завязывается основной конфликт романа : личность - советская тоталитарная система, выдвигается на первый план главная идея романа о возможности в любых условиях противостоять насилию и несправедливости и отстаивается право человека на свободу выбора.

Хотя сюжетная линия, связанная с Иннокентием и похожа на линию детективного романа, глубина его размышлений и чувств, сам тип его личности, его история, проблема его нравственного выбора разработаны с большой психологической глубиной, недоступной в границах детективного жанра. Его звонок в посольство не являлся следствием временного настроения, а оправдан всем его мировоззрением и имеет глубокие психологические и нравственные причины.

В каком-то смысле Иннокентий, как и другие главные герои романа, не просто выбирает определённое решение внешней проблемы, его выбор гораздо глубже и фундаментальней: сознательно идя на жертву, он выбирает себя, своё уникальное, неповторимое и истинное Я. Становясь собой, он оправдывает и спасает прежде всего себя самого. Поэтому этот рубеж выбора так значителен и именно поэтому он композиционно открывает и замыкает роман. Он выступает в романе как камертон, с которым становятся созвучны или не созвучны те выборы, которые делают Нержин, Герасимович, Потапов, Руська, Клара, а также выборы Яконова, Рубина или Сологдина. Каждый из этих героев конечно делает свой выбор, выбирает своё решение судьбы, и в каждом случае писатель показывает нам тот главный поступок, событие или цепь событий, определивших направление их жизни. Важно подчеркнуть, что в этом поиске и определении себя на человека, хотя и влияют внешние обстоятельства, они скорее материал для его развития, конечный выбор остаётся всегда не за роком, судьбой или Богом, а за самой личностью.

Так как роман написан на основе автобиографического материала, в нём много героев, имеющих своих реальных прототипов, а в Глебе Нержине легко узнать самого Солженицына. Да и всё строение романа возникло на основе

историй человеческих судеб, о которых автор узнал за долгие тюремные и лагерные годы. Собственный опыт научил Солженицына, что тюрьма не только калечит человека. Вспомним, как Нержин в споре с Рубиным о счастье говорил: АБлагословение тюрьме!! Она дала мне задуматься.@ (1,52) Как герои Байрона и Лермонтова бегут от покойной замкнутости домашнего очага, от повседневности, влекомые жаждой приключений и своей беспокойной душой, так и Нержин попадает в трудные положения, но не добровольно, а по воле судьбы. Сталкиваясь с испытаниями тюремной и лагерной жизни, он выковывал свою волю и характер, в конце концов осуществляя себя более полно, чем мог бы сделать на воле. Именно в тюрьме Нержин до конца осознаёт своё назначение, и это делает время, проведённое им в тюрьме, величайшим по смыслу этапом его жизни.

Герой Солженицына, подобно героям фольклора или античности, попадает в различные испытания, но в конце концов получает ключ к разгадке тайны. В это время Нержин еще не может знать своей дальнейшей судьбы, но он уже предчувствует исполнение как будто предначертанного ему и в то же время сознательно им понятого и выбранного призвания. Солженицын верит в детерминированность хода истории и отдельной человеческой жизни, но его детерминизм не абсолютен, так как предполагает принцип активности человека и свободу его выбора. Поэтому более правильно, с нашей точки зрения, говорить не о фатализме Солженицына, а скорее о его вере в Провидение. Это обстоятельство сближает его не только с великими классиками русской литературы Пушкиным, Толстым и Достоевским, но и со всей мировой христианской мыслью.

В отношении же героя, понятие добытой через поражение победы - другой полюс жизненной философии писателя, и это отличает его героев как от героев античной литературы (где трагедия - окончательное и безвыходное положение героя) , так и от фольклорных героев (герой попадает в различные испытания, но всё же не терпит поражения).

Мы уже определили роман АВ круге первом@ как роман философский из-за обилия споров, диалогов, размышлений, посвященных мировоззренческим вопросам. Ещё одна важная черта романа, проходящая красной линией через весь его строй и роднящая его с ААрхипелагом ГУЛаг@, - это его идеологический контекст.

Также как и в ААрхипелаге ГУЛаг@, Солженицын развенчивает в АКруге первом@ то, на чём держится тоталитаризм советского образца - марксистско-ленинско-сталинскую идеологию. Но если в ААрхипелаге ГУЛаг@ писатель делает это, последовательно описывая историю советской пенитенциарной системы и судьбы миллионов невинно убитых и замученных в лагерях, тюрьмах и ссылках; то в АКруге первом@ ложь идеологических построений сталинского времени обнажается многочисленными художественными приёмами, органично присутствующими в самой структуре романного повествования как на уровне его композиции, сюжета и образов, так и на внутритекстовом уровне - в иронически окрашенных авторских ремарках и отступлениях, метких афоризмах, пословицах и выразительной экспрессивной лексике.

Наиболее частый приём, к которому прибегает автор на протяжении всего романа, это показ нелепости, лжи, нелогичности и даже просто абсурдности идеологических догм через призму судьбы человека , жизненного опыта того

или иного персонажа, через воспоминания героев или через их сравнения жизни советской с российской дореволюционной жизнью.

Если Андрей Болконский и Пьер Безухов у Гостого находят высшие истины в Боге, в постижении великого таинства бесконечно разнообразной жизни, которому нужно только отдаться, оставив всё мелкое и личное, то через героев романа АВ круге первом® Солженицын подводит читателя к тому, что хотя обстоятельства и могут сложиться особым судьбоносным образом (А... туда, на расплющивание, в самое страшное место, сунулся он позавчера. И - не мог иначе. Безучастным остаться не мог. Выпало это ему...® (подчёркнуто мной - П.Ф., 2, 366) - последнее слово всё же не за судьбой, роком, а за человеком, за его свободным волевым решением.

Помимо прямых столкновений героев, Солженицын находит и иные способы воплощения конфликта, и этим обусловлены художественные особенности построения системы персонажей. Каждый персонаж романа становится главным, когда вступает в действие. Этот принцип дал возможность показа широкой галереи человеческих характеров в романе. Образы АВ круге первом® раскрываются в рамках своих хронотопов, которые создают пространства конфликтных идеологических полей. Отсюда такое количество споров, перевес диалога в романе. Таким образом, идейные споры важны в идейном, сюжетном, композиционном плане, а также для раскрытия образов героев. Но даже если герой не вступает в спор, не проявляет себя в диалоге, писатель находит возможность раскрыть его изнутри. Этому служит особый принцип организации авторского повествования. Характеризуя героя, его внутренний мир, самооценку, восприятие событий, предысторию, Солженицын далёк от форм прямого выражения авторской позиции. Повествование о персонаже, безотносительно от совпадения авторской точки зрения с точкой зрения героя, ведётся в третьем лице, но сориентировано на его тип сознания и восприятия.

Избегая прямой оценки персонажа и той позиции, которую он занимает, Солженицын использует традиционные для романного жанра средства создания образов и выражения авторской позиции: речевую характеристику, портрет, биографию, прямую характеристику психологического состояния героя, внутренние монологи и несобственно-прямую речь.

Противостояние героя системе, рассматриваемое автором как взаимодействие характера со средой, формирующей этот характер, создаёт главный конфликт романа. Только отчасти этот конфликт определяется тем, что система лишает человека свободы. Главная проблема героев - обретение внутренней свободы и стояние в ней, а также путь нравственного возвышения личности даже в бесчеловечных условиях ГУЛага. Именно с решением этого вопроса и связана концепция личности, представленная в романе. И хотя внешне персонажи романа и делятся на заключённых и их тюремщиков, в отношении ко внутренней свободе, эти два лагеря меняются местами. Самыми несвободными в романе оказываются именно представители власти, вплоть до самого Сталина.

Самостояние требует жертвы - арестантскими благами шарашки, надеждой на скорое освобождение, или в случае Иннокентия - всей устоявшейся благополучной жизнью, но лучшие герои Солженицына идут на эти жертвы, выходя из конфликта с системой победителями и не соблазняясь предложенными компромиссами. Гуманистическому пониманию смысла жизни

писатель противопоставляет иное, бытийное, религиозное понимание : А... действительно ли превыше всего человек и нет ли над ним Высшего Духа?@ (Солженицын 1995-1997, т.1, 328)

Роман даёт так много материала, что не все проблемы, которые нас заинтересовали, оказались затронуты. Так для будущего очень интересными остаются те проблемы поэтики романа, которых в данной работе мы коснулись лишь вскользь, в связи с анализом мира героев романа, например, кинематографические приёмы в повествовании, (особенно интересна техника монтажа), математические аналогии, которыми скрыто пользуется писатель, и, наконец, то богатство и многообразие новейших и старых приёмов, с помощью которых писатель расширяет границы реалистического метода. Одна из важных задач для будущего - составление по роману АВ круге первом@ словаря понятий советской эпохи, который может быть интересен финскому широкому читателю.

YHTEENVETO

Nyt kun Aleksandr Solzhenitsynin tuotanto on ollut venäläisenkin lukijan ulottuvilla jo kymmenkunta vuotta, eikä siihen enää suhtauduta kuin kiellettyyn hedelmään, olisi jo luullut koittaneen objektiivisen kirjallisuustieteellisen ja filosofisen arvioinnin ajan. Näin ei kuitenkaan valitettavasti vielä ole käynyt. Taiteilijana ja ajattelijana sekä venäläisen klassisen kirjallisuuden perinteen jatkajana ja uudistajana - korostan myös sanaa uudistajana - hän on pysynyt yhä vieläkin melko puutteellisesti ymmärrettyinä. Lisäksi hänestä ei ole vielä ilmestynyt auktorisoitua elämäkertaa. Osaltaan tämä johtunee siitä, että kirjailijan maailmankatsomuksellisten ja poliittisten näkemysten, samoin kuin hänen historiaa siirtävien tulkintojensa tiimoilla usein kiihkeänäkin käyty keskustelu on ollut omiaan viemään huomiota hänen tuotantonsa varsinaisesta taiteellisesta annista ja siihen kytkeytyvästä problematiikasta. Toisaalta kirjailijaan liitetty sosialismin ja neuvostotodellisuuden epäkohtien paljastajan leima estää monia syventymästä hänen teoksiinsa ennakkoluulottomasti ja rauhallisesti. Häntä ei ole pystytty näkemään ennen kaikkea sanataiteilijana, joka on erinomaisella tavalla kyennyt yhdistämään tiedemiehen rationaalisen ajattelun runoilijan intuitiiviseen mielikuvitukseen ja luonut näin jopa uuden kirjallisuuden lajin - taiteellisen tutkimuksen (*khudozhstvennoje issledovaniye*).¹²⁸

Olen valinnut tutkimuskohteeksi *Ensimmäisen piirin* ja romaanin ihmiskuvan, ts. henkilöiden maailman, jota käsittelemällä olen yrittänyt vastata kysymykseen miten kirjailija on käsittänyt pahan ongelman. Rajoittuuko paha huonosti organisoituun ja sen vuoksi epäinhimilliseen sosiaaliseen järjestelmään ja onko kirjailijan tuotanto siis - kuten monista lukijoista tuntuu - pelkästään jo menneisyyteen jääneen stalinistisen valtajärjestelmän purevaa arvostelua, vai ovatko pahan juuret jossakin ihmisistä ympäröiviä olosuhteita syvemmillä. Miten paha syntyy, mistä se saa voimansa ja onko ihmisellä kaikkein vaikeimmassakin tilanteessa mahdollisuus valintaan ja taisteluun pahaa vastaan.

Ensimmäinen piiri antaa näiden kysymysten tarkastelulle runsaasti materiaalia, jota mielestäni monet aikaisemmat tutkijat eivät ole ottaneet riittävästi huomioon johtuen mm. siitä, että he ovat pitäytyneet tarkastelemaan etupäässä romaanin puutteellista varianttia (*Piiri-87*), josta myös kaikki käännökset vieraille kielille on tehty. Jo vuonna 1978 on kuitenkin julkaistu romaanin kanoninen versio (*Piiri-96*), joka sisältää atomipommijuonen, uusia lukuja ja syvennettyjä henkilökuvia. Kyseinen versio on vieläkin riittämättömästi tutkittu. Olen yrittänyt tutkimuksessani osoittaa, että romaanin viimeisessä laitoksessa kirjailija on asettanut entistä terävämmin juuri ihmiskuvaan, yksilön valintaan ja moraaliseen vastuuseen liittyvät probleemat, mikä siirtää painopistettä sosiaaliskritiikistä ihmisen henkisen olemuksen ja eksistentiaalisen tilanteen pohdintaan. Romaanihenkilöiden maailmojen tarkastelu ja

¹²⁸

kirjailija itse tosin katsoo että monet muutkin ovat harjoittaneet kyseistä lajia käyttämättä siitä varsinaisesti tätä nimeä. Ks. keskustelu Zürichin yliopistossa (10, 484).

romaaniversioiden vertailu antaa aiheen olettaa, että kahden viimeisen version, so. 40 ja 50 ikävuoden välillä on kirjailijan tietoisuudessa tapahtunut merkittävä muutos pelkästä kommunismin kritiikistä kohti ajattelua, joka asettaa arvostelun kohteeksi Renessanssin ja Valistuksen muovaaman ihmiskeskeisen, ateistisen humanismin.

Ihmisen kaiken olevaisen keskipisteeksi olettava antroposentrismi on luonut, kirjailijan mukaan, perustan sekä liberaalissa lännessä että Neuvosto-Venäjällä vallalla olleille väärille arvojärjestelmille. "F. H&F, \$, & JHD, >>, (@2", &F, B@084 \$ 42-4 BD@4FB@ bH: 4H\ @ >, & D-NBF@P4": \>NBF4FH <, 844DN, 4*@\$>N \$NH 4FD'&, >N"¹²⁹, - sanoo kirjailija kuuluisassa vuonna 1978 pitämässään Harvardin puheessaan, joka hämmästytti läntisen ja venäläisen liberaalin älymystön.

Ajatus, että paha on vain ihmisessä, ei persoonattomassa järjestelmässä tai ihmisen ulkopuolisessa substanssissa, toistuu oikeastaan kaikkien romaanihenkilöiden kohdalla. Jokainen todistus ajasta, järjestelmästä ja vallankäytöstä annetaan romaanissa konkreettisen ihmisen, todistajan kautta, mikä on omiaan lisäämään teoksen uskottavuutta. Solzhenitsynin "helvetti" ei ole tuonpuoleinen, vaan sangen todellinen, konkreettinen ja henkilökohtainen, vaikka verhoutuukin valheen naamion taakse. Ihmistä joka puolelta ympäröivän valheen torjuminen antaa romaanin kerronnalle sen sisäisen päätöksen. Miltei jokaisen totalitarismissa "menestyneen" ihmisen elämästä Solzhenitsyn on löytänyt momentin, jossa tämä on joko tietoisesti tai tiedostamatta (esim. Simotshka) "myynyt sielunsa", so. tehnyt sopimuksen järjestelmän kanssa ja saanut vastineeksi tiettyjä etuuksia. Tässä on kaikuja ns. "faustisesta teemasta", jonka saksalaisessa versiossa ihminen tekee kaupat Mefistofeleen kanssa. Erityisen huolellisesti kirjailija tarkastelee sopeutumisen ja konformismin polkuja jos kyseessä on älykäs ja lahjakas henkilö, joka ymmärtää asioiden merkityksen ja palvelemansa järjestelmän kauheuden. Tästä on esimerkkinä insinööri Jakonovin tarina. Kirjailija osoittaa selvästi, että tilanne, jossa Jakonov luopuu varsinaisesta minästään, periaatteistaan ja katsomuksistaan elintason ja ulkoisen menestyksen vuoksi, merkitsee itse asiassa vapaata valintaa, josta hän tulee kantamaan vastuun koko loppuelämänsä ja maksaa siitä hintana elävän sielunsa menetyksen. Tällaisista henkilökohtaisista valinnoista muodostuukin, Solzhenitsynin mukaan, koko kansakunnan kohtalo.

Kirjailija aloittaa kerronnan yhden ihmisen kapinasta totalitaarista järjestelmää vastaan. Syntyy heti romaanin peruskonflikti: ihminen vastaan järjestelmä. Samalla nousee näkyviin teoksen pääidea ihmisen mahdollisuudesta aina ja kaikkialla vastustaa epäoikeudenmukaisuutta ja väkivaltaa, puolustaa oikeutta vapaaseen valintaan.

¹²⁹ Koko tämä vapauden kallistuminen pahan puoleen tapahtui vähitellen, mutta alkuperustan sille ilmeisesti loi humanismin ihmisrakas käsitys siitä, että ihminen, maailman valti, ei kanna sisässään pahuutta, vaan kaikki pahuus johtuu vain vääristä sosiaalisista järjestelmistä, jotka täytyykin korjata.

Löydettyään äidin päiväkirjoista todellisuutta ja itseään selvittävän langan pään Innokenti alkaa Theseuksen tavoin keräillä sitä ja etenee vähitellen elämän labyrintistä kohti selkeyttä. Ratkaisevaa tällä tiellä on paitsi oman suvun myös oikean Venäjä-kuvan hahmottuminen. Innokenti löytää tavallisen Venäjän ja sen surkean nykyisen tilan retkellään Rozhdestvon kylään. Kirjoista opitun propagandistisen historiakäsityksen sijalle hän löytää elävän historian käydessään vierailulla äidin veljen luona Tverin kaupungissa. Kaikki nämä tapahtumat ovat etappeja matkalla ulos labyrintista. Jokaisessa vaiheessa Innokenti saa tietoonsa ja käsittää jotakin uutta sekä itsestään että taustastaan, mikä muuttaa samalla hänen persoonallisuuttaan. Tältä osin teoksen voisi luokitella myös kehitysromaaniksi (*Verwandlungsroman*). Isän uudelleenarviointi ja sen myötä herännyt syyllisyys vaativat puhdistautumista. Solzhenitsyn välttää tässä houkutuksen antautua freudilaisiin pohdintoihin korostamalla ihmisen perustarpeena ei sukupuoli-viettiä, vaan tavallista pyrkimystä oikeudenmukaisuuteen.

Vaikka Innokentiin liittyvä juonilinja muistuttaakin rikosromaanin, sen ajatusten ja tunteiden syvällisyys, itse henkilön tyyppi sekä hänen historiansa ja moraalisena valintansa ongelmallisuus on kehitelty romaanissa tavalla, joka ei mahdu rikosromaanin genren rajoihin. Innokentin soitto ei ole seurausta hetkellisestä mielialasta, se on koko hänen maailmankatsomuksensa pohjustama ja sillä on syvät aatteelliset ja psykologiset juurensa.

Romaanin autobiografisesta luonteesta johtuen sen monilla henkilöillä on reaaliset prototyyppit todellisessa elämässä. Esimerkiksi Gleb Nerzhinissä on helppo tunnistaa kirjailija itse. Myös koko romaanin rakenne perustuu pitkälti kertomuksille ihmiskohtaloista, joita kirjailija on aikanaan kuullut vankeudessa. Vankeudessa oli varmasti luonnollistakin kertoa uudelle tuttavalle elämäntarinansa, tämä tapa on vaikuttanut mielestämme voimakkaasti koko Solzhenitsynin poetiikkaan, samoin kuin hänen matemaatikon koulutuksensa. Maailman kirjallisuudesta tulevat analogioina mieleen *Tuhannen ja yhden yön tarinat* sekä *Decamerone*, tosin sillä erotuksella että tässä romaanissa ”kehyskertomus” ja atomijuoni sekä Innokenti anastavat huomattavan osan sen kerronnasta. Yhtäläisyytenä sen sijaan pistää silmään kaikkien mainittujen teosten perusasetelma, onhan niissä kaikissa kertomustilanne, jota varjostaa kuoleman vaara. Yhdessä uhkan muodostaa itämainen despotti, toisessa ruttoepidemia, kolmannessa GULAG.

Aatteellisten keskusteluiden ja maailmankatsomuksellisten pohdintojen runsauden vuoksi *Ensimmäinen piiri* on, kuten edelläkin todettiin, syytä määritellä lähinnä filosofiseksi romaaniksi, so. teokseksi, jossa puhutaan filosofiaa, mietiskellään ihmistä ja maailmanjärjestystä. Kyseistä toimintaa kuvaa hyvin venäläinen sana *размышление*, (= maailman tarkastelu, kontemplaatio).

Folkloren ja antiikin sankareiden tapaan Solzhenitsynin sankari joutuu myös erilaisiin koettelemuksiin, mutta saa lopulta käsiinsä salaisuuden avaimen. Nerzhin ei voi tietää tulevaa kohtaloaan, mutta hän aavistaa jo ikään kuin itselleen määräytyneen ja samalla tietoisesti valitsemansa kutsumuksen. Tavallaan Solzhenitsyn uskoo historian ja ihmiselämän determinismiin, mutta hänen determinisminsä ei ole ehdotonta, sillä se implikoi myös aktiivisen prinssiipin ja valinnan vapauden. Tämän vuoksi Solzhenitsynin kohdalla ei voidakaan puhua

varsinaisesta determinismistä, saatikka sitten fatalismista, vaan tavallisesta kansanomaisesta uskosta Kaitselmukseen. Tämä usko lähentää häntä paitsi 1800-luvun suuriin klassikoihin: Pushkiniin, Tolstoihin ja Dostojevskiin, myöskin kristilliseen ajatteluun ylipäänsä. Tappion kautta saavutettu voitto erottaa kirjailijan sankarit sekä antiikin (jossa tragedia on sankarin lopullinen ja väistämätön osa) että folkloren sankareista (sankari tosin joutuu erilaisiin koettelemuksiin, mutta ei koe varsinaista tappiota).

Naisen psykologian ja tunteiden ailahtelun kuvauksissa Solzhenitsyn muistuttaa psykologisen tarkkailun syvyydessä sekä henkilön sisäisen maailman löytämisessä kenties eniten Leo Tolstoita.

Nerzhinin ja Innokentin sekä myös sivuhenkilöiden kuten Gerasimovitshin valinnat muodostavat romaanissa dominoivan teeman. Merkitykseltään samanlaisessa tilanteessa kolmasti kertautuvana ja aina kieltäytymiseen ja uhraukseen päätyen nuo valinnat vahvistavat toisiaan ja luovat eräänlaisen pilariston, jolla romaanin aatteellinen runko lepää.

Merkille pantavaa on, että kenelläkään romaanin hahmoista ei ole tulevaisuutta, ainoastaan menneisyys ja nykyisyys, mikä on myös yksi romaanin komposition erityispiirteistä. Kirjailija siirtyy seuraavaan henkilöön heti kun juonen kehittäminen tai kompositio vaatisi jatkoa. Hänen kerrontansa on kuin henkilöstä toiseen vuorolla siirtyvä valokiila. Tästä kuvaustavasta johtuu myös tämän tutkimuksen lähestymistavan valintaan vaikuttanut Solzhenitsynin proosan vahva persoonakeskeisyys, kavalkadimaisuus.

Solzhenitsyn näkee paitsi tavallisten ihmisten ansiot, myös heidän rajoittuneisuutensa ja välttää näin antamasta kansasta makeaa kuvaa, jossa yhdistyisivät *viisaus, siveellinen puhtaus ja hengen suuruus* (466). Näin kirjailija vapauttaa venäläisen ihmisen tietoisuuden vielä eräästä laajalle levinneestä myytistä. Tolstoin ja Dostojevskin tavoin myös Solzhenitsyn katsoo, että yhteiskunta on parannettavissa vain yksilön moraalisen kehittymisen kautta. Toisaalta Tolstoi pitää kansaa tavallaan "luonnonvoimana", jonka toiminnalle ei ole ominaista luova vapaus, vaan tietynlainen historian kulkua tiedostamatta ohjaava ennaltamääräytyminen, predestinaatio.

Andrei Bolkonski ja Pierre Bezuhov löytävät korkeimman totuuden Jumalasta, he löytävät sen ymmärtämällä loputtoman monimuotoisen elämän suuren salaisuuden, vain antautumalla sille ja hylkäämällä kaikki pieni ja henkilökohtainen. *Ensimmäisen piirin* sankareiden kautta Solzhenitsyn haluaa sanoa, että vaikka olosuhteet voivatkin osoittautua kohtalokkaiksi ... **H***, >" **D'FB` V4&'>4, & F'<@ FH'D'H>@ <, FH@ FJ>J: Fb @ B@2'&R, D'. 3 - >, <@ 4>'R. . , 2R'FH-N< @FHf>, <@. %NB': @RH@, <J...(2, 366)¹³⁰ - ei viimeinen sana jää kuitenkaan kohtalolle, vaan ihmiselle itselleen, hänen vapaaseen tahtoon perustuvalle ratkaisulle. Ja valinnan tehdessään ihminen toteuttaa viime kädessä aina itseään, siis omaa tarkoitustaan.**

Henkilöiden suorien törmäysten lisäksi Solzhenitsyn löytää myös muunlaisia tapoja toteuttaa konflikti, mistä johtuvat myös henkilöjärjestelmän taiteelliset erityispiirteet. Kukin romaanin henkilöistä tulee vuorollaan päähenkilöksi

¹³⁰ ...tuonne murskaimeen, kaikkein hirveimpään paikkaan hän suistui toissapäivänä. Eikä muuta - voinut. Ei voinut pysyä sivussa. Tämä oli hänen osansa...

astuessaan mukaan toimintaan. Tämän periaatteen ansiosta kirjailija voi operoida laajalla gallerialla erilaisia henkilöitä. *Ensimmäisen piirin* henkilöahmot avautuvat omissa kronotoopeissaan, jotka luovat tilaa ideologisille konfliktikentille. Tästä johtuvat myös romaanin lukuisat aatteelliset kiistat sekä ylipäätään sen dialogikeskeisyys. Kaiken lisäksi monilla ideologisilla väittelyillä on myös juonta ohjaava funktionsa. Aatteelliset kiistat ovat siis tärkeitä paitsi juonen ja aatteiden itsensä kannalta, myöskin koska niiden avulla kehitetään ja perustellaan romaanin henkilöitä ja heidän toimintaansa. Toisaalta vaikka henkilö ei antautuisikaan keskusteluun, kirjailija on löytänyt tavan paljastaa tämä sisältäpäin, mitä palvelee Solzhenitsynin erikoinen tapa organisoida tekijän kerronta. Henkilöä luonnehtiessaan Solzhenitsyn ei ilmaise suoraan omaa suhdettaan kuvattavaan, vaan kerronta orientoituu kulloisenkin henkilön sisäisen maailman mukaan, tämän tunteita, ajattelua, puhetta, eleitä ja ilmeitä imitoiden. Kirjailija tavallaan näyttelee henkilönsä.

Ihmisen ja järjestelmän välinen ristiriita, ihmisen suhde häntä muokanneeseen ympäristöön muodostaa yhden romaanin keskeisistä konflikteista. Henkilöiden pääongelma romaanin maailmassa on oman sisäisen vapauden saavuttaminen ja sen säilyttäminen ja samalla eettinen kehittyminen GULAGin epäinhimillisissä oloissa. Juuri tähän ongelmaan kytkeytyy romaanissa esitetty ihmiskuva. Vaikka romaanihenkilöt jakautuvatkin ulkoisesti vankeihin ja heidän vartijoihinsa, ovat heidän osansa sisäisen vapauden suhteen pikemminkin päinvastaiset. Tässä mielessä tuntuvat valtaa edustavat henkilöt - sitä mukaa kuin heidän valtansa kasvaa aina Staliniin saakka - olevan yhä enemmän oman valtansa vankeja.

Se, että monet kirjailijan sankarit pystyvät säilyttämään sisäisen vapautensa kertoo maailmankuvasta, jossa ihmisen tekoa mitataan jonkin korkeamman kriteerin, kuin ulkoisen menestyksen mukaan. Uuden ajan ihmiskeskeistä ja materialistista maailmankuvaa vastaan kirjailija tuntuu asettavan käsityksen, jonka mukaan elämällä on jokin metafyyminen ja uskonnollinen tarkoituksensa. "... * , & # 34 ; : \ > @ : 4 E D & # 34 ; , & # 34 ; (@ R : @ & # 34 ; 4 > , H : 4 > " * > 4 < % N F H , (@) J B ' ? " (E @ \$, > 4 P N > 1995-1997, H1, 328)¹³¹

Romaani *Ensimmäinen piiri* tarjoaa siinä määrin materiaalia mainitun suuntaisille pohdinnoille, että läheskään kaikki meitä kiinnostaneet kysymykset eivät voi tässä vaiheessa tulla huolellisen analyysin kohteeksi. Tulevan tutkimuksen kannalta erittäin kiinnostavina koemme myös romaanin poetiikkaan liittyvät ongelmat, joita on käsillä olevassa työssä kosketeltu vain ohimennen. Näistä kysymyksistä mainittakoon esimerkiksi kerronnan kinematografiset ja dramaturgiset keinot, luonnontieteellis-matemaattinen ajattelu Solzhenitsynin estetiikan taustalla sekä dokumenttien, faktojen ja muiden todellisuuden elementtien käyttö taiteen materiaalina. Ulkomaisen lukijan kannalta saattaisi olla mielenkiintoista laatia kyseisen romaanin ja koko kirjailijan tuotannon pohjalta jonkinlainen neuvostoajan sanakirja, jossa tuon ajan spesifit käsitteet tulisivat selitetyiksi.

¹³¹ ....onko ihminen todella kaiken olevaisen yläpuolella ja eikö hänen yläpuolellaan ole Korkeinta Henkeä?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Солженицын А.И. @В круге первом@ - Собрание сочинений. Вермонт-Париж. УМКА - Press. 1978 - 1991. Т. 1, 2.
- Солженицын 1974. Солженицын А.И. Прусские ночи. Париж
- Солженицын 1996. Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. Москва
- Солженицын 1995-1997. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль
- Солженицын 1998а. Солженицын А.И. Россия в обвале. Москва
- Солженицын 1998b. Солженицын А.И. На изломах. Ярославль
- Солженицын 1999. Солженицын А.И. Протеревши глаза. Москва
- Август... 1973. Август Четырнадцатого читают на родине: Сб. ст.и отзывов. Paris
- Аверинцев 1972. Аверинцев С.С. Филология // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. - Т. 7. Москва
- Авсеенко 1979. Авсеенко Н. Женские образы в романе Солженицына @В круге первом@ // Современник. т 43/44. Торонто
- Адамович 1969. Адамович Г. А. Солженицын // Русская мысль. 22 марта. Прил. Париж
- Андреев 1991. Андреев Ю. Размышление о повести А. Солженицына @Один день Ивана Денисовича@ в контексте литературы начала 1960-годов // Радуга. т6. Киев.
- Андрианов 1995. Андрианов К. Философия свободы в творчестве А.И. Солженицына. Ювяскюля
- Анищенко 1988. Анищенко Г. Пророк и отечество // Вестник РХД. т 154. Париж-Нью-Йорк
- Арон 1983. Арон Р. О Солженицыне: Из кн. @Воспоминания@ // Русская мысль. 17 ноября. Париж
- Архангельский 1990. Архангельский А.Н. О символе бедном замолвите слово: @Малая@ проза Солженицына: поэзия и правда // Литературное обозрение. т 9. Москва
- Архангельский 1991. Архангельский А.Н. Поэзия и правда // Солженицын А.И. Избранное. Москва
- Архангельский 1993. Архангельский А.Н. Архипелаг Солженицына: Великому русскому писателю 75 лет // Новое время. т 51. Москва
- Архангельский 1996. Архангельский А.Н. ...И приветствую звоном щита // Новый мир. т 5. Москва
- Асмус 1968. Асмус В.Ф. Чтение как труд и творчество // Асмус В.Ф. Вопросы теории и истории эстетики. Москва
- Афонский 1971. Афонский Г. Духовная природа человека в романах Солженицына // Новое русское слово. 5 декабря. Нью-Йорк
- Басинский 1996. Басинский П.В. Сюжеты без романа? // Лит.газ. 31 июля. Москва
- Бахтин 1975. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике. // Вопросы литературы и эстетики. Москва
- Бахтин 1979. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва

- Бахтин 1994. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев.
- Белинков 1968. Белинков А.В. Солженицын и больные ракового корпуса // Новый журнал. т 93. Нью-Йорк
- Белинков 1972 . Белинков А.В. Сталин у Солженицына: Из неизданной кн. АСудьба и книги Александра Солженицына@ // Новый колокол. т 1. Лондон
- Белопольская 1996. Белопольская Е.В. Роман А.И.Солженицына АВ круге первом@. Проблематика и поэтика: Дис. ... - канд. филол. наук / Ростов. гос. ун-т. Ростов-на-Дону
- Белопольская 1997. Белопольская Е.В. Роман А.И.Солженицына АВ круге первом@: опыт интерпретации / Ростов. гос. ун-т. Ростов-на-Дону
- Бердяев 1990. Бердяев Н.А. Судьба России. Москва
- Бердяев 1996. Бердяев Н.А. Ставрогин // Достоевский Ф.М. Бесы. АБесы@: антология русской критики. Москва
- Бёлль 1989. Бёлль Г. Четыре статьи о Солженицыне // Иностранная литература. т 8. Москва
- Бернштам 1992. Бернштам М.С. Проклятый вопрос о цене идей // Дружба народов. т 4. Москва
- Бондаренко 1989. Бондаренко В. Стержневая словесность: О прозе А.Солженицына // Литературная Россия. 26 мая.
- Борисов 1989. Борисов В.М. У Солженицына в Вермонте / Беседу вела А.Н. Латынина // Лит.газ. 29 ноября. Москва
- Борман 1971. Борман А. Читая ААвгуст Четырнадцатого@ // Русская мысль. 16 сентября. Париж
- Бракман 1983. Бракман Р. Выбор в аду: жизнеутверждение солженицынского героя. Ann Arbor. (Mich.)
- Бунин 1955. Бунин И.А. О Чехове. Нью-Йорк
- Василевский 1997. Василевский А.В. Толстые журналы в октябре: Что бы мог написать Ю.Тынянов о романах Солженицына? // Неделя. т 40. Москва
- Вейдле 1969. Вейдле В.В. О Солженицыне // Вестник РСХД. т 91/92. Париж-Нью-Йорк
- Вейдле 1988. Вейдле В.В. О Солженицыне // Вестник РСХД. т 154. Париж-Нью-Йорк
- Виноградов 1993. Виноградов И. Солженицын - художник. // Континент т 75
- Винокур 1965. Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И. Солженицына АОдин день Ивана Денисовича@ // Вопросы культуры речи. Вып.6. Москва
- Винокур 1991. Винокур Т.Г. С новым годом, шестьдесят вторым...// Вопросы литературы. т 11/12. Москва
- Владимов 1994. Владимов Г.Н. Режущая соринка в глазу // Московские новости. 5/12 июня. Москва
- Владимов 1996. Владимов Г.Н. Быть писателем: Г.Владимов в Бостоне / Записала и подготовила И.Муравьева // Русская мысль. 7/13 ноября. Париж
- Волгин 1995. Волгин И.Л. Возвращение билета: Александр Солженицын как плюралист // Лит.газ. 13 декабря. Москва

- Волкова 1995. Волкова Г.М. Маскарад зла и катарсис авторского голоса: ААрхипелаг ГУЛаг@ А.Солженицына в свете идей М.Бахтина // М.М.Бахтин и гуманитарное мышление на пороге ХХ1 века: Тезисы докладов III Саранских бахтинских чтений: В 2 ч. - Ч.2. Саранск
- Воронов 1989. Воронов Ф. В поисках истины: К публикации прозы А.Солженицына // Литературная Россия. 7 июля.
- Газизова 1997. Газизова А.А. Конфликт временного и вечного в повести А.Солженицына АОдин день Ивана Денисовича@ // Литература в школе. т4. Москва
- Гашева 1994. Гашева Н.В. Черты кинематографичности ААрхипелага ГУЛаг@ А.Солженицына / Перм.гос.ун-т им. А.М.Горького. Пермь
- Гегина 1998. Гегина Т.В. ААрхипелаг ГУЛаг@ А.И. Солженицына: природа художественной правды // Тверской солженицынский сборник: К 80-летию классика русской литературы. (под научной редакцией В.А. Юдина и В.В. Кузьмина). Тверь
- Геллер 1974. Геллер М.Я. Возвращение памяти: Вокруг Солженицына // Вестник РХСД. т 111. Париж -Нью-Йорк
- Геллер 1976. Геллер М.Я. Солженицын и Ленин // Вестник РХД. т 117. Париж - Нью-Йорк
- Геллер 1981. Геллер М.Я. Александр Солженицын: писатель на все времена / Русская мысль. 21 мая. Париж
- Геллер 1985. Геллер М.Я. Вчера и сегодня в АКрасном колесе@ А. Солженицына // Обозрение. Ноябрь. т 17. Париж
- Геллер 1989. Геллер М.Я. Александр Солженицын: (К 70-летию со дня рождения). L.: ОРІ
- Герлинг-Грудзинский 1978. Герлинг-Грудзинский Г. Егор и Иван Денисович // Континент. т 18. Мюнхен
- Глюксман 1988. Глюксман А. Хайдеггер и Солженицын // Континент т 57. Мюнхен
- Голубков 1995 . Голубков М.М. Книга о Солженицыне // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. т 1. Москва
- Голубков 1998. Голубков М.М. А.И.Солженицын // История русской литературы ХХ века (20-90-е годы). Основные имена / МГУ им. М.В.Ломоносова. Филол.фак. Москва
- Голубков 1999. Голубков М.М. Александр Солженицын. Москва
- Гордиенко 1997. Гордиенко Т.В. Особенности языка и стиля рассказа А.И. Солженицына АМатренин двор@ // Русская словесность. т 3. Москва
- Горлов 1977. Горлов А.М. Случай на даче. Париж
- Грязневич 1994. Грязневич В.И. Пророк, чудак, интеллигент // Звезда. т 6 Спб.
- Гуль 1963. Гуль Р.Б. А.Солженицын, соцреализм и школа Ремизова // Новый журнал. Кн.71. Нью-Йорк
- Гуль 1971 . ГульР.Б. Читая ААвгуст Четырнадцатого@ А.И. Солженицына. Нью-Йорк
- Гуль 1974 . Гуль Р.Б. Ленин и ААрхипелаг ГУЛаг@ // Новый журнал. Кн.115. Нью-Йорк
- Гуль 1976 . Гуль Р.Б. Солженицын: Статьи. Нью-Йорк

- Гуль 1992. Гуль Р.Б. Его Авопль@ услышан // Слово. т 1/6. Москва
- Гуральник 1997. Гуральник Е.М. Воплощение авторского замысла в рассказе А.И.Солженицына АЗахар-Калита@ // Литература в школе. т 4. Москва
- Дубинин 1972. Дубинин М.А. Солженицын и Л.Толстой // Русская мысль. 24 февраля. Париж
- Евсюков 1990. Евсюков В. Люди бездны: о романе А. Солженицына АВ круге первом@ // Дальний Восток. т 12
- Елисеев 1994. Елисеев Н.Л. ААвгуст Четырнадцатого@ Александра Солженицына. Сквозь разные стекла // Звезда. т 6. Спб
- Желягин 1988. Желягин В. Солженицын и национальное возрождение // Посев. т 12. Frankfurt a/M
- Живов 1992. Живов В.М. Как вращается АКрасное колесо@ // Новый мир. т 3. Москва
- Жирмунский 1977. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Ленинград
- Жирмунский 1996. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение. Спб
- Завалишин 1963. Завалишин В. Повесть о Амертвых домах@ и советском крестьянстве: Об АОдном дне Ивана Денисовича@ А.Солженицына // Грани т 54. Frankfurt a/M
- Зайонц, Немзер 1995. Зайонц М., Немзер А. В зале старинного замка: АПир победителей@ А.Солженицына: постановка Б. Морозова. Худ. И.Сумбаташвили. Малый театр // Сегодня. 28 января. Москва
- Зайцев 1969. Зайцев Б.К. Письмо Солженицыну // Вестник РСХД. т 94. Париж - Нью-Йорк
- Залуцкая 1969. Залуцкая М. Матрёна и её двор // Новое русское слово. 28 сентября. Нью-Йорк
- Залуцкая 1970. Залуцкая М. Герой-борец А.Солженицына в круге первом // Новое русское слово. 27 января. Нью-Йорк
- Залуцкая 1972. Залуцкая М. Солженицын и Достоевский // Новое русское слово. 23 апреля. Нью-Йорк
- Заславский 1995. Заславский Г. Чистая работа: АПир победителей@, комедия в стихах. Пьеса Александра Солженицына, постановка Бориса Морозова // Независимая газета. 27 января. Москва
- Золотусский 1990а. Золотусский И.П. АПройти безвредно между чудес и чудищ@ // Лит.обозрение. т 1. Москва
- Золотусский 1990б. Золотусский И.П. Солженицын. Круг первый // Моск. новости. 26. августа. Москва
- Иванов 1988. Иванов Вяч. Вс. Статьи в: Монтаж: Литература, искусство, театр, кино. Москва
- Иванова 1995. Иванова А.И. Солженицын Александр Исаевич // Философы России XIX-XX столетий: Биографии, идеи, труды. Москва
- Иоффе 1999. Иоффе Б.Л. Особо секретное задание. Из истории атомного проекта в СССР // Новый мир. т 5-6
- Каверин 1997. Каверин В.А. Эпилог. Москва
- Калашникова 1995. Калашникова С.М. Особенности хронотипа в романе А.И.Солженицына ААвгуст Четырнадцатого@ // М.М.Бахтин и проблемы

- современного гуманитарного знания: Материалы межвуз. науч. конф.: (27 сентября 1995, Ростов-на-Дону) // Ростовск. гос. ун-т; Каф. теории и истории мировой литературы; фак. филол. и журналистики. Ростов-на-Дону
- Кареев 1887. Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Ч.1. Сущность и задача философии истории. СПб.
- Карпович 1971. Карпович В.В. Читая ААвгуст Четырнадцатого@ // Новое русское слово. 26 декабря. Нью-Йорк
- Карпович 1974 . Карпович В.В. Исследование новообразований и далевских слов у Солженицына // Грани. т 94. Frankfurt a/M
- Катенши 1998. Катенши Ф.-Ж. Колесо цвета крови: К выходу французского перевода третьего узла АКрасного Колеса@ // Русская мысль. 12-18 февраля - перевод статьи из парижской газ. АМонд@ от 30 января 1998. Париж
- Келер 1969а. Келер Л. АРаковый корпус@ Солженицына: Высокое мастерство и предельная искренность // Возрождение. т 205. Париж
- Келер 1969b. Келер Л. Торжество духа: О романе Солженицына АВ круге первом@ // Возрождение. т 209. Париж
- Киселев 1973. Киселев А. Варсонофьев и Н.Ф.Федоров // Новый журнал. Кн. 110. Нью-Йорк
- Клейман 1972а. Клейман Л. Заметки о АРаковом корпусе@ Солженицына // Грани. т 83. Frankfurt a/M
- Клейман 1972b. Клейман Л. Человек и природа в произведениях Солженицына // Грани. т 86. Frankfurt a/M
- Коган 1982. Коган Э. Соляной столп: Политическая психология А. Солженицына. Париж
- Константинов 1971. Константинов Д. Духовные основы ААвгуста Четырнадцатого@ // Новое русское слово. 31 октября. Нью-Йорк
- Копелев 1991. Копелев Л. Утоли моя печали. Москва
- Копелев 1997. Копелев Л. Солженицын на шарашке // Время и мы. т 40. Frankfurt a/M
- Краснов 1977. Краснов В.Г. Многоголосность героев в романе Солженицына АВ круге первом@ // Грани. т 103. Frankfurt a/M
- Краснов 1986. Краснов В.Г. Воскрешение Столыпина // Грани. т 141. Frankfurt a/M
- Краснов-Левитин 1983. Краснов-Левитин А.Е. Два писателя. Париж
- Кредов 1994. Кредов С.О. О пользе Агнусных вопросов@: Какая традиция связывает Гоголя с Солженицыным? // Рус.слово. XXI век. т 1. Москва
- Коротков 1994. Коротков А.В. и др. (сост.) Кремлевский самосуд: секретные документы Политбюро об Александре Солженицыне. Москва
- Кублановский 1983. Кублановский Ю.М. ААвгуст Четырнадцатого@ Александра Солженицына: У истоков стиля // Русская мысль. 20 октября. Париж
- Кублановский 1985. Кублановский Ю.М. Провиденциальность писателя // Стрелец. т 8. Париж - Нью-Йорк
- Кублановский 1987. Кублановский Ю.М. АМарт Семнадцатого@: Хроника исторической катастрофы // Грани. т 144. Frankfurt a/M
- Кублановский 1988а. Кублановский Ю.М. Образ императрицы в АКрасном Колесе@ А. Солженицына // Вестник РХД. т 154. Париж - Нью-Йорк

- Кублановский 1988b. Кублановский Ю.М. Солженицын - городу и миру // Посев. т 12. Frankfurt a/M
- Кублановский 1989a. Кублановский Ю.М. Стиль и историософия АКрасного Колеса@ А.И. Солженицына // Стрелец. т 1. Париж - Нью-Йорк
- Кублановский 1989b. Кублановский Ю.М. Хроника, роман, эпос... // Кн.обозрение. 20 октября. Москва
- Кублановский 1990a. Кублановский Ю.М. Воскрешение истории // Кн. обозрение. 12 октября. Москва
- Кублановский 1990b. Кублановский Ю.М. Ко всем нам // Лит.газ. 14 февраля. Москва
- Кублановский 1990c. Кублановский Ю.М. На руинах утопии // .Лит.газ. 7 ноября. Москва
- Кублановский 1992. Кублановский Ю.М. А...И все мне переосветилось@ // Москва. т 5/6. Москва
- Кублановский 1993. Кублановский Ю.М. АС того берега@ о Солженицыне // Новый мир. т 11. Москва
- Кублановский 1995a. Кублановский Ю.М. Зрячая любовь: О новых публикациях Солженицына // Труд. 20 мая. Москва
- Кублановский 1995b. Кублановский Ю.М. АИспользуя известную классификацию Данте@ // Новый мир. т 9. Москва
- Кублановский 1996. Кублановский Ю.М. Спасение через слово //Новый мир. т 6. Москва
- Кузин 1994. Кузин Н. Возвращение домой. // Литературная Россия. 26 августа.
- Кузьмин 1998. Кузьмин В.В. Поэтика рассказов А.И.Солженицына. Тверь
- Курбатов 1993. Курбатов В. Пока мы не ответим // Москва. т 5. Москва
- Кьеркегор 1907. Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Спб
- Кьеркегор 1993. Кьеркегор С. Страх и трепет. Москва
- Лавренев 1992. Лавренев П.П. Проблемы русского национального характера в творчестве А.И.Солженицына: Нравственно-философский аспект: Дис...-канд.филол.наук / Моск.пед.гос.ун-т им.В.И.Ленина. Москва
- Лавров 1993. Лавров В. Лицо // Нева. т 12. Спб.
- Лакшин 1964. Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги. // Новый мир. т 1. Москва
- Лакшин 1994. Лакшин В.Я. Булгаков и Солженицын: К постановке проблемы // Лакшин В.Я. Берега культуры. Москва
- Ланин 1994. Ланин Б. Учащимся от выучившихся // Независимая газета. 13 августа
- Латынина 1990a. Латынина А.Н. Крушение идеократии: От АОдного дня Ивана Денисовича@ к ААрхипелагу ГУЛага@ // Лит. Обозрение. т 4. Москва
- Латынина 1990b. Латынина А.Н. Солженицын и мы // Новый мир. т 1. Москва
- Латынина 1991. Латынина А.Н. За открытым шлагбаумом. Москва
- Латынина 1994. Латынина А.Н. Двадцать лет спустя: Солженицын снова в России // Лит.газ. 1 мая. Москва
- Латынина 1995. Латынина А.Н. Отложенные замыслы: Параллельные жизнеописания: версия Солженицына // Лит.газ. 5 июля. Москва

- Левицкий 1971. Левицкий С. Этика Солженицына // Новый журнал. Кн.102. Нью-Йорк
- Левицкий 1975. Левицкий С. Под знаменем добра и справедливости // Посев. т 6. Frankfurt a/M
- Лекманов 1998. Лекманов О.А. От железной дороги подале, к озерам...@: О том, как устроено пространство в рассказе А.И.Солженицына АМатрёнин двор@ // Русская мысль. 7/13 мая. Париж
- Лерт 1991а. Лерт Р.Б. Хотим ли мы вернуться в 16.век? // Лерт Р.Б. На том стою: Публикации Асамиздата@. Москва
- Лерт 1991b. Лерт Р.Б. Этика и история в романе ААвгуст Четырнадцатого@ // Лерт Р.Б. На том стою: Публикации Асамиздата@. Москва
- Лесневский 1989а. Лесневский С.С. Одно слово правды весь мир перетянет@ // Кн. обозрение. 11 августа. Москва
- Лесневский 1989b. Лесневский С.С. Судьба сгорела между строк / Беседу вела Л.Фомина // Московская правда. 4 октября. Москва
- Лесневский 1990. Лесневский С.С. Будь гражданин...@ // Кн. обозрение. 28 сентября. Москва
- Липовецкий 1994. Липовецкий М.Н. Приветная песнь совка: О Солженицыне по канонам соцреализма // Лит.газ. 5 октября. Москва
- Лифшиц 1990а. Лифшиц М.А. О повести А.И.Солженицына АОдин день Ивана Денисовича@ // Вопросы литературы. т 7. Москва
- Лифшиц 1990b. Лифшиц М.А. О рукописи А.И.Солженицына АВ круге первом@ // Вопросы литературы. т 7. Москва
- Лопухина-Родзянко 1974. Лопухина-Родзянко Т.А. Духовные основы творчества Солженицына. Frankfurt a/M
- Лосев 1984. Лосев Л.В. Великолепное будущее России: Заметки при чтении ААвгуста Четырнадцатого@ А.Солженицына // Континент. т 42. Мюнхен
- Лосев 1986. Лосев Л.В. Поэзия и правда у Солженицына // Эхо. т 4. Париж
- Лосев 1989. Лосев Л.В. Солженицынские евреи // Стрелец. т 1. Париж - Нью-Йорк
- Лурье 1993. Лурье Я.С. Единоборство с Толстым: Солженицын // Лурье Я.С. После Льва Толстого: Исторические воззрения Льва Толстого и проблемы 20 века. СПб.
- Лурье 1994. Лурье Я.С. Александр Солженицын - эволюция его исторических взглядов // Звезда. т 6. СПб
- Любимов 1989а. Любимов Б.Н. Жить не по лжи // Сои.экр. т 13. Москва
- Любимов 1989b. Любимов Б.Н. Солженицын - драматург: Заметки критика // Театр.жизнь. т 14. Москва
- Любимов 1995 . Любимов Б.Н. Царственное слово // Сегодня. 8 февраля. Москва
- Любимов 1997а. Любимов Б.Н. Март семнадцатого в АМарте Семнадцатого@ // Любимов Б.Н. Действо и действие.: Шк. АЯзыки русской культуры@. Т.1. Москва
- Любимов 1997b. Любимов Б.Н. Миросозерцание Солженицына // Там же
- Любимов 1997с. Любимов Б.Н. Предсказывающий историю: Царственное слово // Там же

- Любимов 1997d. Любимов Б.Н. Смысл жизни // Там же
- Мамантов 1974. Мамантов И.А. Религиозные мотивы у Солженицына // Новый журнал. Кн.114. Нью-Йорк
- Маркштайн 1993. Маркштайн Э. О повествовательной структуре ААрхипелага ГУЛаг@ // Филол.зап. Вып.1. Воронеж
- Мешков 1993. Мешков Ю.А. Александр Солженицын: личность, творчество, время. Екатеринбург
- Миркович 1988. Миркович Е. Писатель-летописец // Посев.т 2. Frankfurt a/M
- Можаяев 1989. Можаяев Б.А. Серьёзное время // Век XX и мир.т 1. Москва
- Муромский 1994. Муромский В.П. История литературной полемики вокруг повести АОдин день Ивана Денисовича@ // Литература в шк. т 3. Москва
- Набоков 1996. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Москва
- Назаров 1988. Назаров М. Два кредо: Этика и эстетика у Солженицына и у Бродского // Вестник РХД. т 154. Париж-Нью-Йорк
- Неймирок 1971. Неймирок А. АРоссию жалко...@: (О романе А.Солженицына ААвгуст Четырнадцатого@) // Грани. т 82. Frankfurt a/M
- Немзер 1990a. Немзер А.С. Прозревая Россию: Заметки о АМарте Семнадцатого@ // Лит. обозрение. т 12. Москва
- Немзер 1990b. Немзер А.С. Рождество и Воскресение: О романе Александра Солженицына АВ круге первом@ // Литературное обозрение. т 6. Москва
- Немзер 1991. Немзер А.С. Облачно с прояснениями: Заметки о критике-90 // Литературное обозрение. т 2. Москва
- Немзер 1992a. Немзер А.С. На валу истории: Заметки о творчестве А.И.Солженицына: К выходу в свет ААпреля Семнадцатого@и отечественной публикации АБодался телёнок с дубом@. // Независимая газ. 26 февраля. Москва
- Немзер 1992b. Немзер А.С. Непредусмотренный голос // Там же. 19 ноября. Москва
- Немзер 1993. Немзер А.С. Дарование и поручение // Сегодня. 11 декабря. Москва
- Немзер 1994a. Немзер А.С. Имя, ставшее словом: Солженицын. // Звезда. т 6 // Сегодня. 28 октября. Москва
- Немзер 1994b. Немзер А.С. Любовь к истине как писательский стиль // Сегодня. 27 мая. Москва
- Немзер 1994c. Немзер А.С. Современный диалог с Гоголем // Новый мир. т 5. Москва
- Немзер 1995a. Немзер А.С. Взгляд на русскую прозу в 1995 году // Сегодня. 23 декабря. Москва
- Немзер 1995b. Немзер А.С. Сегодня и о сегодняшнем // Сегодня. 22 ноября. Москва
- Немзер 1998. Немзер А.С. Герои нашего времени из андеграунда // Известия. 30 января. Москва
- Нива 1978. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына // Континент. т 18. Мюнхен
- Нива 1982. Нива Ж. Солженицын двадцать лет спустя // Русская мысль. 2 сентября. Париж
- Нива 1985. Нива Ж. Солженицын и мы // Обозрение: Аналитич. журн. АРусской мысли@. т 17. Париж

- Нива 1988. Нива Ж. От одной Аглыбы@к другой // Вестник РХД, т 154. Париж-Нью-Йорк
- Нива 1990. Нива Ж. Весьма разумная утопия Александра Солженицына // Русская мысль. 29 октября. Париж
- Нива 1992. Нива Ж. Солженицын. Москва
- Нива 1993. Нива Ж. Поэма о Аразброде добродетелей@ // Континент. т 75. Москва-Париж
- Новиков 1990. Новиков В.И. Раскрепощение: Воспоминания читателя // Знамя. т 3. Москва
- Новиков 1997. Новиков В.И. С чужого АЯ@ начнется литература XXI века // Новиков В.И. Заскок. Москва
- Оболенский 1971. Оболенский С. АТкань истории@ у Солженицына // Возрождение. Июль. т 239. Париж
- Одабашьян 1978. Одабашьян П.С. Духовный мир героев А.И. Солженицына // Грани. т 89/90. Frankfurt a/M
- Орлицкий 1995. Орлицкий Ю.Б. АКрохотки@ А.Солженицына в контексте русской Амалой прозы@ // Рус.классика 20 в.: Пределы интерпретации: Сб. материалов науч.конф. Ставрополь
- Паламарчук 1989. Паламарчук П.Г. Умышленны ли искажения // Лит. Россия. 24 ноября. т 47. Москва
- Паламарчук 1991а. Паламарчук П.Г. Второе действие АКрасного колеса@. Эпопея Солженицына окончена. Колесо катится дальше // Лит. Россия. 4 октября. т 40. Москва
- Паламарчук 1991б. Паламарчук П.Г. Читать Александра Солженицына! // Наш современник. т 12. Москва
- Паламарчук 1992. Паламарчук П.Г. Возвращение // Грани. т 166. Frankfurt a/M
- Палиевский 1974. Палиевский П.В. Документ в современной литературе. // Палиевский П.В. Пути реализма. Литература и теория. Москва
- Панин 1973. Панин Д.М. Записки Сологдина. Франкфурт
- Панин 1975. Панин Д.М. Солженицын и действительность. Париж
- Панин 1979. Панин Д.М. Возражения Солженицыну // Современник. 43/44. Торонто
- Панин 1998. Панин Д.М. Мысли о разном. Т. 1, 2. Москва
- Пашин 1971. Пашин Н. Язык и структура ААвгуста Четырнадцатого@ // Новое рус. слово. 21 ноября. Нью-Йорк
- Пихоя 1998. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти 1945 -1991. Москва
- Плетнев 1971. Плетнев Р. ААвгуст Четырнадцатого@ // Русская мысль. 18 ноября. Париж
- Плетнев 1973. Плетнев Р. А.И.Солженицын. Париж
- Подгорная 1972. Подгорная С. Коллективный труд о Солженицыне // Грани. т 84. Frankfurt a/M
- Померанцев 1969. Померанцев К.Д. Добро и зло у Солженицына // Новый журнал. Кн. 95. Нью-Йорк
- Померанцев 1978. Померанцев К.Д. В начале был АОдин день Ивана Денисовича@ // Русская мысль. 14 декабря. Париж
- Попов 1991. Попов Е. Солженицын и юмор // Столица т 24-25

- Поспелов 1978. Поспелов Г.Н. Теория литературы. Москва
- Потапов 1990. Потапов В. Звезда, река, загадка...: Заметки об Августе Четырнадцатого // Лит. обозрение. т 11. Москва
- Потебня 1976. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. Москва
- Решетовская 1990. Решетовская Н.А. Александр Солженицын и читающая Россия. Москва
- Редькин 1998. Редькин В.А. Система нравственных ценностей в творчестве А.И. Солженицына // Тверской солженицынский сборник: К 80-летию классика русской литературы. (под научной редакцией В.А. Юдина и В.В. Кузьмина). Тверь
- Решетовская 1992. Решетовская Н.А. Разрыв. Иркутск
- Решетовская 1994. Решетовская Н.А. Отлучение. Москва
- Ржевский 1969. Ржевский Л.Д. Мастерство Солженицына // Наша страна. 27 мая. Буэнос-Айрес
- Ржевский 1970а. Ржевский Л.Д. Образ рассказчика в повести Один день Ивана Денисовича // Ржевский Л.Д. Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы. Нью-Йорк
- Ржевский 1970б. Ржевский Л.Д. Творческое слово у Солженицына // Ржевский Л.Д. Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы. Нью-Йорк
- Ржевский 1972. Ржевский Л.Д. Творец и подвиг: Очерки по творчеству Александра Солженицына. Франкфурт
- Ржевский 1974. Ржевский Л.Д. Солженицын - художник и Архипелаг ГУЛаг // Записки рус. акад. группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Т.8. Нью-Йорк
- Роднянская 1995. Роднянская И.Б. Уроки четвертого узла // Роднянская И.Б. Литературное семилетие. Москва
- Русланов 1974. Русланов С. (Краснов В.Г.) Эпигон Великого Инквизитора: К портрету Сталина в романе А.И. Солженицына В круге первом // Грани. т 92/93. Frankfurt a/M
- Рутыч 1971. Рутыч Н.Н. Исторические взгляды Солженицына: К выходу романа Август Четырнадцатого // Посев. т 8. Frankfurt a/M
- Рутыч 1972. Рутыч Н.Н. Страх перед Воротынцевым?: По поводу критики романа Солженицына Август Четырнадцатого // Посев. т 6. Frankfurt a/M
- Рутыч 1976. Рутыч Н.Н. О Ленине в Цюрихе // Посев. т 8. Frankfurt a/M
- Рутыч 1980. Рутыч Н.Н. Сталин в современной литературе // Посев. т 2. Frankfurt a/M
- Рутыч 1993а. Рутыч Н.Н. Военная интеллигенция в творчестве Солженицына // Рутыч Н.Н. Думская монархия. Спб.
- Рутыч 1993б. Рутыч Н.Н. Новая тотальная стратегия: По страницам книги Солженицына Ленин в Цюрихе // Рутыч Н.Н. Думская монархия. Спб.
- Рутыч 1993с. Рутыч Н.Н. От Воротынцева к Столыпину // Рутыч Н.Н. Думская монархия. Спб.
- Сараскина 1995. Сараскина Л.И. Театр Александра Солженицына // Современная драматургия. т 3/4. Москва
- Сараскина 1996. Сараскина Л.И. Код Солженицына // Россия. т 1. Москва

- Сахаров 1975. Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына АВождям Советского Союза@ // Континент. т 2. Мюнхен
- Сахаров 1996. Сахаров А.Д. Воспоминания. Т. 1, 2. Москва
- Седуро 1977. Седуро В. Солженицын и традиции полифонического романа Достоевского // Современник. т 32-36. Торонто
- Седуро 1978. Седуро В. Не в уровень и с любовью, а в свете морального суда: Сталин в изображении А.Солженицына. Русская мысль. 6 апреля. Париж
- Сокольский 1971. Сокольский А. Волнующие темы романа Солженицына АВ круге первом@ // Новое рус.слово. 5 сентября. Нью-Йорк
- Спиваковский 1988. Спиваковский П.Е. Символическое осмысление жизненной реальности в эпических произведениях А.И.Солженицына 1950-1980-х гг. (на примере мотива руки) // Актуальные проблемы современного литературоведения : материалы межвузовск. науч.конф. Вып.2. МГОПУ. Москва
- Спиваковский 1994а. Спиваковский П.Е АСтранные слова@ Александра Солженицына // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная лит. Сер.7. Литературоведение:РЖ/ ИНИОН РАН. т 1. Москва
- Спиваковский 1994б. Спиваковский П.Е Лексическое Арасширение@ в эпопее А.И. Солженицына АКрасное колесо@ // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. лит. Сер.6. Языкознание: РЖ/ ИНИОН РАН. т 4. Москва
- Спиваковский 1996. Спиваковский П.Е. История, душа и Аэго@ // Лит.обозрение. т 1. Москва
- Спиваковский 1997. Спиваковский П.Е. Полифония трансцендентальных миров: (Некоторые особенности структуры эпопеи А.И.Солженицына АКрасное колесо@) // Филол. науки. т 2. Москва
- Спиваковский 1998а. Спиваковский П.Е. ААрхипелаг ГУЛаг@ // Энциклопедия литературных произведений. Москва
- Спиваковский 1998б. Спиваковский П.Е. АМатрёнин двор@ // Энциклопедия литературных произведений. Москва
- Спиваковский 1998с. Спиваковский П.Е. АОдин день Ивана Денисовича@ // Энциклопедия литературных произведений. Москва
- Спиваковский 1998d. Спиваковский П.Е. Феномен А.И.Солженицына: новый взгляд. Москва
- Сталин ... 1969. Сталин и Солженицын // Посев. т 12. Frankfurt a/M
- Страда 1983. Страда В. Три измерения Солженицына // Вече. т 12. Мюнхен
- Струве 1971а. Струве Г.П. Кое-что о новом романе Солженицына // Новое рус.слово. 12 сентября и 19 сентября. Нью-Йорк
- Струве 1971б. Струве Г.П. Об одном источнике ААвгуста Четырнадцатого@: Солженицын и генерал Франсуа // Новое рус.слово. 3 октября. Нью-Йорк
- Струве 1992. Струве Н.А. Православие и культура. Москва
- Субботина 1992. Метафорические отношения между ключевыми словами публицистического текста: (На материале публицистики Ф.Абрамова, В.Распутина, А.Солженицына): Дис... - канд. филол. наук / МГУ им. М.В.Ломоносова. Москва
- Супруненко 1994. Супруненко П. Признание... Забвение... Судьба. Минеральные Воды

- Суриков 1994. Суриков В.О. О Солженицыне - читая ААвгуст@ // Лит. обозрение. т 7/8. Москва
- Тарасова 1963. Тарасова Н. По гоголевским заветам: О новом рассказе А. Солженицына // Посев. т 39. Frankfurt a/M
- Таубер 1964. Таубер Е. АМатрёнин двор@ А.Солженицына и АЖивые мощи@ И.Тургенева // Посев. т 55. Frankfurt a/M
- Твардовский 1962. Твардовский А.Т. Вместо предисловия // Новый мир. т 11. Москва
- Твардовский 1989. Твардовский Иван. У нас пленных нет // Новый мир. т 6. Москва
- Телицына 1991. Телицына Т.В. Образность в ААрхипелаге ГУЛаг@ А.И.Солженицына // Филол.науки. т 5.Москва
- Темпест 1993. Темпест Р. Герой как свидетель: Мифопоэтика Александра Солженицына // Звезда. т 10. Спб.
- Темпест 1994. Темпест Р. К проблеме героического мировоззрения: (Солженицын и Ницше) // Звезда. т 6. Спб.
- Толстой. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 20 томах. Москва
- Томашевская 1994. Томашевская З.Б. И сей день не без завтрашнего // Звезда. т 6. Спб.
- Томашевский 1996. Томашевский Б.В. Поэтика. Москва
- Травин 1994. Травин Д.Я. Авторитарный тормоз для АКрасного Колеса@ // Звезда. т 6. Спб.
- Тынянов 1979. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва
- Успенский 1979. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционных форм. Москва
- Фельштинский 1988 . Фельштинский Ю. АКрасное колесо@- книга будущего: Эссе // Стрелец. т 12. Париж - Нью-Йорк
- Франк 1971. Франк В.С. Солженицын и Толстой // Посев. т 7. Frankfurt a/M
- Френкель 1990. Френкель В. В кругу последнем: Варлам Шаламов и Александр Солженицын // Даугува т 4.
- Фридлендер 1993. Фридлендер Г.М. О Солженицыне и его эстетике // Рус.лит. т 1. Спб.
- Хализев 1999. Хализев В.Е. Теория литературы. Москва
- Харрис 1993. Харрис Д.Г. ААрхипелаг ГУЛаг@ Солженицына и Алитература достоверности@ // Русская литература XX века: Исслед. амер. ученых. Спб.
- Чалмаев 1994. Чалмаев В.А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. Москва
- Чудакова 1990а. Чудакова М.О. Путь к себе: Лит.ситуация // Лит.обозрение. т 1. Москва
- Чудакова 1990b. Чудакова М.О. Сквозь звёзды к терниям: Смена лит. циклов // Новый мир. т 4. Москва
- Чуковская 1998. Чуковская Е. (сост.) Слово пробивает себе дорогу. Сб.статей и документов. Москва
- Шафаревич 1994. Шафаревич И.Р. Сочинения в 3-х томах. Москва
- Шаламов 1990. Шаламов В.Т. Письма А.Солженицыну // Знамя. т 7. Москва

- Шаховская 1990. Шаховская З.А. О правде и свободе Солженицына // Слово. т 3. Москва
- Шестов 1975. Шестов Л. На весах Иова. Париж
- Шкловский 1923. Шкловский В.Б. Литература и кинематограф. Берлин
- Шкловский 1990. Шкловский Е.А. Чем жив человек: О повести АРаковий корпус@ // Лит.обозрение. т 7. Москва
- Шмеман 1970. Шмеман Александр, прот. О Солженицыне // Вестник РХД. т 98. Париж-Нью-Йорк
- Шмеман 1971. Шмеман Александр, прот. Зрячая любовь // Вестник РХД. т 100. Париж-Нью-Йорк
- Шмеман 1973. Шмеман Александр, прот. Сказочная книга // Вестник РХД. т 108/110. Париж-Нью-Йорк
- Шмеман 1979. Шмеман Александр, прот. АНа злобу дня@: О Солженицыне и его обвинителях // Вестник РХД. т 130. Париж-Нью-Йорк
- Шнеерсон 1982. Шнеерсон М. Великое противостояние душ // Грани. т 126. Frankfurt a/M.
- Шнеерсон 1983. Шнеерсон М. АПравило последних вершков@: О романе А.Солженицына АВ круге первом@ // Грани. т 129. Frankfurt a/M.
- Шнеерсон 1984. Шнеерсон М. Александр Солженицын: Очерки творчества. Франкфурт
- Шнеерсон 1987а. Шнеерсон М. Будущее в прошедшем: АМарт семнадцатого@ А.Солженицына // Посев. т 11. Frankfurt a/M
- Шнеерсон 1987b. Шнеерсон М. Главы, напечатанные петитом: Из наблюдений над АКрасным Колесом@ А. Солженицына // Грани. т 143. Frankfurt a/M
- Шнеерсон 1987с. Шнеерсон М. Голос Шухова в произведениях Солженицына: К 25-летию АОдного дня Ивана Денисовича@ // Грани. т 146. Frankfurt a/M
- Шнеерсон 1987d. Шнеерсон М. Документальная правда и художественный вымысел: Из наблюдений над АКрасным Колесом@ А.Солженицына // Стрелец. т1. Париж - Нью-Йорк
- Шнеерсон 1987е. Шнеерсон М. Загадка Богрова // Посев. т 9. Frankfurt a/M
- Штурман 1988. Штурман Д. Городу и миру. Париж-Нью-Йорк
- фон Шульц 1999. фон Шульц Оскар. Светлый, жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск
- Шурмак 1996. Шурмак Г. Новые рассказы Александра Солженицына // Грани. т 182. Frankfurt a/M
- Щедрина 1992а. Щедрина Н.М. Авторская оценка романа АКрасное Колесо@ в публицистике А. Солженицына // Критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень
- Щедрина 1992b. Щедрина Н.М. Философский Аспор@ А. Солженицына с Л. Толстым в романе АКрасное Колесо@ // Классика и современный литературный процесс. Орск
- Щедрина 1994. Щедрина Н.М. Концепция истории в романе А.Солженицына АКрасное Колесо@// Русская литература конца XX века (80- 90-е годы). Пути развития прозы и драматургии. Уфа
- Щедрина 1995а. Щедрина Н.М. Стилиевые особенности романа А.Солженицына АКрасное Колесо@ // Актуальные проблемы современной филологии. Уфа

- Щедрина 1995b. Щедрина Н.М. Функции Ахронотипа® в романе А. Солженицына АКрасное Колесо® // Поэтика русской прозы XX века: Межвузовск. науч. сб. Уфа
- Щедрина 1996a. Щедрина Н.М. Исторический роман в русской литературе последней трети XX века (пути развития, концепция личности, поэтика): Дис. ...д-ра филол.наук / Моск. пед. гос. ун-т им.Ленина. Москва
- Щедрина 1996b. Щедрина Н.М. Форма авторской иронии в исторических произведениях М. Алданова, А. Солженицына // Русское художественное слово: Многообразие литературоведческих и лингвотипических методов. Спб.
- Щедрина 1998. Щедрина Н.М. Формы выражения авторского сознания в романе А. Солженицына АКрасное Колесо® // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сб. ст. Уфа
- Эйзенштейн 1956. Эйзенштейн С.М. Избранные статьи. Москва
- Юдин 1988. Тверской солженицынский сборник: К 80-летию классика русской литературы. (под научной редакцией В.А. Юдина и В.В. Кузьмина). Тверь
- Ahlman 1982. Ahlman Erik. Ihmisen probleemi. Jyväskylä
- Allaback 1979. Allaback S. Alexander Solzhenitsyn. N.Y.
- Atkinson 1971. Atkinson D.G. Solzhenitsyn's heroes as Russian historical types // Russian rev. No.1. N.Y.
- Aucouturier 1974. Aucouturier M. & alii Soljénitsyne / Communications. Paris
- Barker 1977. Barker F. Solzhenitsyn. L.
- Belinkov 1968. Belinkov A. The writer as Russian's conscience // Time. Sept. 27 N.Y.
- Björkegren 1971. Björkegren H. Alexander Solsjenitsyn: Biografi och dokument. Sthlm.
- Boldyreff 1972. Boldyreff C.W. Solzhenitsyn: The conscience of Russia // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol.6. N.Y.
- Bosquet 1972. Bosquet A. Soljénitsyne et la Sainte Russie // Gazette de Lausanne.14-15 Oct. Lausanne.
- Burg 1972. Burg D. Solzhenitsyn: a biography. L.
- Carpovich 1973. Carпович V.V. Lexical peculiarities of the Solzhenitsyn's language: (Neologisms and Dahl's vocabulary). Ph.D. New York Univ.
- Carter 1977. Carter S. The politics of Solzhenitsyn. N.Y.
- Cesereanu 1992. Cesereanu R. Soljenitîn - ucenic at lui Dante // Steaua. A.43, No.10. Buc.
- Clement 1976. Clement O. The Spirit of Solzhenitsyn. N.Y.
- Clive 1972. Clive G. 'Solzhenitsyn and the Inconsequence of Politics' in: the Broken Icon: Intuitive Existentialism in Classical Russian Fiction, N.Y.
- Colton 1981. Colton M. The political thought of Alexander Solzhenitsyn. Mich.Univ.
- Constant 1968. Constant S. Great Russian realist // Sunday telegraph. Sept. 29. L.
- Curtis 1984. Curtis J. Solzhenitsyn's traditional imagination. Athens (Ga)

- Daix 1969. Daix P. Introduction a Une journee d'Ivan Denisovich // Lettres Francaises. No. 967. Paris
- Daix 1973. Daix P. Ce que je sais de Soljénitsyne. Paris
- Dovhiy 1965. Dovhiy W. Dostoevsky's *House of the Dead* and Solzhenitsyn's *One day in the life of Ivan Denisovich*: Studies in extreme reality. M.A. Univ. of Toronto.
- Drozda 1966. Drozda M. Babel - Lenov - Solženicyn. Praha
- Drozda 1969. Drozda M. Románové umení Aleksandra Solženicyna // Plamen. No.4. Praha
- Dunlop 1972. Dunlop J.P. Solzhenitsyn's sketches // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. Vol.6. N.Y.
- Dunlop 1973. Dunlop J.P. Solzhenitsyn's First Circle (Dissertation), Yale U.
- Dunlop 1975a. Dunlop J. (comp.) Alexander Solzhenitsyn: critical essays and documentary materials. N.Y.
- Dunlop 1975b. Dunlop J. The Odyssey of a Skeptic: Gleb Nerzhin // Alexander Solzhenitsyn: critical essays and documentary materials. comp. John Dunlop. N.Y.
- Dunlop 1985. Dunlop J. Solzhenitsyn in exile: Crit. Essays and documentary materials. Standord (Cal.)
- Dunn 1988. Dunn J. E. *Ein Tag vom Standpunkt eines Lebens: Ideelle Konsequenz als Gestaltungsfaktor im erzählerischen Werk von Alexander Isaevič Solženicyn*- München
- Durden-Smith 1995. Durden-Smith J. One man against the state // Moscow times. Nov.14. M.
- Dutschke 1975. Dutschke R. & alii Die Sowjetunion, Solschenizyn und die westliche Linke. Reinbek bei Hamburg.
- Ericson 1980. Ericson E.E. Solzhenitsyn: The moral vision. Grand Rapids (Mich.)
- Falkenstein 1975. Falkenstein H. Alexander Solschenizyn. Berlin
- Farrar 1974. Solzhenitsyn: A Pictorial autobiography. N.Y.
- Feuer 1976. Feuer K. Solzhenitsyn: A collection of critical essays. N.J.
- Fiene 1973. Fiene D.M. comp. Alexander Solzhenitsyn: An International Bibliography of Writings by and about Him. Mich.
- Giordano 1978. Giordano C. Solženicyn, arcipelago di bugie. Milano
- Glenny 1968. Glenny M. Solzhenitsyn: no compromise // Times saturday rev. L.
- Glenny 1972a. Glenny M. Alexander Solzhenitsyn and the epic tradition: Introducing *August 1914* // Harpers magazine. Aug. N.Y.
- Glenny 1972b. Glenny M. No *regime loves great writers* // Life. June 23. N.Y.
- Grazzini 1974. Grazzini G. Solzhenitsyn. (Transl. From the Italian by E. Mosbacher) L.
- Grebenschikov 1971. Grebenschikov V. Les cercles inferaux chez Soljénitsyne et Dante // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Halperin 1975. Halperin David M. The role of the Lie in The First Circle // Alexander Solzhenitsyn: critical essays and documentary materials. comp. John Dunlop. N.Y.
- Hallet 1983. Hallet R. About Sologdin // Modern Language Review, April.
- Harva 1957. Harva Urpo. Ihminen etsii itseään. Keuruu

- Herling 1963. Herling G. De Tchekov Soljénitsyne // Preuves. No.148. Paris
- Jacobson 1969. Jacobson Dan. The Example of Solzhenitsyn // Commentary 47. m5.
- Johnsson 1985. Johnsson M. Alexander Soljénitsyn mellan Öst och Väst. Stkh.
- Kisseleff 1971 . Kisseleff N. Literary and themes in *The First Circle* // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Kodjak 1978. Kodjak A. Alexander Solzhenitsyn. Boston
- Koehler 1967. Koehler L. Alexander Solzhenitsyn and Russian literary tradition // Russian rev. No.2. Syracuse (N.Y.)
- Krasnov 1974. Krasnov V.G. Polyphony of *The First Circle*: A Study in the Solzhenitsyn's Affinity with Dostoevsky. Ph.D. Univ. Of Washington (Seattle)
- Krasnov 1980. Krasnov V.G. Solzhenitsyn and Dostoevsky: A study in the polyphonic novel. Athens (Ga)
- Krohn 1996. Krohn Sven. Etsin ihmistä. Porvoo-Helsinki-Juva
- Labeledz 1971. Labeledz L. Solzhenitsyn: Critical essays and documentary records.
- Lefort 1986. Lefort C. Un homme en trop: Réflexions sur *L'Archipel du Goulag* Paris
- Lenoux 1971. Lenoux A. Soljénitsyne accuse. Paris
- Liapunov 1975. Liapunov Vadim. Limbo and Sharashka. // Alexander Solzhenitsyn: critical essays and documentary materials. comp. John Dunlop. N.Y.
- Lo Gatto 1975. Lo Gatto E. Profilo della letteratura russa dalle origini a Solzhenitsyn: Momenti, figure e opere. Milano
- Lombardo-Radice 1972. Lombardo-Radice L. Gli accusati: Franz Kafka, Michail Bulgakov, Aleksandr Solzenitsyn, Milan Kundera. Bari
- Lukács 1970. Lukács G. Solzhenitsyn. L.
- Luplow 1971. Luplow R. Narrative style and structure in *One day in the life of Ivan Denisovich* // Russian literary triquarterly. No.1 (Fall). Mich.
- Maccarty 1972. Maccarty M. The Tolstoy connection // Saturday rev. Books. Sept. 16. L.
- Maccullin 1970. Maccullin D. Is anyone taking any notice?: A book of photographs and comments. Cambridge (Mass.)
- Marion 1980. Marion C. Qui a peur de Soljénitsyne? Paris
- Marsh 1989. Marsh R. Images of dictatorship: Stalin in literature. L., N.Y.
- Martin 1973. Martin A. Soljénitsyne le croyant: Lettre, discours, témoignages. Paris
- Martin 1977. Martin W. Alexander Solschenizyn: Eine Bibliographie seine Werke. Hindesheim
- Medvedev 1974. Medvedev Z. Zehn Jahre im Leben des Alexander Solschenizyn: eine politische Biographie. Darmstadt
- Melnikow 1971. Melnikow G. A.I.Solzhenitsyn // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Moody 1976. Moody C. Solzhenitsyn. Edinburgh
- Motiramani 1986. Motiramani M. Funktion der literarischen Zitate und Anspielungen in Aleksandr Solzhenitsyns Prosa (1962-1968). Frankfurt a/M
- Neumann-Hoditz 1974. Neumann-Hoditz R. Alexander Solschenitzyn in Selbstzeugnissen und Bilddokumentation. Reinbek bei Hamburg

- Nielsen 1975. Nielsen N.C. Solzhenitsyn's religion. N.Y.
- Nivat 1970a. Nivat G. Au tocsin de l'histoire // Quinsane littéraire. 1.nov. Paris
- Nivat 1970b. Nivat G. Etudes et miniatures // Monde (Monde des Livres). 23.oct. Paris
- Nivat 1971a. Nivat G. Soljénitsyne: *La justice est la conscience de l'humanité* // J. De Geneve. Samedi Lit. 29 mai. Geneve
- Nivat 1971b. Nivat G. Soljénitsyne / Ce cahier a été dirigé par G.Nivat et M. Aucouturier. Paris
- Nivat 1974. Nivat G. Sur Soljénitsyne: Essais. Lousanne
- Nivat 1976. Nivat G. On Solzhenitsyn's Symbolism // Feuer K. Solzhenitsyn: A collection of critical essays. N.J.
- Nivat 1980. Nivat G. Soljénitsyne. Paris
- Obolensky 1971. Obolensky A.P. Solzhenitsyn in the mainstream of Russian literature // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Pontuso 1990. Pontuso J. Solzhenitsyn's political thought. Charlottesville.(VA)
- Perelmuter 1967. Perelmuter J. The Language of Solzhenitsyn's *Odin den' Ivana Denisovica*. M.A. McGill Univ.
- Pervushin 1971. Pervushin N.V. Preliminary remarks on the literary craft of Solzhenitsyn // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Pirotta 1975. Pirotta G. Verita come lusso: Lettera a Solzenicyn. Roma
- Rea 1971. Rea N. Nerzhin: A Sartrean Existential Man // Canadian Slavonic papers. Vol.13. Toronto
- Rothberg 1971. Rothberg Abraham. Aleksandr Solzhenitsyn : The major novels. Ithaca, N.Y.
- Rus 1971. Rus V.J. On day in the life of Ivan Denisovich: A point of view analysis // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Scammel 1984. Scammel M. Solzhenitsyn: A biography. N.Y.
- Shapiro 1963a. Shapiro I.H. Alexander Solzhenitsyn: One day in the life of Ivan Denisovich // Slavic review. Vol.22. No.2. Stanford (Cal.)
- Shapiro 1963b. Shapiro L. One day in the life of Ivan Denisovich // New statesman. Febr. 1. L.
- Solzhenitsyn studies 1980 -
- Solzhenitsyn studies: A quarterly survey / Ed. by M.A.Nicholson. Colgate University, University of Lancaster
- Soljénitsyne 1974. Soljénitsyne. Paris
- Soljénitsyne 1976. Soljénitsyne, Poe, Beckett: Théories de la littérature. Paris
- Solschenizyn 1974. Solschenizyn: Eine Bild-Biographie. Darmstadt
- Strada 1964. Strada V. In difesto di Solgenitsyn // Europa letteraria. No.26. Roma
- Strada 1969. Strada V. Gli ideali di Solgenitsyn // Rinascità. 14 mar. Roma
- Suchanek 1994. Suchanek Lucjan. Aleksander Solzenicyn - Pisar i publicysta. Krakow
- Thomas 1998. Thomas D.M. Alexander Solzhenitsyn. A century in his life. London
- Timmerman 1974. Timmerman H. Der *Fall Solschenizyn* als Herausforderung an die Weltkommunisten. Köln
- Toivola 1997. Toivola Lea. Dudintsevin Valkeat vaatteet Solzenitsynin Ensimmäisen piirin vastateoksena. // Kanava No. 7

- Trochimiak 1996. Trochimiak J. Solženizyn. Warszawa
- Unbegaun 1971. Unbegaun B.O. *The Language of Ultimate Clarity* // Melbourne Slavonic Studies. No. 5/6. Melbourne
- Über Solschenizyn 1973. Über Solschenizyn: Aufsätze, Berichte, Materialien. Darmstadt
- Vettenniemi 1994. Vettenniemi E. Toinen hallitus. Aleksandr Solzhenitsyn, venäläinen kirjailija. Helsinki
- Whitehorn 1971. Whitehorn A.J. What Men Live By: An Analysis of Solzhenitsyn's writings // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Vilner 1975. Vilner J. Solzhenitsyn and the future. N.Y.
- Windle 1971. Windle K. Symbolism and Analogy in Solzhenitsyn's Cancer Ward // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto
- Vita 1974. Vita L. Solgenitsyn: Martire della liberta. Messina
- Zamoyska 1963. Zamoyska H. Soljénitsyne et la grande tradition // Table ronde. No. 185. Paris
- Zamoyska 1968. Zamoyska H. *Le Pavillon des cancéreux* d'Alexandre Soljénitsyne // Monde. 24 aout. Suppl. au No.7344. - P.VI. Zamoyska H. Le couronnement d'une grande oeuvre // Ibid. 2 nov. Suppl au 7404. P.V. S/seconde partie du *Le Pavillon des cancéreux*. Paris
- Zamoyska 1969a. Zamoyska H. Soljénitsyne // Table ronde. No.253. Paris
- Zamoyska 1969b. Zamoyska H. Une descente en enfer: *Le Premier cercle* // Monde. 18 janv. Paris
- Zavalishin 1963. Zavalishin V. Solzhenitsyn, Dostoevsky and Leshenkov-Klychkov // Bull. Of the Inst. for the study of the USSR. Nov. Munich
- Zekulin 1971. Zekulin G. Solzhenitsyn's Play: The Candle in the Wind (The Light which is in Thee) // Canadian Slavonic papers. Vol.13. No.2/3. Toronto

- 1 LAPPALAINEN, PEKKA, Gustaf Fröding ja Ruotsin runouden uudistus. Kaunokirjallisuuden henkilö- ja aatehistoriallinen tutkimus. - Gustaf Fröding und die Reform der Dichtung in Schweden. Einen personen und ideengeschichtliche Untersuchg. 195 p. Zusammenfassung 9 p. 1967.
- 2 LAPPALAINEN, PEKKA, Realistisen valtavirtauksen aatteet ja niiden kontinuitiivisuus Suomen kirjallisuudessa vuosisadan alkuun saakka. Kaunokirjallisuuden ja sen arvostelun aatehistoriallinen tutkimus. - Die Ideen der realistischen Hauptströmung und ihre Kontinuität in der Literatur von Finnland bis zum Anfang des Jahrhunderts. Eine ideengeschichtliche Untersuchung der Belletristik und ihrer Kritik. 193 p. Zusammenfassung 9 p. 1967.
- 3 INGMAN, OLAVI, Die klassische Sonatenform als Feld thematischen Prozesses. 208 p. 1968.
- 4 HEISKANEN-MÄKELÄ, SIRKKA, In Quest of Truth: Observations on the Development of Emily Dickinson's Poetic Dialectic. 238 p. Tiivistelmä 3 p. 1970.
- 5 LILJA, JENNY, Runoilija ja eksistenssi. Eksistentiaalianalyttinen tutkimus Uuno Kailaan tuotannon teemoista ja niiden yhteyksistä ekspressionismiin. - Dichter und Existenz. 230 p. Zusammenfassung 4 p. 1972.
- 6 VALKONEN, OLLI, Maalustaiteen murros Suomessa 1908-1914. Uudet suuntaukset maalustaiteessa, taidearvostelussa ja taidekirjoittelussa. - A Turning-Point in Finnish Painting 1908-1914: New attitudes and tendencies in painting and criticism. 170 p. Summary 2 p. 1973.
- 7 SAKARI, ELLEN, Prophète et Pierrot. Thèmes et attitudes ironiques dans l'oeuvre de Jules Laforgue. 233 p. 1974.
- 8 PEURANEN, ERKKI, Lirika A.S. Puškina 1830-h godov. Po tika: temy, motivy i anry pozdnej liriki. 293 s. Summary 5 p. 1978.
- 9 REICHEL, KLAUS, Stilkunst in Finnland um 1900. 214 p. Tiivistelmä 3 p. 1978.
- 10 HEISKANEN-MÄKELÄ, SIRKKA, Minuuden myytit ja roolit. Seitsemän tutkielmaa Karen Blixenin taide- ja kulttuurikäsitteistä ja sen muotoutumisesta. 432 p. English Introduction 7 p. 1978.
- 11 IHMINEN MUSIIKIN VALTAKENTÄSSÄ. Juhlakirja professori Timo Mäkiselle 6.6.1979. Toimittanut Reijo Pajamo. 281 p. 1979.
- 12 LILJA, JENNY, Draamatikon visiot. Tutkimus ekspressionistisista teemoista ja motiiveista Lauri Haarlan näytelmissä. - Visionen eines Dramatikers. Eine Untersuchung der expressionistischen Themen und Motive in den Schauspielen Lauri Haarlas. 187 p. Zusammenfassung 3 p. 1979.
- 13 LILJA, PEKKA, Positiivisen sankarin tulo neuvostovirolaiseen romaaniin. Tausta ja toteutus. - The Advent of the Positive Hero into the Soviet Estonian Novel. Background and Realisation. 297 p. Summary 9 p. 1980.
- 14 AMMONDT, JUKKA, Niskavuoren talosta Juurakon torppaan. Hella Wuolijoen maaseutunäytelmien aatetausta. 260 p. 1980.
- 15 ROBINSON, DOUGLAS, John Barth's Giles Goatboy: A Study. 390 p. Tiivistelmä 4 p. 1980.
- 16 LILJA, PEKKA, Eino Leino ja Viro. Tutkimus Eino Leinon virolaisaiheisesta tuotannosta ja hänen suhteestaan Viroon, sen kirjallisuuteen ja kirjailijoihin. - Eino Leino and Estonia. A study of Eino Leino's works dealing with Estonia and of his relationship to Estonia, her literature and writers. 120 p. Summary 3 p. 1981.
- 17 KIRJALLISUUS JA TIEDE. Juhlakirja professor emeritus Aatos Ojalalle vuonna 1982. - Literature and Science. A Festschrift in honour of professor emeritus Aatos Ojala in 1982. 354 p. Summaries. 1982.
- 18 SAKARI, ELLEN, L'écriture clownesque de Jules Laforgue. 376 p. 1983.
- 19 MYLLÄRI, JUHANI, Poliittinen karikatyyri suomalaisissa pilalehdissä 1868-1917. Taidehistoriallinen ja -teoreettinen tutkimus poliittisen karikatyyrin olemuksesta ja viestintäkeinoista. 393 p. Resumé 12 p. 1983.
- 20 AMMONDT, JUKKA, Romantiikka luonnon salattun kirjan tulkitsijana. Romanttisluonnonfilosofinen näkökulma Oehlenschlägerin, Atterbomin, Arwidssonin ja Runebergin runouteen. - Die Romantik als Interpret des Geheimen Buchs der Natur. Romantisch-naturphilosophische Aspekte in der Dichtung von Oehlenschläger, Atterbom, Arwidsson und Runeberg. 146 p. Zusammenfassung 5 p. 1983.
- 21 LILJA, PEKKA, Väinö Linnan Tuntematon sotilas konfliktiromaanina. Normistojen taistelu. - Väinö Linna's Unknown Soldier as a Conflict Novel. Struggle of Norms. 121 p. 1984.
- 22 Lilja, Pekka, Eino Leino ja Italia. Tutkimus kulttuurivaikutuksesta ja -vaikutteista. - Eino Leino and Italy. A study in cultural influences and their sources. 95 p. 1985.
- 23 ONGELMOITA OPPIMIA. Näkökulmia Kalevalaan ja kansanrunouteen. 1985. 164 p. Summaries.
- 24 TOIVONEN, PIRJO-MAIIJA, Aila Meriluodon varhaislyriikan modernismi ja sen tausta. Tekstianalyttinen tutkimus modernismin estetiikasta ja historiasta. 291 p. 1986.
- 25 LAHDELMA, TUOMO, Vapahtajaa etsimässä. Evankeliumit Endre Adyn lyriikan subtekstinä vuoteen 1908. 299 p. 1986.
- 26 TUOHIMAA, SINIKKA, Empiirisen minän kokemuksia. Heijastussymboliikka Eeva-Liisa Mannerin tuotannossa. 224 p. 1986.
- 27 AMMONDT, JUKKA, Teatterista valkokankaalle. Hella Wuolijoen näytelmien ja elokuva-sovitusten vertailua. 198 p. 1986.
- 28 LOUHIVUORI, ANNA, Myytit kuvina. Marc Chagallin I Pariisinkauden (1910-1914) maalausten strukturalistis-semioottista tulkintaa. 324 p. 1988.

- 29 AMMONDT, JUKKA (TOIM.), Hella Wuolijoki - kulttuurivaikuttaja. Vuosisata Hella Wuolijoen syntymästä. Zusammenfassungen 21 S. Hella Wuolijoki - Wirken und Wirksamkeit einer Kulturpersönlichkeit. Zum 100. Geburtstag von Hella Wuolijoki. 285 p. 1988.
- 30 LILJA, PEKKA, Kaunis ja ruma Noitaympyrässä. Pentti Haanpään estetiikkaa. 61 p. 1988.
- 31 VIRTANEN, KEIJO, The Concept of Purification in the Greek and Indian theories of Drama. 59 p. 1988.
- 32 SIEVÄNEN-ALLEN, RITVA, Avoin pohjakaava ja sen käyttöönotto Suomen kirjastoarkkitehtuurissa ennen vuotta 1940. Kuvaus kirjasto-rakentamisen kehityksestä, esimerkkeinä Tampereen ja Viipurin kaupungin kirjastot sekä Åbo Akademin kirjasto. 263 p. 1989.
- 33 KAJANNES, KATRIINA, Elämänpolun kaarteessa. Elsa Heporaudan kirjailijauran alku Jyväskylässä 1910-1922. 143 p. 1990.
- 34 KUIVASMÄKI, RIITTA, Siiwollisuuden tuntoa ja ylewätä kauneuden mieltä. Suomenkielinen nuorisokirjallisuus 1851-1899. - A Chaste Mind with a Noble Longing for Beauty. Finnish-language Children's Literature 1851-1899. 261 p. Summary 14 p. 1990.
- 35 NIKKI, KALEVI, "Suomen poika pellollansa". Talonpojan kuva suomalaisessa kertomakirjallisuudessa. - The Representation of Peasants in Finnish Fiction. 280 p. Summary 4 p. 1991.
- 36 PÖYKKÖ, KAARINA, Erik Cainberg ja hänen reliefisarjansa Turun vanhassa akatemiatalossa. - Erik Cainberg och hans reliefsvit i Åbo gamla akademihus. 218 p. Resumé 9 p. 1991.
- 37 RUISMÄKI, HEIKKI, Musiikinopettajien työtyytyväisyys, ammatillinen minäkäsitys sekä uranvalinta. 323 p. 1991.
- 38 AMMONDT, JUKKA, Vapautumisen estetiikka. Eino Krohn taiteen ja kirjallisuuden tutkijana. - Emancipatory Aesthetics. Eino Krohn as a Critic of Art and Literature. Zusammenfassung 4 S. Emanzipatorische Ästhetik. EinoKrohn als Kunst- und Literaturforscher. 286 p. 1991.
- 39 KUOKKALA, PEKKA, Ooppera Viimeiset kiusaukset Joonas Kokkosen säveltäjäkuvan heijastamana. - Die Oper "Letzte Versuch-ungen" als Spiegel von Joonas Kokkonens Schaffen. 294 p. Zusammenfassung 8 S. 1992.
- 40 VAINIO, MATTI, Orkesteri etsii tietään. Tutkielmia Suomen orkesterihistorian vaiheilta. - Das Orchester in der Krise. Studien über die Entstehung des finnischen Orchesterwesens. 251 p. Zusammenfassung 12 S. 1992.
- 41 JOKINEN, TEPPU, Erkki Huttunen liikelaitosten ja yhteisöjen arkkitehtina 1928-1939. - Architect Erkki Huttunen as a designer of business and community buildings (1928-1939). 299 p. Summary 6 p. 1992.
- 42 VALKOLA, JARMO, Perceiving the visual in cinema. Semantic approaches to film form and meaning. - Visuaalisuuden havainnointi elokuvassa. Semanttisia lähestymistapoja elokuvan muotoon ja merkityksiin. 225 p. Yhteenveto 4 p. 1993.
- 43 FREDRIKSON, MAIIJA, Spontaanit laulutoisnot ja enkulturaatioprosessi. Kognitiivisetnomusiologinen näkökulma alle kolmevuotiaiden päiväkotilasten laulamiseen. - Variants in spontaneous songs and the enculturation process. A cognitive-ethnomusicological approach to the singing of children under the age of three in day care. 243 p. Summary 4 p. 1994.
- 44 SEDERHOLM, HELENA, Intellektuaalista terrorismia. Kansainväliset Situationistit 1957-72. - Intellectual terrorism. The Situationist international 1957-72. 281 p. Summary 9 p. 1994.
- 45 SUNDIN, NILS-GÖRAN, Aesthetic criteria for musical interpretation. A study of the contemporary performance of Western notated instrumental music after 1750. 665 p. 1994.
- 46 MOILANEN, IRENE, Last of the great masters? Woodcarving traditions in Myanmar - past and present. - Viimeiset mestarit? Puuveistotraditio Myanmarissa. 158 p. [41 pict.] Yhteenveto 3 p. 1995.
- 47 SUVILEHTO, EERO, Dimitâr Dimovin Tupakkaa ristiriitojen romaanina - Bulgarianlaisen kriisin horjutetut kuvat. 241 p. Zusammenfassung 2 S. 1995.
- 48 HEINONEN, YRJÖ, Elämyksestä ideaksi - ideasta musiikiksi. Sävellysprosessin yleinen malli ja sen soveltaminen The Beatles-yhtyeen laulunteko- ja äänitysprosessiin. - From experience to an idea - from an idea to music. A general model of the compositional process and its application to the songwriting and recording process of the Beatles. 120 p. Summary 10 p. 1995.
- 49 RICHARDSON, JOHN, Refractions of masculinity: ambivalence and androgyny in Philip Glass's Opera 'Akhnaten' and selected recent works. - Maskuliinisuuden heijastuksia: Ambivalenssi ja androgynia Philip Glassin "Akhnaten"-oopperassa ja eräissä myöhemmissä teoksissa. 310 p. Yhteenveto 4 p. 1995.
- 50 KÄYHKÖ, UNTO, Painted and photographed portraits in Finland 1839-1870. 286 p. [119 pict.]. 1995.
- 51 TOIVAINEN, PETRI, Modelling musical cognition with artificial neural networks. - Musiikin kognition mallintaminen keinotekoisilla hermoverkoilla. 40 p. (230 p.) Yhteenveto 3 p. 1996.
- 52 VÄHÄKANGAS, PEKKA, Taide Alttarilla. Altaritaulutraditio Suomessa 1918-1945. - Art on the altar. The Finnish altarpiece tradition 1918-1945. 228 p. [20 pict.]. Summary 8 p. 1996.

- 53 PASSI, LEENA, Ilmiö mitalitaide. 1960-luvulla valetut suomalaiset mitalit. - The phenomenon of medal art, finnish cast medals in the 1960's. 290 p. [215 pict.]. Summary 6 p. 1996.
- 54 HANKA, HEIKKI, Kirkkomaalauksen traditio ja muutos 1720-1880. Carl Fredrik Blom murrosajan maalarina. - Tradition and change in church painting, 1720-1880. Carl Fredrik Blom as a painter in a period of transition. 542 p. [262 pict.]. Summary 5 p. 1997.
- 55 TENGSTRÖM, LEIF, "Muschoviten ... Turcken ickel olijk". Ryssattribut, och deras motbilder, isvensk heraldik från Gustav Vasa till freden i Stolbova. - "The Muscovite, not unlike the Turk". Russian attributes in Swedish heraldry from Gustavus Vasa [1523] to the peacetreaty of Stolbova [1617]. Del I 493 p. [89 pict.]. Summary 11 p. 1997. Del II 519 p. [200 pict.]. Summary 11 p. 1997.
- 56 VUOJALA, PETRI, Pathosformel. Aby Warburg ja tunteiden taidehistoria. - Pathosformel. Aby Warburg and the art history of emotions. 226 p. [60 pict.]. Summary 2 p. 1997.
- 57 ERKKILÄ, JAAKKO, Musiikin merkitystasot musiikkiterapian ja kliinisen käytännön näkökulmista. - The meaning levels of music from the point of view of the theory and the clinical practise of music therapy. 145 p. Summary 4 p. 1997.
- 58 JÄRVINEN, TOPI, Tonal dynamics and metrical structures in Jazz improvisation. 117 p. Yhteenveto 3 p. 1997.
- 59 LITTUNEN, TEUVO, Olof Lagercrantzin lyriikan kehityslinjat. Runoanalyyseja. - The lines of development of Olof Lagercrantz's lyrics. Analyses of poems. 208 p. Summary 3 p. Sammanfattning 4 p. 1997.
- 60 HARJU, VIRPI, Themiksen temppeli. Vanhan Vaasan hovioikeudentalo Kustaa III:n valituspöytäkirjojen monumentti. - The Temple of Themis. The Old Vaasa Court of Appeal building, a monument to King Gustav III's enlightenment measures. 254 p. [104 pict.]. Sammanfattning 7 p. Summary 7 p. 1997.
- 61 BLOMSTEDT, JAN, Shame and guilt. Diderot's moral rhetoric. 148 p. Yhteenveto 1 p. 1998.
- 62 KESKINEN, MIKKO, Response, resistance, deconstruction. Reading and writing in/of three novels by John Updike. - Vastaanotto, vastustus, dekonstruktio. John Updiken kolmen romaanin luenta ja kirjoitus. 271 p. Yhteenveto 4 p. 1998.
- 63 SEDERHOLM, HELENA, Starting to play with arts education. Study of ways to approach experiential and social modes of contemporary art. - Tutkimus elämyksellisen ja yhteisöllisen nykyaikaisen taidekasvatuksesta lähestymis-tavoista. 310 p. Yhteenveto 3 p. 1998.
- 64 KYDEN, TARJA, Suomen intendentinkonttorin kirkkoarkkitehtuuri 1810-1824. Kustavilainen perinne ja suuriruhtinaskunnan uusi rakennushallinto. - Church architecture of the Superintendent of Public Works and Buildings in Finland in 1810-1824. The Gustavian tradition and the new administration of public building in the Grand Duchy of Finland. 242 p. [43 pict.]. Summary 3 p. 1998.
- 65 LOUHIVUORI, SINI, Viulupedagogiikan vaiheet. Musiikkiesteettisen ajattelun heijastuminen viulunsoitonopetukseen 1750-luvulta 1970-luvulle. - The history of violin pedagogy. The influence of music esthetic thinking on violin pedagogy from the 1750's to the 1970's. 290 p. Summary 12 p. 1998.
- 66 TEIRILÄ, MARIATTA, Physiology of wind-instrument playing and the implications for pedagogy. - Puhallinsoiton fysiologia ja sen pedagogiset sovellutukset. 117 p. Summary 3 p. Yhteenveto 2 p. 1998.
- 67 KÁDÁR, GYÖRGY, Rinnasteinen ajattelutapa suomensukuisten kansojen musiikki-perinteessä. - Paratactical thinking in the music tradition of Fenno-Ugrian people. 301 p. Magyar összegezés 4 p. 1999.
- 68 SAVOLAINEN, PENTTI, Ooppera suomalaisen kulttuuri-identiteetin rakentajana. Fredrik Paciuksen, Kaarlo Bergbomin, Aino Ackté ja Martti Talvelan vaikutus suomalaiseen oopperataiteeseen ja kulttuuri-identiteettiin. - Die Opera als Mitgestalterin der kulturellen Identität Finnlands. Der Einfluss von Fredrik Pacius, Kaarlo Bergbom, Aino Ackté und Martti Talvela auf die finnische Opernkunst und kulturelle Identität Finnlands. 280 p. Zusammenfassung 3 p. 1999.
- 69 HAUTALA-HIRVIOJA, TUIJA, Lappi-kuvan muotoutuminen suomalaisessa kuvataiteessa ennen toista maailmansotaa. - Shaping the image of Lapland in Finnish visual arts before the Second World War. 246 p. [56 pict.]. Summary 3 p. 1999.
- 70 JUVONEN, ANTTI, ...Johnnyllakin on univormu, heimovaatteet ja -kampaus... Musiikkiläisen erityisorientaation polku musiikkimaailman, maailmankuvan sekä musiikkimaailman heijastamina. - "...Also Johnny has a uniform, tribal clothes and hairdo...". 391 p. Summary 7 p. 2000.
- 71 HOLOPAINEN, JUHANI, Jousenkäytön teoria ja todellisuus. Jousitekniikan ja viulumusiikin vastaavuuden systemaattinen tutkimus. - The theory and reality of violin bowing: The systematic study of the equivalence between bowing technique and violin music. 323 p. Summary 13 p. 2000.
- 72 TOIVANEN, MIKKO, Jazz luonnollisena systeeminä. Fenomenologis-semioottinen tutkielma modernin jazzin myytistä ja sen merkityksestä. - Jazz as a natural system. Phenomenological and semiotic research into the myth of modern jazz and its meanings. 450 p. Summary 3 p. 2000.

73 Фомичева, Варвара, Театральность в творчестве О.И. Сенковского. 125 с. 2001.
FOMITŠEVA, VARVARA, Teatral'nost' v tvortšestve O.I. Senkovskogo. 125 p. Summary 2 p. 2001.

74 Форсстедт, Пекка, Человек перел лицом зла. Мир героев романа Александра Солженицына В круге первом. 171 с. 2001.
FORSTEDT, PEKKA, Celovek pered licom zla. Mir geroev romana Aleksandra Solzenicyna v krugerpervom. 171 p. Yhteenveto 5 p. 2001.